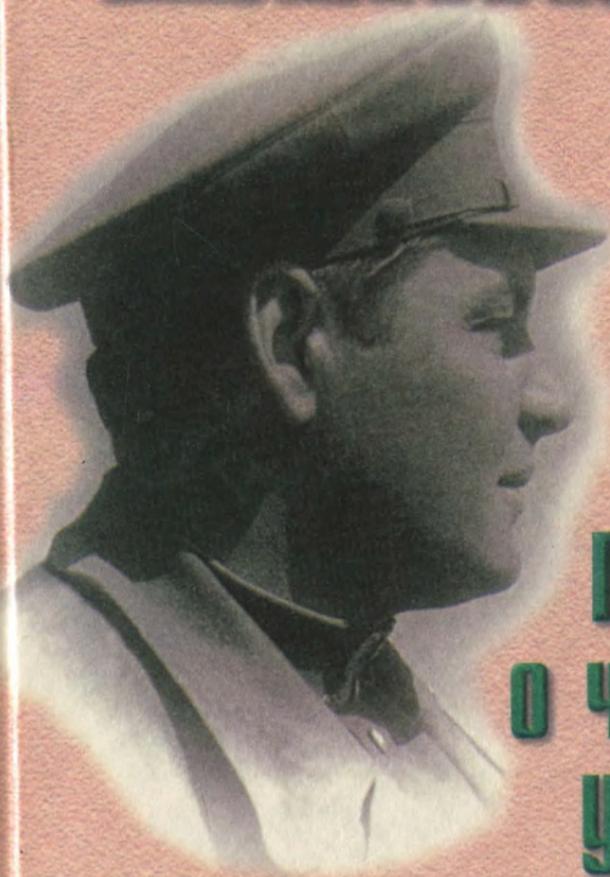

И ПРИМКНУВШИЙ К НИМ
ШЕПИЛОВ

**ПРАВДА
О ЧЕЛОВЕКЕ,
УЧЕНОМ,
ВОИНЕ,
ПОЛИТИКЕ**

ВЕК:
Лики
Лица
Личины

J. Lee

и примкнувший к ним
ШЕПИЛОВ

**правда
о человеке,
ученом,
воине,
политике**

Москва
«Звонница-МГ»
1998

УДК 929
ББК 66.61(2)8
И 11

Составители
Тамара Толчанова
Михаил Ложников

**Издательство благодарит всех принявших участие
и помогавших в создании этого сборника за безвозмездное
предоставление материалов и фотографий.**

Главным героем данного сборника является Дмитрий Трофимович Шепилов, известный как «примкнувший» к «антипартийной группе» Маленкова — Кагановича — Молотова. Здесь собраны как выступления и заметки самого Шепилова, так и тех, кто хорошо знал этого незаурядного человека.

Этот сборник воспоминаний открывает новую серию издательства «Звонница — МГ» «XX век: лики, лица и личины». Внутри серии будут дифференцированы история, политика, литература, философия, наука, спорт и т.д. Но, безусловно, стержнем каждой книги будут люди — персонажи этого столетия, причем, в отличие от молодогвардейской серии «ЖЗЛ», и «со знаком минус». В ближайшее время в серии выйдут книга литературных воспоминаний Николая Старшинова «Что было, то было...» и сборник документальных материалов, составленный по протоколам допросов фашистских генералов, о последних неделях бункера Гитлера в Берлине, другие интересные книги. Очень важно, что читатели будут узнавать правду о многих незаслуженно оклеветанных или забытых людях, или же о событиях, скрытых от нас завесой неизвестности.

ISBN 5-88093-040-8

© Составление Т.Толчанова,
М.Ложников 1998 г.

© Оформление — издательство
«Звонница - МГ», 1998 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Неумолимо бежит время, стирая в памяти отдельные факты и детали, отдаляя события, встречи и разговоры. И уходят незримо, как бы растворяясь, сказанные когда-то мудрые слова этого Человека с большой буквы.

Даже наше старшее поколение, не говоря уж о нынешнем, лишь смутно помнит что-то о «примкнувшем к ним Шепилове». И — всё. Многие его близкие, друзья, родные уже ушли из этой жизни. Они могли бы пополнить, расширить наши воспоминания и сказать, возможно, больше, чем мы. Но их нет...

Мы тоже знали его, встречались и говорили с ним, дружили, разделяя вместе минуты горя и радости. Поэтому мы и обязаны рассказать всю правду об этом человеке. Удалось ли нам на страницах сборника, составленного по крупицам, раскрыть душу, ход мыслей и жизненных поступков Дмитрия Трофимовича, судить Вам, уважаемые читатели.

1998 год

СОДЕРЖАНИЕ

НА СТЫКЕ ПЕРЕМЕН

- В. Наумов. Крутые повороты 9
Д. Косырев. Он мог бы возглавить страну..... 23

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

- Семья Шепиловых 35
(По письмам братьев Д. Т. Шепилова)
Дмитрий Шепилов о себе 38
Е. Полеский. А еще Дима пел в церковном хоре 48

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

- Ю. Шепилов. Боевое крещение 51
М. Егоров. Люди к нему тянулись 54
Между Волгой и Доном 66
(Солдатская песня. Автор Е. Тюхтяева)
В. Тюхтяев. Фронтовой учитель 67
А. Королев. Помнит Вена... 76
Гвардейская 84
(Солдатская песня. Автор Е. Тюхтяева)
С. Михалков. Удивительный генерал 85
Ветеранам 4-й гвардейской армии посвящается 91
(Стихотворение. Автор Э. Рубальский)
М. Домогацких. От Сталинграда — до Пекина 92

ТАК СЛОЖИЛАСЬ ЖИЗНЬ

Обстановка была такой	107
<i>(Выступление Д. Т. Шепилова)</i>	
Это говорил он сам.....	122
<i>(Беседа с Д. Т. Шепиловым)</i>	
«Дальше медлить было нельзя»	135
<i>(Рассказывает Д. Т. Шепилов)</i>	
Т. Хренников. Судьба человеческая.....	146
А. Шефов. Две встречи	151
Ф. Чуев. Суэцкий кризис и другое	160
И. Реформатский. Разговор по душам	175
Л. Абалкин. Он не мог по-другому	188

ГЛАВНЫЙ ПРАВДИСТ

А. Макаров. Мне хочется снять шляпу... ..	199
Э. Рыжова. Пока мы помним — человек жив.....	203
Л. Никифорова-Русинова. «Все прекрасно, но зачем этот выстрел?»	206
В. Дехтеренко. «Опальная» личность	209
Ю. Дзагурова. Ирония судьбы: я — начальница	228
Т. Толчанова. Дружба длиною в сорок лет	231
В. Карпов. Слово о друге	269
Ордена Победы.	284
<i>(Стихотворение. Автор Е. Тюхтяева)</i>	

В СОЗДАНИИ СБОРНИКА ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ И ПОМОГАЛИ:

Абалкин Леонид Иванович — академик, директор Института экономики Российской академии наук

Барсуков Николай Александрович — журналист, кандидат исторических наук

Дехтеренко Вера Владимировна — друг Д.Т.Шепилова, сослуживица по Главному архивному управлению

Дзагурова Юлия Павловна — сослуживица Д.Т.Шепилова по Главному архивному управлению

Домогацких Михаил Георгиевич — журналист, писатель, ветеран 4-й гвардейской армии

Егоров Михаил Николаевич — ветеран 4-й гвардейской армии

Карпов Владимир Васильевич — писатель, Герой Советского Союза

Королев Александр Федорович — ветеран 4-й гвардейской армии

Косырев Дмитрий Евгеньевич — внук Д.Т.Шепилова, журналист, востоковед

Ланцов Павел Петрович — ветеран 4-й гвардейской армии

Ложников Михаил Григорьевич — журналист

Макаров Аскольд Анатольевич — народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР

Михалков Сергей Владимирович — писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР

Наумов Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор

Никифорова-Русинова Лидия Сергеевна — жена народного артиста Грузинской ССР И.Н.Русинова

Поленский Евгений Константинович — друг детства Д.Т.Шепилова, ветеран войны и труда

Реформатский Игорь Александрович — журналист, ветеран 4-й гвардейской армии

Рубальский Энрико Григорьевич — ветеран 4-й гвардейской армии

Рыжова Эмма Багратовна — заслуженный врач РСФСР

Тафля Исаак Давидович — ветеран войны и труда, кандидат экономических наук

Толчанова Тамара Петровна — друг Д.Т.Шепилова, заслуженный работник культуры РСФСР

Тюхтяев Василий Алексеевич — генерал-майор в отставке, ветеран 4-й гвардейской армии

Тюхтяева Елена Александровна — ветеран 4-й гвардейской армии

Хренников Тихон Николаевич — композитор, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда, профессор

Чуев Феликс Иванович — поэт, публицист, лауреат премии имени Николая Островского

Шепилов Юрий Михайлович — племянник Д.Т.Шепилова, ветеран труда

Шефов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии СССР

Использованы материалы из журналов «Огонёк», «Россия и современный мир», «Вопросы истории КПСС», «Исторический архив», газеты «Правда-5», книги «Так это было».

Семейные и архивные фотографии предоставили: Маковкин Михаил Иванович — зять Д.Т.Шепилова, Сащенко Лира Михайловна — ветеран 4-й гвардейской армии, Шепилов Юрий Михайлович.

НА СТЫКЕ ПЕРЕМЕН

Владимир Наумов

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

РАБОТА ПРИ СТАЛИНЕ

Среди выдвиженцев Сталина второй половины 40-х — начала 50-х годов одной из наиболее ярких фигур был, несомненно, Дмитрий Трофимович Шепилов. Его компетентные статьи и научные разработки, отмеченные талантом и зрелостью мысли, снискали ему определенную известность в обществе. На его труды еще до войны обратил внимание Сталин, и Шепилову предложили работать в Центральном Комитете партии. Быстрое продвижение по службе, благосклонное отношение со стороны вождя, поддержка А.А.Ждановым открывали Шепилову дорогу в высшие эшелоны власти.

Однако его политическая карьера после войны не раз сопровождалась неожиданными крутыми поворотами, порой даже висела на волоске.

В 1948 году Ю.А.Жданов — заведующий сектором науки Агитпропа ЦК ВКП(б) и сын А.А.Жданова — выступил с докладом на семинаре ученых, в котором подверг резкой критике всю теоретическую и практическую деятельность академика Т.Д.Лысенко. Практически семинар свелся к развенчанию этого лжеученого, которому покровительствовал Сталин, считавший, что на Лысенко держится все сельское хозяйство страны. Возник острейший конфликт, который разбирался на заседании Политбюро ЦК. А.А.Жданова, по сути не имевшего никакого отношения к подготовке семинара, фактически отстранили от работы. Политбюро приняло решение немедленно направить его на лечение и отдых на Валдай. Непосредственный же организатор семинара был оставлен без наказания. Недаром Сталин

заявил, что спрашивать надо с отцов, а не с детей. Козлом отпущения оказался Шепилов, который формально дал согласие на проведение семинара. Нужно заметить, что Шепилов уже однажды понес наказание за критику Лысенко, когда в предвоенные годы занимал пост заместителя заведующего сектором науки в ЦК ВКП(б).

В ходе заседания Политбюро разъяренный Сталин пытался выяснить, кто же дал разрешение проводить семинар. Сулов, возглавлявший Агитпроп, категорически отказался, сказав, что он не в курсе дела. И тогда встал Шепилов, заявив, что это сделал он лично. Шепилов не только выдержал гнев Сталина, но и посмел высказать свою точку зрения на пагубную роль Лысенко в развитии сельского хозяйства, на несостоятельность его теории. И даже — неслыханное тогда дело! — попытался доказать вождю ошибочность его позиции в отношении Лысенко. За это Шепилова немедленно изгнали из ЦК партии, и он семь месяцев оставался без работы, ежедневно ожидая звонка и ареста. Сколько уже было аналогичных случаев, когда снятых с высоких и ответственных постов оставляли без предоставления работы, а затем арестовывали. Но за семь месяцев ни одного звонка, полная неизвестность.

А Сталин неожиданно сменил гнев на милость, и Шепилов вернулся на ответственную работу в Агитпроп ЦК. Этот поворот в судьбе Шепилова требует своего объяснения или, вернее, предположений — чем был вызван такой шаг вождя. И главное, что можно предположить: быстрое и сравнительно легкое прощение было вызвано тем, что Шепилов... был нужен Сталину.

Экономические проблемы развития СССР вызывали особую обеспокоенность Сталина ввиду нараставшего противостояния с США, обострения «холодной войны». Обрисованная в 1946 году перспектива развития экономики страны вскоре подверглась корректировке в сторону сокращения сроков, определенных самим Сталиным в его выступлении в том же году перед избирателями. Однако темпы роста промышленности не достигали намеченных им показателей, которые были в 30-е, а также в первые

послевоенные годы, когда шло восстановление разрушенной промышленности, создание новых ее отраслей. Теперь эти темпы развития определялись лишь увеличением числа и объемом прямых вложений во вновь создаваемые или восстанавливаемые предприятия.

Перед Сталиным встала неотложная проблема постичь закономерности экономического и общественного строя, который утвердился в нашей стране к 40-м годам. Экономическая реальность требовала глубокого осмысления, теоретического обоснования и определения закономерностей развития. Это было важным и для выбора перспектив дальнейшего развития экономики страны, ее государственного устройства, общественных отношений. Короче говоря, Сталин искал некое универсальное средство, используя которое в будущем, страна могла бы добиваться успехов в своем экономическом развитии.

Во время долгих бесед Сталина и Мао Цзэдуна в конце 1949 — начале 1950 гг. китайский лидер спросил кремлевского хозяина, в чем он видит главное качество руководителя социалистического государства. Сталин не задумываясь ответил: «Заставить людей работать».

Вот он — глубокий экономический подход вождя, но, очевидно, к тому времени он считал необходимым дополнить его неким принципом, столь же кратким и ясным, как и предшествующий, для решения современных экономических задач.

Сталин пытается привлечь к теоретической работе в области политической экономии старые кадры, однако они не удовлетворяют его. Он убеждается в том, что, хорошо зная труды Маркса, они не способны творчески анализировать экономические реалии в стране. Среди молодых, подающих надежды он и остановился на Шепилове, талантливом и уже сложившемся ученом-экономисте, со своими неординарными подходами к анализу экономических проблем в народном хозяйстве Советского Союза.

Шепилов привлек внимание Сталина и потому, что вождь и сам претендовал на приоритетную разработку

фундаментальных теоретических трудов. Вот Сталину и потребовался опытный помощник — ученый, с которым он мог бы обсуждать отдельные проблемы и который при необходимости мог бы выступать толковым рецензентом и безоголосным ценителем созданного им, самим Сталиным.

Сталин высоко оценил творческую активность Шепилова. Не отрывая его от работы над учебником, где он в авторском коллективе играл главную роль, Сталин доверяет ему и крупные идеологические посты. На 19-м съезде партии Шепилов был избран членом ЦК КПСС. Но в новом высоком качестве Шепилову пришлось проработать со Сталиным недолго.

Деятельность Сталина после 19-го съезда и до его кончины требует особого и внимательного изучения. Вновь созданный Президиум ЦК КПСС в составе 25 человек и такого же числа кандидатов в члены Президиума фактически не начал работать. Его функции подменяли бюро Президиума ЦК, «девятки», «пятерки» — по всей вероятности, предвестники новых организационных структур. Не приступил к работе в полную силу и значительно расширенный Секретариат, также избранный на этом съезде партии. Позже, на июньском 1957 года пленуме ЦК, А.Б.Аристов рассказывал, как Сталин время от времени собирал секретарей ЦК, имел с ними продолжительные беседы общего характера, но никто из них не мог понять замыслы вождя и цель этих собеседований.

Предполагать и здесь довольно трудно. Быть может, у Сталина еще не сложились точные представления о том, как должна работать эта новая система организации власти. Быть может, он и не спешил по каким-то соображениям делиться своими планами с членами Президиума и даже членами бюро Президиума ЦК. Быть может, он еще не определился окончательно с персональным составом руководящих органов партии, и назревали какие-то новые передвижки. Уместно напомнить, что за эти четыре последних месяца жизни Сталин перестал принимать на даче Молотова и Микояна, как раньше поступил с Ворошиловым.

Несомненно одно: надвигались новые потрясения в высшем эшелоне партийно-государственной власти — и кадровые, и организационные...

Со смертью Сталина начался период острой и беспощадной борьбы внутри руководящей верхушки партии за единоличное лидерство.

Сталин так и не назвал имя преемника, который мог бы унаследовать его пост и лидерство в партии. Сложилась в общем-то схожая ситуация, как и при Ленине. Владимир Ильич тоже накануне своей смерти дал такие негативные оценки близким соратникам, которые, казалось бы, практически исключали их из всякой борьбы за единоличную власть.

В 1952 году, после 19-го съезда партии, состоялся пленум ЦК, и на этом пленуме Сталин дал уничижающие оценки Молотову и Микояну, которые могли быть наиболее вероятными претендентами на пост лидера партии. Молотов работал еще с Лениным, тридцать лет проработал со Сталиным, занимая вторые посты в государстве после него, — и вдруг неожиданно такая оценка. Одной из видных и, можно сказать, всесильных фигур в окружении Сталина был Берия. Однако органами госбезопасности к 1953 году было собрано такое досье, такое количество компрометирующих его документов, которого было более чем достаточно для ареста и физического устранения Берии. Одного из старейших членов Политбюро, Ворошилова, Сталин открыто называл «английским шпионом». Таким образом, среди тех в ближайшем окружении вождя, кто прошел вместе со Сталиным долгий путь 20 — 30-х годов, не оказалось ни одного человека, который мог бы быть признан Центральным Комитетом, коллегами по Президиуму ЦК лидером партии и занять пост генерального секретаря. Так что ситуация середины 20-х годов повторилась спустя тридцать лет.

Члены ЦК в 1924 году не посчитались ведь ни с мнением Ленина, ни с его предложениями. Так же были теперь отброшены взгляды и оценки Сталина. К тому же и сам

Сталин был осужден вчерашними соратниками еще до того, как завершилось бальзамирование его тела. Уже у гроба Сталина произносились первые слова осуждения его единовластия. Спустя несколько недель появилась формулировка «культ личности».

На первом же заседании высших советских и партийных деятелей была представлена программа, составленная Берией и Маленковым. Именно они определили структуру власти, предложили конкретных людей, которые возглавили бы Президиум ЦК и Совет Министров. И с этим согласились все без всяких обсуждений, лицемерно демонстрируя единство и сплоченность.

Однако через три месяца был арестован Берия, и вроде бы формальным лидером остался Маленков, но спустя некоторое время, в начале 1955 года, его снимают с поста Председателя Совета Министров СССР, объявляют теоретически несостоятельным, слабым руководителем, хотя до этого не было недостатка в славословии в его адрес. Но, тем не менее, Маленкова оставили в Президиуме ЦК — как объяснял Хрущев впоследствии, трудно было бы объяснить вывод его из состава Президиума братским коммунистическим и рабочим партиям.

РЯДОМ С ХРУЩЕВЫМ

А борьба за единоличное лидерство в партии разгоралась и обострялась. К 1956 году складывается такая ситуация, когда два человека фактически возглавляют две группы с разной направленностью и претендуют реально на лидерство в партии. Это — Хрущев и Молотов.

Парадокс развернувшейся борьбы состоял в том, что еще у гроба Сталина члены высшего партийно-государственного руководства договорились, что в партии никто не будет возвышаться над остальными. С якобы сурового осуждения сталинского единовластия началась борьба против культа личности, за десталинизацию жизни в стране и деятельности внутри партии.

Что значила для этих политиков договоренность не вступать в борьбу за единоличное лидерство? Не более чем условность, паузу, которая использовалась наиболее ловкими из них.

Шепилов в создавшейся политической ситуации видел только одну сторону развивающегося процесса: в партии никто не должен, занимая высокий пост, командовать остальными. И он со всей силой своей убежденности боролся за сохранение достигнутой договоренности, твердо веруя, что именно это приведет к коренным переменам в партии, к десталинизации страны.

Формальное осуждение Сталина за сдиновластие и фактическая борьба за единоличное лидерство после его смерти лишь разжигали обстановку, обостряли столкновения внутри руководящей партийной верхушки. Именно этим объяснялись непоследовательность и двойственность в борьбе против культа личности Сталина, в процессе десталинизации, а также использование антисталинизма в ходе «разборок» внутри Президиума ЦК — и не только из идейных соображений, но и в узкокорыстных интересах. Происходило все более глубокое размежевание сил, поиски союзников и приверженцев той или иной политической фигуры.

Хрущев и Шепилов были знакомы давно, еще с довоенных времен, встречались и во время войны. Хорошие отношения сложились у Хрущева, тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Украины, и Шепилова, заместителя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК, и в первые послевоенные годы. Но вместе им довелось работать только после смерти Сталина. Шепилов был и редактором газеты «Правда», и секретарем ЦК, тогда как Хрущев возглавлял всю организационную работу в партии.

Последовал сравнительно продолжительный период все большего и большего их сближения и общения, и это не ограничивалось делами в Центральном Комитете. Хрущев, его жена и другие члены семьи часто бывали у Шепилова дома. на даче. Тот тоже навещал семью Хрущева. Они оба

тянулись к этому общению, поэтому, уединившись от членов семьи, могли беседовать часами.

По воспоминаниям Шепилова, Хрущев многое говорил о Сталине, об отдельных событиях прошедшей эпохи, свидетелем которых был он сам, или же ему рассказывали очевидцы. Касался он в беседах и закулисных сторон деятельности Политбюро, о которых Шепилов не знал, а подчас не мог и догадываться. Естественно, шел разговор и о текущих делах, о перспективах деятельности Центрального Комитета, о разработке его нового курса. Судя по характеру взаимоотношений Хрущева и Шепилова, между ними не было принципиальных разногласий. Это были скорее беседы единомышленников, прекрасно понимающих друг друга.

Разумеется, их взаимоотношения в те годы не ограничивались только приятным личным общением, дружескими беседами. Хрущев всячески поддерживал Шепилова, был инициатором выдвижения его на все более ответственную работу. Хрущев был доволен той помощью, которую ему оказывал Шепилов — и в Центральном Комитете партии, и на посту главного редактора газеты «Правда», и будучи секретарем ЦК КПСС, а затем министром иностранных дел СССР.

Весьма значительна роль Шепилова в разоблачении и осуждении сталинщины, в десталинизации партии. А ведь он не был обделен вниманием вождя, и еще при Сталине занимал важные должности. Однако это не помешало ему сохранять принципиальную позицию в осуществлении наметившегося курса на преодоление культа личности Сталина.

С самого начала Шепилов поддержал Хрущева, когда тот на одном из первых заседаний Президиума после ареста Берии сказал, что «нам — мне, тебе, Клим, тебе, Вячеслав Михайлович, тебе, Маленков, тебе, Каганович — надо принести всенародное покаяние за 1937 год». Безоговорочную поддержку Шепилова получил Никита Сергеевич и в таком важнейшем деле, как открытие тюрем, возвращение из лагерей и сылок невинно осужденных — с главной целью

освободить всех, кто еще не был уничтожен. Однако, полностью признавая злодеяния сталинской эпохи, лично Сталина, Шепилов, руководствуясь ложно понятыми интересами партии, испытывал боязнь раскрыть все имеющиеся факты не только перед всем народом, но и перед всеми членами партии. Он полагал, что этим будет нанесен большой ущерб авторитету партии. В этом его мнение совпадало с позицией подавляющего большинства партийного руководства.

И тем не менее, Шепилов принял самое активное участие в подготовке отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии, стал одним из ближайших помощников Хрущева в подготовке им последней редакции доклада о культе личности Сталина. И в этом его большая и бесспорная заслуга перед всем нашим народом и обществом.

ПРЕСЛОВУТЫЙ ПЛЕНУМ

Весной 1956 года Шепилов выступил с содержательными докладами на съездах художников и композиторов. В этих докладах явственно раскрывались те новые подходы к творческой интеллигенции, которые вытекали из сути решений XX съезда партии. Этот съезд вызвал широкое стремление коммунистов и беспартийных ликвидировать сталинщину, последствия культа личности, установить демократические порядки в стране, предоставить свободу творчества художественной интеллигенции, ученым.

Вскоре после съезда в ЦК партии были взволнованы сообщениями о том, что на партийных собраниях не только осуждается Сталин, но и выдвигаются требования наказать лиц, которые были виновны в массовых политических репрессиях в годы сталинщины. Коммунисты, представители творческой интеллигенции требовали от ЦК принятия конкретных мер по демократизации жизни общества, ослабления цензуры, свободы волеизъявления для каждого гражданина.

Первые шаги по пути демократизации общества со всей остротой поставили проблему совместимости диктатуры партии, которая фактически существовала в стране, и возможности демократических преобразований. Как показала историческая практика, эта проблема неразрешима. А волна выступлений с требованиями демократических реформ вызвала ответную жесткую реакцию ЦК партии.

В апреле 1956 года ЦК КПСС принимает очень строгое решение о роспуске ряда партийных организаций, о наказании тех, кто фактически выступал в защиту XX съезда партии и дальнейшего развития выдвинутых на нем идей.

Летом ЦК КПСС направляет специальное письмо в партийные организации и принимает постановление «О культе личности и преодолении его последствий», в которых устанавливались рамки критики Сталина и сталинского режима. Выступать коммунисты могли по всем проблемам, но только не затрагивающим основ режима. Всякие отклонения от этих документов расценивались как антигосударственные и антипартийные действия. Однако эти меры не оказывают желательного воздействия на партию и на общество.

И тогда в июле 1956 года ЦК КПСС обращается еще с одним письмом в партийные организации, в котором также очень жестко ставит вопрос об обсуждении итогов XX съезда. В декабре — еще письмо, в котором уже была сформулирована угроза: будут приниматься репрессивные меры в отношении не только членов партии, но и всех лиц, которые выступают с критикой существующего в стране строя. И это не было пустой угрозой — уже в начале 1957 года несколько сотен человек были арестованы.

Все эти конкретные документы, инструкции и меры показали, что от ранее декларированных свобод и десталинизации мало что остается.

К этому можно добавить, что развернувшееся тогда народное движение в Восточной Европе (в Польше и Венгрии) привело к тому, что в Будапешт были введены войска для подавления движения. Это еще раз продемонст-

рировало не приверженность партийной верхушки к демократии, не ее стремление к десталинизации, а откат к старым порядкам.

Нужно сказать, что все конкретные мероприятия, о которых шла речь выше, были одобрены Президиумом ЦК единодушно, без каких-либо расхождений. Это дает более полное представление о той сложной, подчас критической обстановке, которая сложилась и в нашей стране, и в так называемом социалистическом лагере вообще.

В этой связи надо подчеркнуть, что Шепилов также поддерживал все мероприятия ЦК КПСС, полагая, что создается угроза монополю власти и авторитету партии. В этих условиях резко обострились противоречия в Президиуме ЦК КПСС. К маю — июню 1957 года там сложилась противостоящая Хрущеву группа, в которой оказалось большинство членов Президиума ЦК, в том числе главы правительства и Верховного Совета СССР. В ходе обсуждения создавшейся обстановки Президиум ЦК большинством голосов в семь человек против четырех высказался за смещение Н.С.Хрущева с поста первого секретаря ввиду нарушения им принципов коллективного руководства.

Костяк этой группы составляли Молотов, Маленков и Каганович. Хрущеву было предъявлено обвинение в игнорировании мнения большинства членов Президиума ЦК, грубости и несдержанности, которые он стал проявлять со второй половины 1955 года. Его критиковали за некомпетентность, поспешность и непродуманность в осуществлении важных государственных реформ.

В этой борьбе за достижение единоличной власти в партии и государстве большое значение имело стремление Хрущева раскрыть роль своих соперников в развязывании массовых политических репрессий, которые осуществляли они вместе со Сталиным со второй половины 30-х годов. Еще на XX съезде партии члены Президиума ЦК договорились о том, что они не будут выступать с объяснениями своей роли в этих репрессиях. Однако поступавший в ЦК КПСС уже с середины 1955 года

материал из архивов КГБ и Прокуратуры СССР раскрывал ужасающую картину преступлений, совершенных Сталиным и другими членами Политбюро вплоть до начала 50-х годов.

С 18 по 21 июня 1957 года шли заседания Президиума ЦК. Тем временем секретариат организовал сбор членов ЦК в Москве, которые потребовали немедленного проведения пленума, что и было сделано 22 июня.

Пленум прошел по сценарию, разработанному секретариатом ЦК. На пленуме была осуждена группа, выступившая накануне в Президиуме против Хрущева. Действия ее были охарактеризованы как антипартийные. Среди наказанных пленумом ЦК — Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов, хотя на заседании не удалось доказать какой-то особой вины последнего. Тем не менее, Шепилов понес такое же наказание. Причем в последующие годы его преследовали более ожесточенно и изощренно, чем всех остальных участников группы, выступивших против Хрущева.

Возникает вопрос: чем же было вызвано такое несправедливое отношение к Шепилову? На пленуме ЦК его не записали в состав основной оппозиционной группы. Желание, несомненно, было, но доказать в ходе заседаний его активную роль не удалось: он не участвовал ни в одной встрече группы, не готовил от ее имени каких-либо документов, а о многих действиях организаторов группы узнал лишь в ходе пленума.

По многим кардинальным вопросам — об отношении к Сталину, о необходимости дальнейшей десталинизации партии и общества — Шепилов принципиально расходился и с Молотовым, и с Маленковым, и с Кагановичем. Причем с двумя первыми у него никогда не было дружеских отношений, более того, они чаще были напряженными и приводили к острым столкновениям.

Чем же так возмутила Хрущева личная позиция Шепилова в ходе заседаний Президиума ЦК?

Шепилов видел и резко отрицательно оценивал игнорирование Хрущевым принципов коллективного

руководства партией и страной. Он с тревогой наблюдал явления, которые оценивал как нарастающий культ личности Хрущева. Не мог смириться с грубым, беспардонным обращением Хрущева с творческой интеллигенцией. С отвращением, свойственным порядочному человеку, Шепилов относился и к закулисным оценкам Хрущевым действий и своих коллег по Президиуму, и секретарей ЦК, и членов правительства. Вот обо всем этом Шепилов очень эмоционально высказался на заседании Президиума ЦК, поддержав предложение о смещении Хрущева.

Сейчас многие политики, вкусившие сладость власти и потом оказавшись не у дел, любят говорить, что политика — грязное дело. Наверное, так оно и есть.

А тогда номенклатурщики всех степеней и рангов прошли большую школу сталинских методов управления страной. Для них, как и для многих сегодня, понятия о чести, совести, справедливости и человечности — пустые слова.

Шепилов же был романтиком, чуждым тем нравам, какие господствовали в кругах высшего руководства партии и страны, где он оказался волею судьбы. Как и большая часть творческой интеллигенции, большая часть народа, он на веру принял решения XX съезда, посчитав, что это действительно истинный курс партии, серьезное и искреннее желание демократизировать жизнь общества.

Именно из-за своего характера, своих принципов, своего образа мышления Шепилов не смог разглядеть, что за призывами к коллективному руководству скрывались, во-первых, борьба за единоличное лидерство, а во-вторых, противостояние значительной части партийной элиты, членов Центрального Комитета, которые боялись возврата к сталинским порядкам. В свою очередь старые члены Президиума ЦК относились к ним как к молодежи, недостаточно зрелой для выдвижения на крупные, самостоятельные посты в партийном руководстве.

Выступая на заседании Президиума ЦК, Шепилов руководствовался только партийной совестью, а не интересами карьеры, личных взаимоотношений. Сказал о том, что думал, что наболело, что тревожило. Посмел рассказать и о некоторых высказываниях Хрущева в отношении других членов Президиума. Такие высказывания, по его мнению, раскалывали руководящий партийный аппарат и сильно вредили делу.

Шепилов оказался единственным чисто партийным работником (все остальные занимали ответственные посты в Совете Министров), который поддержал предложение о смещении Хрущева.

Все это и предопределило меру наказания Шепилова на Пленуме ЦК КПСС в июне. Однако при всех тех несправедливостях, наветах, искажениях фактов и прямых фальсификациях, которыми изобиловал пленум, не нашлось оснований, чтобы поставить его в один ряд с группой Молотова.

Шепилову не могли предъявить тех главных обвинений, которые были выдвинуты против этой группы: злоупотребления властью и участие в массовых репрессиях, выступление против курса XX съезда, стремление воспрепятствовать мероприятиям, направленным на ликвидацию последствий культа личности Сталина. Хрущев (до этого поддерживавший Шепилова, выдвигая его на высокие государственные и партийные посты), лично не мог сказать ничего, что компрометировало бы Шепилова. И тогда была придумана характеристика «примкнувший». Этим как бы смазывали, затушевывали самостоятельную позицию Шепилова и подчеркивали будто бы присущие ему беспринципность, бесхребетность. Он, дескать, мог примкнуть к одним, мог и к другим. Такова подоплека этого определения. Оно не только несправедливо, но и является клеветническим по отношению к Шепилову, продиктовано стремлением не только наказать его, но и унижить, очернить.

Шепилов-то как раз — в отличие от некоторых других — не был примкнувшим. Он высказал свои принципиальные убеждения, то, на чем стоял.

Семь дней заседаний пленума — неделя душевных истязаний Шепилова. Почти каждый выступавший старался сказать о нем грубость, оскорбить его, унижить человеческое достоинство. В адрес Шепилова, особенно во время его выступления, из зала неслись бранные, базарные выкрики. Члены ЦК не стеснялись в выражениях. Но с каким огромным достоинством все эти семь дней держался Дмитрий Трофимович! Сломать его не удалось. Не в пример другим, он не унизился оплевывающим себя покаянием.

Может быть, и поэтому после жестокого наказания его так травили, создавали невыносимо трудные условия в дальнейшей жизни. Он стоически перенес все.

Видимо, в ближайшее время будет издана вся стенограмма июньского (1957 года) Пленума ЦК КПСС. Этот документ позволит, наконец, полностью восстановить историческую справедливость в отношении Дмитрия Трофимовича Шепилова.

Дмитрий Косырев

ОН МОГ БЫ ВОЗГЛАВИТЬ СТРАНУ...

Со смертью Дмитрия Трофимовича Шепилова, дожившего почти до 90 лет, в России не осталось ни одного живого участника споров, схваток, перемен в высшем политическом руководстве СССР в пятидесятые годы. Я имею в виду не свидетелей — работников аппарата, доверенных лиц и так далее, а именно участников. Людей, которые решали тогда, после кончины Сталина, судьбы страны — а значит, в известной степени, и судьбы нас с вами, сегодняшних. Теперь размышлять о том, что же реально тогда творилось в Кремле, может кто угодно — историки, политологи, романисты, авторы детективов; рассказывать больше никому.

Но дело еще в том, что умер человек, которого на заре «оттепели» считали самым реальным — в будущем — кандидатом на высший пост в государстве, или, скажем

так, самым желательным. Желательным для людей, реально жаждавших не просто десталинизации, но превращения СССР в самое свободное, самое счастливое, самое сильное в мире государство. Тогда верили, что это близко, возможно, легко. И многие доморощенные или вполне профессиональные политологи считали, что Хрущев — очевидно, промежуточная фигура, люди же типа Молотова или Маленкова — фигуры прошлого. А вот молодой, высокий, невероятно обаятельный профессор, генерал, член-корреспондент Академии наук (и это все, заметим, титулы, полученные не после, а до прихода в высшие сферы политики)... Вдобавок яркая личность, абсолютно непричастная к каким-либо сталинским репрессиям. И еще возраст: 1905-й год рождения для начала пятидесятых — это было совсем немного. Впрочем, повторю, то было время больших иллюзий.

САМАЯ ДЛИННАЯ ФАМИЛИЯ

Сегодня имя Шепилова почти что забыто — всеми, кроме современников, а их не так уж много. Впрочем, в бурном водовороте событий нашей новейшей истории забывается потихоньку и имя Хрущева, а скоро забудется, наверное, и Брежнев («мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына», как гласит народная мудрость — анекдот конца 70-х). Возможно, Шепилова перестали бы помнить уже в 60-е годы, поскольку его политическая биография была предельно короткой. Но партийный ярлык, который он получил в конце этой биографии, запомнился надолго и вошел опять же в анекдоты. «Назовите самую длинную в мире фамилию. — Как же: Ипримкнувшийкнимшепилов». Для тех, кто достаточно молод, расшифрую: речь о «вычищенной» из высшего руководства на пленуме 1957 года «антипартийной группе в составе Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Пожалуй, до свержения Хрущева иных, чем с этой приставкой, печатных упоминаний фамилии Шепилова и не было.

Здесь пора сделать оговорку: автор этих строк, с одной стороны, владеет уникальной информацией о биографии

Шепилова, с другой, видимо, — человек предубежденный. Дело в том, что Дмитрий Трофимович — мой дед, к тому же человек, в определенный момент заменивший мне отца. Впрочем, по моим наблюдениям, непредубежденных в отношении деда людей практически не было — либо полное обожание и восхищение, либо абсолютная ненависть. И уже это говорит о многом.

Так откуда же взялась «самая длинная фамилия», и почему Дмитрий Шепилов был полностью отстранен от политики в возрасте 52 лет?

ХРУЩЕВ — РЕФОРМАТОР?

Теперь несложно просмотреть стенограммы летнего пленума 1957 года и, возможно, предшествовавшего ему заседания Президиума ЦК КПСС. Там более-менее ясно, кто и что сказал, и что ему потом за это воздали. Но, как ни странно, самое сложное — не прочитать текст выступления, а понять мотивы человека, говорившего эти слова. Здесь может оказаться масса неожиданностей, поскольку то, что кажется совершенно очевидным для современников, часто предстает абсолютно в ином свете уже лет через десять.

Я говорю о сложившемся в наше время образе Никиты Сергеевича Хрущева — и об образе бывшего лидера нашего государства глазами людей 50-х годов.

Сегодня кажется бесспорной концепция, созданная стараниями «шестидесятников», причем созданная, как мне кажется, не столько для потомков или современников вообще, сколько прежде всего для новой волны реформаторов — лично для Михаила Сергеевича Горбачева и других. По этой концепции Хрущев — стихийный, непоследовательный, интуитивный преобразователь общества, предтеча перестройки, павший жертвой как собственной ограниченности (не слушал интеллигенцию), так и сговора массы партийных аппаратчиков, учувших угрозу своим привилегиям.

Однако бесспорных концепций в истории вообще-то не существует — бывают концепции, которые некому и пока что незачем оспаривать.

Для меня же было полным шоком прочитать неопубликованные мемуары моего деда, Дмитрия Трофимовича Шепилова, которые он написал в 1946 — 1965 годах. Шокировали те мысли, которые он-то (а значит, и многие другие) считал как раз совершенно очевидными и даже неинтересными, и старался «проскочить» их скорее, чтобы подробнее высказаться о чем-то ином, более, на его взгляд, важном. Итак, расстановка политических сил после смерти Сталина, глазами «почти участника» событий (смерть Сталина он встретил на посту главного редактора «Правды» — не маленькая, но и не такая уж большая должность по тем временам). По словам Шепилова, за трон Сталина схватились два самых кровавых сталинских палача — Берия и Хрущев. Победил тот, кто успел выстрелить первым.

Хрущев — сталинский палач? Да возможно ли это? Но в начале пятидесятых, как выясняется, именно в политическом руководстве очень хорошо знали подноготную каждого, знали, какие грехи водятся за ним. Это вполне объяснимо, потому как для партийной и государственной верхушки смерть Сталина означала прежде всего важнейшее: больше никаких произвольных репрессий, от которых не был гарантирован никто (даже жены Молотова и Калинина). Поэтому в борьбе за наследство руки, чистые от крови, значили немало.

Это и привело всю верхушку к, видимо, бесспорному убеждению: время террора (прежде всего в отношении партийных кадров!) прошло окончательно и бесповоротно. Никто и никогда не должен больше иметь возможности посылать в лагеря или на расстрел всех подряд, будь то секретарь или инструктор ЦК, или боевой маршал. (Я хорошо понимаю это неопределенное, но безошибочное чувство, обозначаемое словами «это ушло и не вернется».)

Как следствие — все потенциальные наследники Сталина, по словам моего деда (и по некоторым документам тоже), были абсолютно убеждены: единоличного лидера больше не должно быть, власть надо рассредоточить, сделать ее коллективной. Хрущев в начале 50-х вовсе не воспринимался как человек номер один, а лишь как один

из первых. Хотя бы потому, что причастность его к репрессиям была слишком хорошо известной, — как и многих других. Да Хрущев и сам того не скрывал, заявляя на заседаниях: нам бы всем выйти на Красную площадь и покаяться перед всем миром.

И вот что характерно: есть один или два пассажа из мемуаров Шепилова, где проскальзывает нечто вроде восхищения Хрущевым, или, по крайней мере, уважения к нему. Но это уважение не за то, что Хрущев сделал для десталинизации СССР, а за то, как он это сделал. За докладом на XX съезде, написанном, кстати, во многом Шепиловым, последовал второй, «закрытый» доклад (тоже частично подготовленный Шепиловым), который не согласовывался с партийной верхушкой, а «шлифовался» единолично, буквально за час до выхода на трибуну. Такое мог сделать только Хрущев. Узники сталинских лагерей были выпущены все и — условно говоря — разом. Такое тоже мог сделать только Хрущев (по словам деда, все прочие насоздавали бы комиссий, и дело тянулось бы еще года четыре).

Обобщу свою мысль: после смерти Сталина, получается, ни у кого не было сомнений, что вакханалия расправ канула в прошлое. То есть, десталинизацию проводил бы любой из его наследников. Вопрос лишь в том, насколько быстро. И я вовсе не исключаю, что им мог бы оказаться и Берия. Другое дело, что выжить у Берии шансов не было. Видимо, в глазах современников по части кровавого долга на душе он был все же впереди и Хрущева, и Кагановича, и Молотова.

Но Хрущев — реформатор? Судя по мемуарам Шепилова, никто в 50-е годы и подумать не мог насчет того, чтобы соединить эти два слова воедино. Почему не Маленков, который занимал пост главы правительства перед Хрущевым и выступил с программой, явно напоминающей не то несостоявшуюся «косыгинскую реформу», не то даже «перестройку с ускорением»? И опять носившееся в воздухе: очевидно, необходимость преобразований в экономике, включая постепенное раскрепощение колхозников, казалась современникам столь же очевидным и не заслуживающим

принципиальных дискуссий делом; вопрос лишь был в том, как это делать.

И в этом суть. Хрущев после нескольких лет у «коллективной» власти приобрел в «политических кругах» репутацию человека, от которого можно было ожидать чего угодно — и хорошего, и, к сожалению, плохого. По мемуарам Шепилова, бессистемный поток самых невероятных, смешных, неграмотных инициатив и указаний Хрущева уже к весне 1957 года сделал для всех очевидным: Хрущева надо убирать, пока он не наломал еще больше дров, — например, на пост министра сельского хозяйства. (Кто тогда мог подумать, что формальным поводом для устранения Хрущева в следующем десятилетии окажется тяжелейший кризис именно в аграрном секторе?) То есть, уход Хрущева как человека, завалившего хозяйственную работу (а вовсе не по политическим соображениям), был как бы предрешен и не вызывал сомнений.

Но главные обвинения Хрущеву в 1957 году предъявлялись все же иные. А именно — самодурство, нежелание никого слушать и постепенный переход к единоличному правлению. В переводе на язык партийных лидеров того времени, включая даже Молотова, Маленкова или Ворошилова: новый Сталин нам не нужен.

Никакого «заговора старой гвардии» накануне пленума, по словам Шепилова, не было. Был взрыв возмущения, была абсолютная уверенность, что дальше ехать некуда, и что уход Хрущева, пытавшегося превратить коллективное руководство в единоличное, — дело неизбежное.

Допускаю, что мой дед ошибался и говорил лишь о себе. Сведения же о том, что Маленков, Молотов и Каганович собирались вместе и обсуждали, как убирать Хрущева, полагаю, тоже заслуживают доверия — хотя бы потому, что тот же вопрос обсуждали в то время и в других кабинетах. Просто Шепилов был не слишком желательной фигурой именно в компании трех сталинских соколов: человек другого поколения, из другого теста. Трудно себе представить, чтобы они звали для беседы Шепилова или любого иного «юнца». Но — по словам деда — тот же вопрос о Хрущеве свободно

и без особых разногласий обсуждался им с его другом Борисом Николаевичем Пономаревым, с хорошим знакомым маршалом Жуковым и другими.

ПРИМКНУВШИЙ...

Видимо, сталинская гвардия абсолютно не учла, что, победив Хрущева на Президиуме, она проиграет ему на пленуме. Не учла, что на дворе 1957 год, и для партийной массы кое-что изменилось. Это в 1952 году сталинскими палачами были равно и Маленков, и Хрущев. А в 57-ом имя Хрущева (или Шепилова) все же связывалось с XX съездом, имена же людей типа Маленкова — со сталинским прошлым, и больше ничем.

Самая серьезная угроза для Хрущева исходила, видимо, не «справа» — от партийных консерваторов. Она шла «слева», от еще больших «либералов», людей типа Шепилова. Выступление Шепилова против Хрущева — бурное, с места, без подготовки — было воспринято им как удар в спину, удар от своих. Характерно, что после отстранения «антипартийной группировки» от высшей власти больше всего шишек досталось не Молотову или, скажем, Ворошилову. Долго и упорно Хрущев мстил именно Шепилову, а также — впоследствии — Георгию Жукову.

Политики тоже люди; они могут простить ненависть, но не презрение. А все выступление Дмитрия Шепилова сводилось к произнесенной им фразе, которая не только в эпоху Хрущева, но долго еще в России будет оставаться крамольной. Он сказал: «Неграмотный человек не может править государством». Полагаю, что эта фраза больше, чем что-либо иное, объясняет, почему политическая карьера Шепилова прервалась с того момента — и навсегда.

МЕЧТА О ПРОСВЕЩЕННОМ МОНАРХЕ

Здесь надо расставить некоторые акценты.

Я не раз встречал в доме у деда людей с восторженными глазами, говоривших неясные фразы об исторической несправедливости, о страшной для страны ошибке, и так

далее. Было это, заметим, уже в брежневскую пору. Безнадежная мечта о возвращении Шепилова к власти жила долго; по моим наблюдениям, и сам дед до конца не мог поверить, что «наверх» ему уже хода нет. Тем более что в 70-е и 80-е годы шла постепенная его реабилитация: сначала в армии (был выведен в запас, что дало ему право на генеральскую пенсию), затем — в КПСС, Академии наук (и там, и там Шепилова исключили по указанию Хрущева уже после пленума 1957 года). И при каждой ступени реабилитации — то с оглядкой через плечо, то вслух произносимые слова: несправедливость устранена.

И все же круг людей, лелеявших мечту о возвращении Шепилова в большую политику, можно и нужно очертить ясно. Это либерально-лояльная творческая интеллигенция, ученые, наиболее грамотные чиновники 50-х, 60-х и даже начала 70-х годов. Потом история ушла дальше, пока не нашла уже следующему поколению тех же социальных слоев новых героев — кому диссидентов, кому Горбачева.

Дело в том, что в политическом плане Дмитрий Шепилов был кумиром и надеждой советской интеллигенции. Именно в нем воплотилась на каком-то этапе истории СССР вековая мечта любого Мольера — найти себе короля-Солнце; любого порядочного чиновника — найти себе начальника, перед которым не надо будет скрывать свою грамотность.

Биография Шепилова вообще была идеальной для политического кумира эпохи неизбежных перемен — не побоюсь даже сравнения с Джоном Кеннеди. Профессор экономики в возрасте 34 лет; доброволец московского ополчения, прошедший от Сталинграда до Вены, от рядового до генерала (фактически исполнял обязанности командующего 4-й Гвардейской армией); спаситель Вены — как известно, город нами почти не обстреливался, вот только книги по истории (в СССР, не в Австрии) не указывали, кто отдал об этом приказ; один из авторов первого в Советском Союзе учебника политэкономики, получивший за это звание членкора. Мало? А репутация человека, осмелившегося поспорить с самим Сталиным из-за

генетики, выступив против хрущевского протеже — Лысенко? А самый стремительный взлет из всех политиков 50-х годов — от редактора «Правды» в момент смерти Сталина до секретаря ЦК по культуре и искусству, кандидата в члены Президиума в 57-м?

И это еще не все. На посту министра иностранных дел СССР он был месяцев восемь, перед Громыко. Но до сих пор ветераны отечественной дипломатии говорят, что более яркой и крупной личности в кабинете на Смоленской площади не было. Высоченного роста, куривший гаванские сигары и оставлявший в коридоре шлейф аромата несуществующих больше мужских духов «Табак Рокэн», он не только сводил с ума секретарш и машинисток. Шепилов заложил основы послесталинской дипломатии, в эпоху, когда пора было переходить к цивилизованному общению с Западом и завоевывать позиции в формировавшемся тогда «третьем мире». Возникновение фактически новых государств — Китая и Индии; на ближневосточном направлении — первые контакты с молодым Насером, поездки в Сирию и Грецию, наконец — Суэцкая конференция, когда Москва по существу помогла Египту сохранить за собой Суэцкий канал, выступив на стороне Каира против практически всего Запада... Много лет потребовалось, чтобы изменились (если не сказать — разрушились) заложенные тогда основы такой политики.

И наконец, ни до, ни после Шепилова искусством в СССР не заведовал человек, который мог пропеть наизусть несколько опер из репертуара Большого театра, человек, близкий и Шостаковичу, и Хренникову, и Козловскому, и множеству других. Заметим, что это было задолго до тех времен, когда кто-то мог высказать мысль, что искусством вообще не надо руководить. Это было в эпоху, когда только что отгремел доклад Жданова о Зощенко и Ахматовой. Художникам и вообще интеллигенции нужен был тогда защитник в высшем руководстве, который понимал бы, как минимум, разницу между оперой и опереттой. Шепилов же вообще был живой легендой в те дни, когда о «Новом мире» Твардовского еще никто не мог и мечтать.

Маленькая подробность: уже в начале 80-х произошло то, на что надеялись многие — почти возврат Шепилова «наверх». Ему предложили пост директора Большого театра. Отказываться было мучительно — признать возраст, да вдобавок друзья объяснили ему, что работа эта унесет его в могилу за год.

Шепилов был фактически отстранен от руководства МИДом по указанию Хрущева — за невыполнение инструкции выступить с зубодробительной речью против империализма уже после победы на Лондонской конференции по Суэцкому каналу. Должность же секретаря ЦК по культуре и искусству была создана специально для него — и с его уходом благополучно умерла. Интеллигенция долго потом искала себе патрона — в лице то Хрущева, то кого-то еще, надеясь повлиять, воспитать, а заодно спрятаться под сильное крыло. Не хочу углубляться в современность и размышлять о том, к чему привел этот процесс уже в 90-е годы. Отмечу лишь, что Дмитрий Шепилов был человеком строго классических вкусов, и, скажем, в музыке модернизм для него останавливался на Шостаковиче, его добрым знакомом, со всеми возможными последствиями для сторонников более современного искусства.

Здесь вообще надо внести ясность: то, что считалось либерализмом в 50 — 60-е годы, было бы порядочным консерватизмом уже в 70-е. Насколько я знал своего деда, он был абсолютно далек от партийной ортодоксальности, восстановление в КПСС было для него делом принципа, вопросом торжества справедливости — а вовсе не проблемой принадлежности к той или иной идеологии. Эпоха Брежнева вызывала у Шепилова, не скопившего себе богатств и рассказывавшего о том, как они в начале 50-х жили с Косыгиным в одном номере санатория и играли во дворе в волейбол, полное омерзение. Шепилов радостно встретил начало эпохи Горбачева. Но события августа и особенно зимы 1991-92 года фактически привели к тому, что он просто отказывался принимать происходившее в стране как закономерное и неизбежное. Кажется, именно тогда (а деду было уже 86) я впервые в мыслях употребил применительно к нему слово «старый».

Процветающая мировая держава без крови и репрессий, социализм с человеческим лицом — таковым, вероятно, было его политическое кредо. Не более. Но и не менее.

А ЕСЛИ БЫ?..

Немало историков пренебрежительно относятся к гаданию о том, что было бы, если... ну, скажем, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо. Оставьте это романистам, говорят историки. Но романисты тоже люди. А если бы Дмитрий Шепилов возглавил государство в конце 50-х, когда дорогу, после отстранения Хрущева, освободили бы не слишком любившие его сталинские соколы?

На мой взгляд, тогда в истории нашей Родины произошло бы почти то же, но без острых углов и поворотов. Кукурузу не сеяли бы за Полярным кругом. Карибского кризиса не было бы. Ссора с Китаем развивалась бы мягче, дольше и — возможно — не доходя до боев на Даманском. Десталинизация шла бы, возможно, медленнее, чем при Хрущеве, зато без отката назад, как при Брежневе. Оттепель в искусстве шла бы без заморозков и обошлась без уничтожения картин бульдозерами, но всяческим модернистам жилось бы все равно невесело — хотя «педерастами» их, по крайней мере, не обзывали бы.

Однако дальше, встав перед необходимостью провести «косыгинскую реформу» и превратиться в «советского Кадара», Шепилов оказался бы перед сложным для себя выбором. Многие зависело бы от этого выбора, а сам он зависел бы от... возраста. Полагаю, что Дмитрий Шепилов был бы превосходным правителем в 50-е и 60-е годы, разумным, но консервативным лидером в начале 70-х, а вот далее история потребовала бы для страны людей помоложе, людей нового поколения. Смог бы Шепилов передать в те годы власть тщательно подготовленному преемнику? Вот здесь мне уже не хочется гадать. Ну, а то, что он не мыслил себе государства без власти КПСС (с какой идеологией — это другой вопрос), это почти факт.

Однако в чем я вполне уверен: рано или поздно Дмитрий Шепилов был обречен на неожиданное отстранение от всякой власти.

Состоялось ли бы это по воле Хрущева, или после Хрущева, на очередном пленуме, устранили бы его с высшего или просто высокого поста в государстве — неважно. Но фигура, подобная Шепилову, абсолютно чужая и неприемлемая для массы неприметных чиновников, вызывавшая зависть и отчуждение, могла быть только переходной, временной. То, что, по моим наблюдениям, дед отказывался признавать это, лишь укрепляло меня в моей уверенности: своим для правящей бюрократии он никогда не был бы. Слишком блестящая биография, слишком яркая личность, слишком чужой человек для массы аппаратчиков. Вдобавок — человек, не желавший скрывать своего презрения к «среднячкам».

Мой дед, пожалуй, был одним из немногих людей, выброшенных из политики — и не сломленных этим. Человек, живущий только властью и политикой, потеряв власть, превращается в ничто — и примеров тому множество, опять-таки не только у нас в стране. Дмитрий Шепилов прожил вне власти 38 лет, и прожил хотя глубоко обиженным на судьбу, но все же счастливым человеком. Перед ним были открыты двери всех театров — пока не ушло на пенсию поколение знакомых с его именем. Ему звонило множество людей, готовых сделать для него все что угодно — впрочем, и таких, что просили о многом (и тогда в ход шла масса старых знакомых, которые с восторгом ухватывались за случай помочь человеку, с которым поступили несправедливо). Дед, как будто предчувствуя свои невероятно тяжелые последние полтора месяца в военном госпитале, говорил, что мечтает умереть в Большом театре, прямо во время спектакля, или, например, танцуя с женщиной. И уже в последние дни, когда он не мог шевельнуться и к нему склонилась санитарка со словами: «Дмитрий Трофимович, вы меня видите?» — он ответил довольно отчетливо: «Вижу. Молодая, красивая и рыжая.»

Ей-богу, тут есть о чем задуматься и политикам, и простым смертным.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

СЕМЬЯ ШЕПИЛОВЫХ

(По письмам Юрия Трофимовича и Александра Трофимовича, братьев Шепилова, в ответ на его просьбу оставить воспоминания об истории их семьи)

Корни семейства Шепиловых — в исконно русских землях средней полосы России. Отец Д.Т.Шепилова — Трофим Михайлович (1870 — 1951), уроженец села Верхние Опочки Курской губернии, крестьянин. Окончил сельскую школу. Сначала пахал землю, ходил за плугом. Позже некоторое время работал подмастерьем у сельского кузнеца. Женился в 1891 году на односельчанке, Прасковье Федоровне (1873 — 1949), но уже на следующий год пришла повестка в армию. Трофима направили в Туркестанский военный округ, на службу в железнодорожных войсках. Его часть располагалась в районе станции Кзыл-Арват, в местах, еще недавно завоеванных русскими войсками под командованием генерала Скобелева. Служил он сначала в хозяйственной роте, где его определили в швальню — как человека, знакомого с портняжным делом (еще в Курской губернии работал дармовым подмастерьем у портного).

По теперешним понятиям Трофим Михайлович может быть назван трудоголиком. Никогда не злоупотреблял спиртным, всегда был чем-то занят. У него была старенькая швейная машина, он сам умел кроить и шить, и обшивал всю семью. Сам чинил детям обувь, мог сделать стол и табуретку, поправить двери или пол, сложить печку.

В армии он также получил профессию железнодорожного слесаря (работал слесарем и токарем всю дальнейшую жизнь). В 1898 году, отслужив положенный срок, Трофим не захотел

Семья Шепиловых. Ташкент, 1909 год. Слева направо: (1-й ряд) отец Дмитрия Трофим Михайлович, братья Михаил, Федор и Юрий, сам Дима, мать Прасковья Федоровна; (2-й ряд) братья Александр и Владимир, сестра Клавдия.

возвращаться к деревенской жизни и обосновался там же, в Кызыл-Арвате, поселке на железнодорожной линии Ашхабад — Красноводск.

После завоевания Закаспийской области (ныне Туркмения) царская власть была кровно заинтересована в заселении, колонизации этого края, и поэтому предоставляла всяческие льготы поселенцам. Трофиму уже в первый год службы предложили перевезти туда жену за казенный счет, с предоставлением жилья в специально построенном на противоположной от казарм стороне площади большом бараке с отдельными квартирами. Вернувшись к гражданской жизни и начав работать в главных мастерских Средне-азиатской железной дороги, он получил участок и денежную помощь для строительства. Так в 1899 году семья перебралась в собственный дом из четырех комнат на Степной улице.

Кзыл-Арват представлял собой небольшой городок в степи, с населением около 10 тысяч человек; зелень там была только на застраиваемых участках, а также в городском саду за полотном железной дороги. В этом городке родились первые четверо детей: Александр (1894), Клавдия (1895), Владимир (1898) и Михаил (1902).

В 1902 году Трофим Михайлович вступил в ряды РСДРП и состоял в партийной ячейке при мастерских. В связи с реорганизацией депо Ашхабада и расширением масштаба работ тамошнего токарного цеха, Трофиму Михайловичу был предложен перевод в это депо, где он и приступил к работе в 1904 году. Отец дал согласие на перевод при условии, что администрация обеспечит обучение его детей в городской гимназии.

Уже в Ашхабаде родились Федор (1903), Дмитрий (1905) и Георгий (Юрий) (1907). В это время семья жила в доме Погостина на Комаровской улице, а затем в доме Колядинской там же, где и родился 5 ноября (в разгар первой русской революции) Д.Т.Шепилов.

В Ашхабадском депо Трофим Михайлович входил в комитет РСДРП. Позднее вся семья переехала в Ташкент — возможно, по той причине, что Прасковья Федоровна плохо переносила жару, а Ташкент в этом отношении полегче Ашхабада. Это уже был крупный город, в 8 — 10 раз больше Ашхабада по населению. Уже тогда здесь прокладывали первую линию трамвая. В те времена Ташкент делился на две части: «старый город» с дувалами, мечетями, базаром и глиняными постройками, который существовал на протяжении веков, и европейский (русский) — с современными домами, театрами, магазинами, ресторанами, музеями, православными храмами и даже с кинотеатрами и электрическим освещением. Весь город был в основном одноэтажный из-за частых землетрясений. Сейчас такого явного деления города на две части уже давно нет.

Дмитрий учился сначала в гимназии, после же отмены этих учебных заведений — в средней школе. Затем он и его брат Юрий решили продолжить образование в Москве. Дмитрий уехал первым в 1922 году, снял комнату в районе

Русаковской улицы, успешно сдал экзамены в МГУ. Юрий приехал несколько позже, поселился с Дмитрием в той же комнате, поступил в только что созданный Авиационный институт (МАИ). Во время учебы они подрабатывали случайными заработками, в основном на погрузке-разгрузке товарных вагонов.

ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ О СЕБЕ

(Из рукописи неопубликованной книги воспоминаний)

АШХАБАД: ЧЕСУЧА И ФОКУСЫ

И вот мы в Шанхае. Машины скользят по улицам, полным клокотания жизни, а подчиняющаяся каким-то своим тайным законам память извлекает на поверхность из глубоких кладовых мозга песенку, которую мы, тогда еще мальчишки, распевали около полувека назад:

*Пекин, Нанкин и Кантон
Сели вместе в фэзтон
И поехали в Шанхай
Покупать китайский чай.*

Ашхабад. Вечереет. Город, истомленный адским зноем пустыни, начинает оживать. У ворот вдруг слышатся пронзительные звуки трещотки. Мы, босоногие и в изодранных трусиках мальчишки, с шоколадными, исцарапанными телами, мчим навстречу звукам. Видим: китаец и китайка, одетые в неизменные синие хлопчатобумажные пары. В правой руке у женщины трещотка, а в левой — гирлянды с разноцветными веерами, бумажными фонариками, китайскими болванчиками и разнообразными игрушками. Мы с острым любопытством и страхом смотрим на ее маленькие ступни, как будто закованные в колодки. Кажется, что она с трудом передвигает ножки и вот-вот упадет.

Китаец расстилает на растрескавшейся земле тончайший соломенный коврик и стаскивает с плеч тщательно

упакованный в холстину тюк. Затем он раскатывает его и раскладывает на коврикe штуки с чесучой, бархатом, шелками. Наше детское воображение потрясает роскошь и яркая красочность каждой штуки материи. Тоненьким, скопческим голоском, выставляя большие желтые зубы, китаец восклицает:

— Тесутя, тесутя, холеса тесутя, купи тесутя...

Китаянка усиливает верчение трещотки, чтобы зазвать к коврику покупателей. Постепенно многие обитатели дома подтягиваются к арене действий. Походит отец с его красивым лицом, вьющимися волосами и черными узловатыми руками, которые никогда по-настоящему не отмываются от густой смазки металла и мазута. Оставляет свое громадное корыто с бельем и приближается к коврику мать. Она долго и жалостливо смотрит на китаянку, затем выносит из комнаты большую кисть темно-фиолетового винограда, вручает ее женщине. Та принимается, в знак благодарности, долго и ритмично, как заводная кукла, покачивать головой. Из дальней мазанки приходит атлетического телосложения охотник и змеелов Николай. Гурьбой подкатывает многочисленное семейство лавочника Арзуманяна. Из «приворотной» квартиры выходит акцизный чиновник Семснкин, мрачный человек с желтыми от табака усами, которого все мы, мальчишки, очень боялись. И больше всего, конечно, набиралось нас — бритых наголо или вихрастых, веснушчатых, голопузых сорванцов.

— Китаец похлопывает по штукам мануфактуры ладонью, прищелкивает языком, усиленно предлагая свой товар. Но я что-то не помню, чтобы кто-нибудь в нашем дворе купил хоть аршин бархата, шелка или даже бумажную игрушку.

Изверившись в надеждах на коммерцию, китаец улыбочиво восклицает:

— Фокуса, фокуса, фокуса.

Он отодвигает в сторонку несколько штук мануфактуры, ставит на коврик две фарфоровые чашечки, вынимает из-за пазухи костяную палочку и шарик и начинает свои волшебства, которые всегда приводили нас, мальчишек, в состояние неистового восторга. Шарик таинственно

перемещается из одной чашечки в другую, исчезает вовсе, а затем под общие крики изумления оказывается в ухе у моего дружка, рыжего Юрки.

Насладившись успехом, китаец снова лезет куда-то за пазуху и извлекает оттуда маленькое лукошко, должно быть, из выдолбленной тыквы. Крышечка отодвигается, и из лукошка показывается голова змеи. Да, настоящей, живой змеи. Китаец берет змею двумя пальцами за шею и вводит ее головку себе в ноздрю. Все ахают от изумления и страха. Змейка делает всем телом несколько конвульсивных движений и показывается на целую ладонь вперед изо рта китайца. Тогда, протянув вперед свою замусоленную шляпу, китаец со змеей в носу и рту обходит всех по кругу. Ахая от изумления и подавая всякие реплики, взрослые кладут в шляпу медяки. Женщины выносят торговцам-фокусникам кое-что из еды. Затем те исчезают.

А мы, мальчишки, еще много дней потом судили-рядили о виденном и пытались с блюдами и шпагатом, вместо змеи, повторить фокусы-покусы китайца.

Густая бархатная ночь спускается на землю. В поисках прохлады мы, шесть братьев, вместе с отцом часто забирались спать на саманную крышу. Весной здесь вырастала трава и даже расцветали маки. Таинственно мерцали звезды. Из помещения Офицерского собрания доносилась грустная мелодия вальса «На сопках Маньчжурии». Я все вспоминал китайца-фокусника. А вокруг него бегали, подпрыгивали, исчезали в дымке и появлялись вновь какие-то особые существа: Пекин, Нанкин и Кантон. Они тащили меня куда-то: то на синюю гору, то в пропасть, то в Шанхай за чаем. Но в фаэтоне сидела китаянка с трещоткой, а на каждом ухе у нее извивалось по змее. Когда я полез в фаэтон, она пихнула меня деревянной ножкой в живот, и обе змеи стали вытягивать ко мне головы. Я в ужасе закричал, и... Рядом со мной сладко посапывает отец. Свиристыят цикады. Тишина. Я крепко прижимаюсь к отцовской спине.

А что такое сопки? Кантон, наверное, добрый, пушистый. И на сопках много фонариков. Там еще костяные палочки для фокусов-покусов и...

Можно ли было в то время думать, что я, босоногий, бритоголовый, шоколадный мальчишка с исцарапанным на деревьях телом, с обломанными вдребезги ногтями, без малого через полвека окажусь в стране, которая грезилась мне в детстве. Что я побываю именно в тех таинственных, страшных и сказочно-прекрасных городах, о которых мы напевали в наивной и глупой песенке: «Пекин, Нанкин и Кантон...» И не просто побываю, а буду принят там с самым сердечным радушием, как русский, как советский гражданин, как посланец великой Страны Социализма.

ТАШКЕНТ: МУЗЫКА МОЕЙ ЮНОСТИ

Лично я всю жизнь был горячим и преданнейшим приверженцем классической музыки. Отец мой обладал красивым голосом и постоянно напевал дома старинные русские песни, а иногда и церковные песнопения. Все братья музицировали по слуху: кто на балалайке, кто на мандолине, кто на гитаре или скрипке.

С одиннадцати лет я сдружился со своим однокашником Юрием Николаевичем Остроумовым, и эта дружба длится уже более полувека. Дома у Юрия было пианино, и его мать, Татьяна Федоровна, была большой любительницей музыки. Под ее аккомпанемент мы разучивали и пели романсы Чайковского, Рахманинова, Аренского, Глинки, Даргомыжского, арии из опер, старинные романсы и песни русских композиторов Варламова, Гурилева.

Голоса у нас в эту переходную пору ломались. Но все же у Юрия уже тогда определился тенор, у меня — баритон. И мы частенько пели дуэты: глинковский «Не искушай», «Нелюдимо наше море» Вильбоа и другие. К нашей музыкальной компании вскоре присоединился тоже наш однокашник — Женя Поленский. У него рано сформировался бас. Теперь открылась возможность для пения трио. Мы недурно исполняли «Ночевала тучка...», «На севере диком» и другие произведения.

Именно тогда музыка целиком покорила меня, стала моей любовью, моей радостью, моим счастьем, моей страстью на всю жизнь.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

*Друзья с детства Юрий Остроумов (слева) и Дмитрий Шепилов.
Ташкент, 1921 год*

Ю.Н.Остроумов и Д.Т.Шепилов. Архангельское (Подмосковье), 1983 год

В 1918 году в Ташкенте, где я — после Ашхабада — жил и учился, образовался школьно-театральный коллектив. Юра, Женя, я и несколько девочек-школьниц с самого основания стали его «премьерами» и «премьершами». Мы ставили музыкальные пьесы в различных школах города, в казармах, в кишлаках, в «Колизее» (оперном театре имени Свердлова) и Народном доме, в городском саду на подмостках летних кинотеатров «Модерн» и «Хива». Давали старую гимназическую пьесу «Иванов Павел», детские оперы «Кот в сапогах», «Кот, козел и баран», «Люли-музыкант» и другие. Ставили отдельные сцены из классических опер («Евгений Онегин» и прочие), проводили концерты с исполнением романсов и песен русских и западных композиторов-классиков. Вскоре из девочек сформировалась великолепная балетная труппа.

Чем больше проникал я в душу музыки, тем неодолимей становилась моя потребность слушать, слушать и слушать ее. В годы гражданской войны Ташкент был «городом хлебным». Сюда съехались великолепные певцы и певицы, и ташкентская опера тогда славилась своим высоким мастерством. Нам же, юным певцам, открылась возможность проходить в оперный театр бесплатно, на свободные места. И мы пользовались этой возможностью чрезвычайно широко — почти ежедневно.

По утрам я должен был работать ради хлеба засушенного: сначала в табачной мастерской, где делал гильзы для папирос, а затем на побегушках в квартальном комитете, который управлял всеми национализированными революцией жилыми домами. После обеда занимался в школе, как тогда называли, второй ступени. И, конечно, частенько уставал. Но наступал вечер, и меня неодолимо тянуло в оперный театр. И я шел. И с упоением слушал в пятый, десятый, двадцатый раз уже хорошо знакомые арии, дуэты, хоры, увертюры.

Отец работал токарем в Ташкентских железнодорожных мастерских и после революции тоже учился в общеобразовательной вечерней рабочей школе. Мое увлечение театром

он считал «баловством» и «праздной канителью», и время от времени устраивал мне проборки. Но не очень сильные. Влечение к музыке было настолько неодолимым, что вскоре я оставил квартальный комитет и поступил помощником гримера в оперный театр.

Трудно представить себе человека более бесталанного в рисунке, чем я. Даже под страхом смерти не смог бы нарисовать что-нибудь похожее на табуретку или курицу. Тем не менее я храбро взялся за гримерские дела. До начала спектакля и в антрактах напяливал хористам и статистам парики, наклеивал бороды и усы. Затем ретушировкой размалевывал им рожи по собственной фантазии и разумению. Причем я старался разрисовать каждого возможно ярче и пострашнее, независимо от того, кого должны были изображать сегодня хористы и статисты: буйных половцев в «Князе Игоре», куртизан при дворе герцога Мантуанского в «Риголетто» или египетских жрецов в «Аиде». Почему в театре так долго терпели мои художественные неистовства, одному Богу известно. Но некоторым статистам они даже нравились.

Как только раздавался третий звонок, я мчался за кулисы или в партер и погружался в волшебный мир звуков.

Теперь необходимость зарабатывать на хлеб и страсть к музыке слились воедино, и время делилось на две части — школу и театр.

В моей впечатлительной душе и в моей юношеской памяти музыкальные творения отпечатывались как оттиски на матрицах — глубоко и навечно. Через два-три года я мог безошибочно, очень ритмично и точно напеть около дюжины опер, включая все хоровые, женские и оркестровые партии: «Русалка», «Демон», «Евгений Онегин», «Фауст», «Кармен», «Пиковая дама», «Травиата», «Риголетто», «Корневильские колокола», «Аида», «Борис Годунов», «Паяцы», «Князь Игорь».

Примерно в такой последовательности познавал я оперную музыку. И сейчас в памяти сохранились полностью, без провалов, все тексты и каждая нота, слышанные без малого полвека назад.

Не меньшей, чем оперная музыка, страстью моей на всю жизнь стала музыка камерная. Высшими божествами для меня в этой области были и остаются Чайковский и Рахманинов. Из глубин прошлого всплывают воспоминания: с каким трепетом, лучезарной радостью, ожиданием, надеждой, счастьем воспринимал я творения этих гениев музыкального творчества.

В памяти мелькает картина.

Март. Отцвели полевые тюльпаны. В белоснежные, подвенечные уборы обрядились яблони, абрикосы, вишни. Мы у Юрия в большой комнате. Из сада плывут пьянящие ароматы весны.

Бархатистым юношеским тенорком Юрий поет:

*Растворил я окно,
Стало душно невмочь,
Опустился пред ним на колени.
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.
А в саду где-то чудно запел соловей,
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далекой.*

В мои пятнадцать лет в сознании еще нет понятия Отчизны в его всеобщности. Отчизна для меня — это что-то непосредственно осязаемое. Это старенький побеленный известью домик на Смоленской улице. Это мать, милая, родная, с сучковатыми от непосильного труда руками и лицом, как печеное яблочко, изъеденным солнцем, заботами и горестями. Это школа. Это абрикосовые и персиковые сады. Это мои любимые друзья — Юрка, Ванька, Ляля, Женя. Это река Салар, мои братья, травы, театр, синее небо — все, что я вижу, чем дышу, чем живу.

Но под воздействием божественной музыки я каждой частичкой своего существа ощущаю, что за словами и мелодией романса о тоске по Родине, о далекой Отчизне стоит что-то большое, мучительное и сладостное. И душа моя жаждет чего-то большого, героического. Чего? Я и сам не знаю. Но знаю, что я готов на подвиг, на

Братья Шепиловы с отцом. Ташкент, 1922 год. Слева направо: (1-й ряд) Владимир, Трофим Михайлович, Александр; (2-й ряд) Михаил, Федор, Дмитрий.

самопожертвование, чтобы вылилась из груди эта клокочущая лава чувств.

Еще картинка прошлого.

Раскаленный август. Утром с Юрием ходили купаться на реку Карасу. Великаны тополя. Персиковый сад. Под тяжестью налившихся гроздьев лозы винограда отвисли к земле. Нырять с берега в серебристую воду, гоняться за огромными стрекозами, зарыться в бархатный влажный песок — ну, до чего же хорошо! На противоположной стороне реки огромная бахча. Упиваемся ароматными дынями.

С реки идем домой к Юрию. Светло-сиреневый поздний вечер заполнил комнаты, террасу, сад. Окна и двери широко распахнуты. Обильно политая земля источает горьковатый запах. Тополя перешептываются серебристыми листьями.

Татьяна Федоровна тихо проводит пальцами по клавишам, и начинается волшебство «Ночи» Чайковского.

*Отчего я люблю тебя, светлая ночь,
Так люблю, что, страдая, люблюсь тобой?
И за что я люблю тебя, тихая ночь,
Ты не мне, ты другим посылаешь покой...*

Чистые, как хрусталь, звуки льются через открытые окна в сад. Они сливаются с фосфорическим лунным светом, с ароматом гвоздик и настурций в какой-то чародейский сплав.

До меня не доходит житейская мудрость многих слов и мыслей поэта Полонского. Да я и не вдумываюсь в их смысл. Я просто всем своим существом ощущаю беспредельную красоту этой летней ночи и этих звуков романса. Все во мне трепещет от счастья.

Дан проигрыш, три прозрачнейших аккорда, и словно разлитая в ночи, в эфире, в аромате цветов гармония воплощается в мелодию романса:

*Ночь, за что мне любить твой серебряный свет?
Уладит ли он горечь скрываемых слез?
Даст ли жадному сердцу желанный ответ?
Разрешишь ли сомнений тяжелый вопрос?*

Отзвучал последний аккорд. Тишина... Тишина в комнате. Тишина в саду. Тишина в небесах. А в душе у меня все ликует. И грудь переполнена чувством восторга. Хочется сделать что-то хорошее. Возвышенное. Чтобы все, как я, были счастливы. Как хорошо, Боже, как хорошо!

Это неотразимой силы будоражащее воздействие музыки на разум, на душу. на каждую клеточку существа моего осталось на всю жизнь. И всю жизнь я относился к музыке — к настоящей музыке! — благоговейно, как истый христианин к своему божеству.

Евгений Поленский

А ЕЩЕ ДИМА ПЕЛ В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

Сам я родом из Москвы, но судьба еще в детстве забросила в далекий Ташкент. Учился я там в реальном училище — это еще до революции. А после 17-го года оно было преобразовано в школу второй ступени имени Пржевальского, в которой я и встретился с Димой Шепиловым. Мы с ним оба оказались в пятом классе, причем, соседями по парте. И проучились вместе три года. Собственно, из трех классов и состояла школа второй ступени.

В ту пору в Ташкенте, при отделе народного образования, был создан школьно-театральный коллектив. Мы с Димой тоже записались туда и стали принимать участие в постановках спектаклей, даже оперных. Нашими творческими вдохновителями стали педагоги Владимир Николаевич Сакович и руководитель коллектива Яков Петрович Харин, а режиссером — Ольга Васильевна Сухотская.

Представления наши устраивались не где-нибудь, а на сценах Ташкентского драматического или оперного театров. К тому же там предоставляли нам не только помещение, но реквизиты, костюмы. Зрителями нашими в основном были, конечно, школьники. Ставили мы, к примеру, такие спектакли, как «Люли-музыкант», «Мал-Малышок», «Дикие лебеди», «Кот, козел и баран», «Кот в сапогах».

В спектакле «Люли-музыкант», например, Дима играл роль главного героя. Помню, как он читал стихи под музыку «Лебедя» Сен-Санса, и сам же при этом имитировал игру на скрипке (играли за сценой). То есть, это была мелодекламация.

Я в этом же спектакле исполнял роль герцога Де Гиза, который взял Люли-музыканта к себе, видя в нем талантливого мальчика, с желанием сделать из него блистательного артиста.

Любили мы посещать театры и в качестве зрителей — смотреть, слушать постановки профессиональных артистов. Но поскольку мы с ними были в хорошей дружбе, то в

иных спектаклях даже сами мы участвовали в качестве статистов, и это, естественно, доставляло нам огромное удовольствие. Помню, я «играл» роль убитого князя в опере «Демон», и когда царица Тамара рыдала над моим «трупом», лежал себе и улыбался — зрители-то все равно не видели моего лица.

Да и в школе у нас были замечательные учителя. Например, русский язык и литературу преподавал Цезарь (это его фамилия, а имя и отчество, к сожалению, не помню). Он учил нас философски осмысливать литературные произведения. Математику вел влюбленный в свой предмет Малинин. И был учитель музыки и пения Васильев. Обучая нас хоровому пению, он сам аккомпанировал на гармонии с клавишами, как у аккордеона.

Кроме участия в постановках пьес, мы еще устраивали и просто концерты. С Димой Шепиловым нам приходилось и дуэтом петь, и в трио. Пели много романсов. У Димы был прекрасный баритон.

С нами дружил еще один одноклассник, Юра Остроумов, ставший впоследствии замечательным музыкантом и дирижером. И часто мы собирались втроем у Шепиловых, особенно когда готовились к экзаменам. Был у них хороший сарай (а жили Шепиловы в собственном доме), вот в этом сарае мы и «грызли науку».

Встречались нередко и в доме Остроумовых. Отец у Юры работал адвокатом, а мать была прекрасной пианисткой, часто игравшей и для нас. Под ее музыку на фортепьяно мы распевали романсы Чайковского, Гречанинова, Рубинштейна. Словом, жизнь наша в те юношеские годы была довольно насыщенная, интересная.

Особенность Ташкента тех лет еще в том, что в городе жило немало бывших пленных австрийцев. Из них, собственно, состоял и оркестр оперного театра. И дирижировал там чех Седлячек. А заведовавший музыкальной библиотекой немец Альбах даже жил у нас на квартире. Так что музыка, можно сказать, «преследовала» нас всюду.

А Дима Шепилов, помимо прочего, пел еще в церковном хоре. Мы видели его поющим на клиросе, а

особенно впечатляли крестные ходы во время больших праздников. Соответственно облачившись, Дима шел почти в голове шествия, сопровождая епископа с большой свечой в руке и неся его шлейф, при этом, конечно, пел. Все это впечатляло. Родители его были верующими, особенно усердно посещал церковь и молился отец. Ну, а иконы у всех у нас висели дома.

Из детских лет запомнились также купания в арыке. Мы с Димой, другими мальчишками ходили за город и там купались. Любили прыгать в воду с разбега.

Семья Шениловых, помню, была большая. Отец у Димы работал слесарем, а дом держался на маме. Женщина она была крупная, как говорят, дородная, и, я бы сказал, властная. Дима внешне во многом походил на нее.

Жили они небогато. Подчас отцовского заработка, видимо, не хватало. И тогда в летнее время Дима устраивался на какую-нибудь работу. Был в то время в Ташкенте небольшой заводик по разливу вручную минеральных вод, и вот он там подрабатывал. Мы приходили к нему, и он угощал нас этой водицей. Помню, мы даже ели булки, запивая газировкой.

Дима, как я сказал, был похож на свою маму: высокий, статный, красивый, с пышной шевелюрой волос. Естественно, он производил впечатление на окружающих, и многие девчонки были в него влюблены.

И была у нас, юношей, и общая любовь. Это артистка оперного театра, меццо-сопрано Корсакова. Голос ее зачаровывал нас, и внешностью своей производила хороший эффект. Она исполняла, например, партию Кармен. Конечно, была старше нас и недосыгасма, но мы все любили ее и готовы были буквально следовать за нею по пятам.

Уже будучи давно взрослыми, мы втроем встречались в Москве у Шенилова. Дмитрий Трофимович радушно принимал меня и Юрия Николаевича Остроумова. Вспоминали наши школьные годы и как тогда, в юности, затевали вместе домашние концерты. А у Дмитрия Трофимовича еще сохранился его прекрасный баритон. Помню, романсы в его исполнении были записаны на кассету. А знал он их не меньше ста.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Юрий Шепилов

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

По окончании в 1926 году юридического факультета МГУ Дмитрий Трофимович Шепилов (мой родной дядя) получил направление в Сибирь, был прокурором в Якутске. Позднее он перебрался в Смоленск, работал в народной инспекции.

В те годы население во многих местах голодало, и Дмитрия Трофимовича постоянно мучили вопросы: почему так происходит, почему столь низок уровень производства в сельском хозяйстве страны и каковы пути его повышения? Постепенно он углубился в изучение экономических проблем аграрного сектора, начал выступать на эту тему, писать научные статьи и отсылать их в Академию наук, в Институт экономики. Его настолько увлекла эта работа, что он оставил юриспруденцию и полностью переключился на сельскохозяйственную тематику, занялся научными исследованиями в этой области.

В 1931 году дядю послали на учебу в Аграрный институт красной профессуры. Окончив его, он до 1935 года работал в крупном зерносовхозе, где стремился на практике внедрять свои научные идеи.

Перед началом Великой Отечественной войны Дмитрий Трофимович трудился в Институте экономики Академии наук, одновременно сотрудничал с издательством «Советская энциклопедия», преподавал политэкономию в Высшей партийной школе. Тогда же он получил звание профессора.

Но вот 1941 год, война... Все перевернулось в нашей жизни. С конца июля начались ежедневные налеты немецкой авиации на столицу, и отдельным самолетам удавалось прорываться через воздушные заслоны. Бомба попала в

Шепилов в дни битвы за Москву. Декабрь 41-го

открытый вестибюль станции метро «Смоленская», убив много женщин и детей. Разрывы бомб на Манежной площади, на Красной Пресне, у Никитских ворот. Разворочены квадрига над фронтоном Большого театра, каменное изваяние Тимирязева...

Мысленно уносясь в то страшное время, вспоминаю о дяде Диме, как о человеке необыкновенной честности и порядочности, истинном патриоте. Когда фашистская армада продвигалась к Москве, все сокрушая и уничтожая, Дмитрий Шепилов не выдержал. Как и многие коллеги, имевшие отсрочку от призыва, он не подался на восток. Эвакуировались же заводы, институты, министерства. А Шепилов отказался от своих льгот и записался рядовым в первое московское народное ополчение.

Прошел еще месяц. Обстановка все ухудшалась и нагнеталась. Бои шли у подступов к Москве.

Было уже начало октября 1941 года. В то время мы жили на Звенигородском шоссе, почти что на окраине Москвы. Однажды поздно ночью к нам постучали, и мама открыла дверь. Я сразу

узнал его, хотя вид у него был необычный: с заросшим, поцарапанным в кровь лицом, ввалившимися глазами, в грязной шинели. Он едва держался на ногах, «одетых» в обмотки.

— Дядя Дима, входи скорее! — крикнул я.

— Дайте умыться, поесть что-нибудь.

Днем он с горечью поведал нам:

— Ельня для нас — страшный урок. Ополчение было собрано наспех и плохо подготовлено. Одни винтовки, и никакого опыта боевых действий. Когда у нас кончались патроны, немцы рассекали нас на отдельные группы, окружали и уничтожали. Мы с несколькими товарищами еле прорвались из окружения, дошли до окраины Москвы. У меня дома, на Большой Калужской, никого нет — жена и дочь в эвакуации. Вот и пришел к вам.

Вскоре, переодевшись в одежду брата Михаила, моего отца, дядя ушел. Через три дня он опять появился. И был уже одет в офицерскую форму.

— Пришел прощаться, — сказал дядя Дима. — Уезжаю на фронт, теперь в новом качестве.

— Что будет дальше, Дима? — с тревогой спросила мама. — Немцы наступают...

— Я верю, мы разгромим эту чудовищную машину Гитлера. — В взволнованном голосе дяди чувствовалась и правота, и уверенность. — Весь город поднялся. Мы еще освободим всю Европу от чумы фашизма...

Он говорил своим низким, бархатистым, удивительно приятным голосом. От него веяло оптимизмом, но как-то странно даже было слышать его слова.

Дуло холодом от выбитого окна, пахло гарью пожара — и нечего было есть. А враг стоял у ворот великого города. Но то, что и как говорил дядя Дима, завораживало. Хотелось верить: настанет другое, прекрасное для всех нас время.

Мы расцеловались, не зная, увидимся ли еще когда. Я незаметно смахнул слезу...

Многое из предсказанного дядей Димой сбылось — столь велика была вера в силы народа, в наши силы у этого необыкновенного человека. Очень верно сказал о Дмитрие Шепилове писатель Борис Горбатов: «Это был солдат из профессоров и генерал из солдат».

Михаил Егоров

ЛЮДИ К НЕМУ ТЯНУЛИСЬ

Впервые я встретился с Дмитрием Трофимовичем в сентябре 1941 года под Вязьмой. Служил солдатом в 13-м полку 21-й ополченской дивизии, а мобилизован был Киевским райвоенкоматом города Москвы.

Комиссар полка Пономарев поручил мне писать донесения в штаб дивизии о состоянии дел в батальонах и ротах. И, как оказалось, все написанное мной попадало к Шепилову, который был в то время заместителем начальника политотдела дивизии. А начальник политотдела, Сергей Михайлович Абалин, до войны работал заведующим отделом в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

Дмитрий Трофимович, получая мою информацию, внимательно читал ее. Однажды он спросил у комиссара полка:

— Кто пишет эти донесения?

— Есть у меня такой солдат, Егоров Михаил Николаевич, — ответил Пономарев.

— Пришли-ка его ко мне, — сказал Шепилов.

И вот в сентябре, прибыв в штаб дивизии, я предстал перед высоким, стройным, крепкого телосложения — словом, по-мужски красивым замначальника политотдела, имевшим одну «шпалу». Он был приветлив, добр.

— Присаживайтесь, товарищ Егоров, — предложил мне Шепилов и стал задавать вопросы: где учился, где и кем работал до войны? А я был старшим научным сотрудником в том же институте, где и Абалин, защитил кандидатскую диссертацию.

— А у нас, — говорит Дмитрий Трофимович, — как раз подходящая для вас работа имеется — хотим перевести в штаб дивизии секретарем политотдела.

Уже на следующий день я служил в новой должности. И с того времени до конца войны прошел боевой путь рядом с Дмитрием Трофимовичем: сначала в ополчении, затем уже в 24-й армии, ставшей потом 4-й гвардейской. И часто имел возможность убеждаться в мужестве и бесстрашии

В дни боев под Вязьмой. Август 41-го. С.М.Абалин (слева), Шепилов, М.Н.Егоров (стоит).

Шепилова, в его человеческой доброте и справедливости при решении любых вопросов.

Вспоминается январь 1942 года, когда начавшееся наступление наших войск под Москвой вдруг застопорилось в направлении по Варшавскому шоссе, где как раз и находилась в тот момент наша ополченская дивизия. Мы остановились в одной деревушке в полутора километрах от этого шоссе, по которому двигались немецкие танки.

Состояние на душе было тягостное. Чувство злости и вместе с тем бессилия охватывало нас, видя наглую самоуверенность фашистов. И вот неожиданно лица солдат и командиров будто какой-то радостью осветились.

— «Катюши», «Катюши» прибыли, — хотя и шепотом, словно боясь выдать великую тайну, но вместе с тем с затаенной надеждой сообщали друг другу ополченцы.

А прибыли к нам всего-то две реактивные установки. Расположившись на окраине деревни, они дали два залпа

по Варшавскому шоссе и сразу снялись с позиции. «Ответного удара не миновать,» — подумал я и попросил солдат из комендантского взвода, чтобы в подвале дома, где разместился политотдел, оборудовали убежище.

Я не ошибся: действительно, вскоре немцы открыли минометный огонь по нашей деревне. Работники политотдела успели спуститься в наспех подготовленное убежище, только Шепилов остался в избе. Не знаю, почему он не стал прятаться от минометного огня, и весь обстрел просидел за простенком между окнами.

На следующий день вся деревня, можно сказать, была сметена немцами с лица земли. От минометного обстрела снег аж сделался черным. Выяснилось, что в числе убитых были двадцать человек из штаба нашей дивизии. По приказу свыше дивизия передислоцировалась, выбрав другую деревню подальше от Варшавского шоссе.

В последующем мы отступили в район Ступино. И уже оттуда Дмитрий Трофимович, а не командир дивизии, отправился лично к Георгию Константиновичу Жукову, в Перхушково. Жуков там его принял, и через неделю дивизия получила и станковые пулеметы, и артиллерию. Но с автоматами оказалось сложнее. Помню, на всю дивизию народного ополчения имелись всего два: один — у командира дивизии Богданова, второй — у комиссара дивизии Анчишкина. Естественно, они их, можно сказать, не выпускали из рук, а комендант дивизии все бегал за ними со словами:

— Дайте мне-то автомат! Ведь это же я вас охраняю...

Но «лишнего» автомата даже для коменданта не было. Тем не менее, получив значительное количество другого вооружения, дивизия на глазах преобразилась и вскоре из ополченской была преобразована в кадровую.

Такое событие не могло не отразиться на моральном состоянии всех бойцов и командиров. Чувствовать себя полноценными военными — это что-то да значило. Нам стали присваивать звания, чего не было в ополченской дивизии. Я, например, до этого был просто солдатом, а тут

Старший батальонный комиссар Д.Шепилов. Подмоскowie, весна 1942 года

сразу же меня сделали старшим лейтенантом. Так и другим, соответственно, с учетом обретенных навыков, уровня подготовки, образования. Всем выдали новое обмундирование, лучше стало и с питанием.

Крепко, на всю жизнь запомнилась битва под Москвой. Для нашей ополченской дивизии оборона столицы стала настоящей школой и патриотизма, и овладения боевым мастерством в труднейших условиях.

Не забыть и мне, и моим друзьям-однополчанам лютые морозы зимы 1941-1942 годов. Были случаи, когда спали прямо под открытым небом. Я готовил «постель» для себя и для Шепилова из еловых веток. Срезал их и стелил где-нибудь под деревом. Хорошо, если поблизости стояла разлапистая ель — под нею коротали ночь, как под шатром.

Однажды нашу дивизию решили бросить в тыл противника. Как полагалось в таких случаях, сдали мы

партийные, комсомольские билеты председателю парткомиссии Медведникову, оставшемуся на нашей территории, и, усевшись на дровни, двинулись в путь, то есть во вражеский тыл. Проехали всю ночь, а немцев там, где мы предполагали, не оказалось: они к тому времени сменили позицию, и мы очутились у наших же людей. Так и не удалось в тот раз «поработать» у немцев в тылу.

А вот случай во время одного из боев, когда прямо на передовой находились и командир дивизии полковник Богданов, и замначальника политотдела Шепилов. Оба были рядом с бойцами, а вот начальника политотдела Абалина почему-то не оказалось. Естественно, такое не прошло незамеченным ни солдатами, ни командирами. И уже после того боя работники нашего политотдела решили провести у себя собрание и открыто задали Абалину тот вопрос, который возник у многих. Мы прямо сказали, что начальником политотдела дивизии следовало бы быть Шепилову. Абалин согласился с нашими доводами, и собрание единодушно рекомендовало назначить Дмитрия Трофимовича начальником политотдела, а вскоре ГЛАВПУР утвердил это решение. Абалин же стал теперь заместителем Шепилова. Это, наверное, беспрецедентный случай проявления демократии в то суровое время, в боевой обстановке, где, как известно, законом является воинский устав. Но факт остается фактом, лишний раз показывая, каким авторитетом и уважением пользовался Дмитрий Трофимович в воинских частях.

Битва под Москвой для нашей дивизии закончилась в тот момент, когда мы, освободив Малоярославец, направлялись в сторону Вязьмы. Можно сказать, нас с ходу погрузили в железнодорожные вагоны и перебросили на Сталинградский фронт. Под Камышиным выгрузились и уже пешим строем направились к Сталинграду, где дивизии предстояло влиться в состав 24-й армии. А пока что мы расположились на ближних подступах к городу, еще не принимая участия в боевых действиях.

И вот 19 ноября 1942 года, уже войдя в состав 24-й армии, перешли в наступление. Ночь была напряженная,

но одновременно какая-то, я бы сказал, торжественная. В воздухе стоял гул и от небольшого мороза. и от танков, которые громыхали по припорошенной снегом земле. Следом двинулась пехота. Так наша армия была брошена на прорыв вражеского кольца вокруг Сталинграда.

Против нас стояли итальянцы и румыны — по сути, они составляли фланг вражеского окружения. Мы их довольно быстро смяли и прошли дальше мимо Сталинграда, не входя в сам город.

Уже здесь, под Сталинградом, Шепилов стал начальником политотдела 24-й армии. И вообще сменилось командование армией — старый комсостав был отозван и отправлен для формирования новой армии. А потом уже, когда погиб член военного совета армии Гаврилов (подорвался на mine), на его место назначили Шепилова. Организаторский талант и прекрасные человеческие качества Дмитрия Трофимовича, его эрудиция, владение ораторским искусством были уже давно замечены, и он всегда оказывал самое благоприятное влияние как на солдат, так и на командный состав. Всегда находился в гуще людей, часто общался с простыми солдатами. Лично вручал партийные билеты, нередко прямо на передовой, перед боем.

Меня же буквально через месяц, как Дмитрий Трофимович стал начальником политотдела армии, он затребовал к себе. А работы, конечно, тут хватало: ведь число дивизий в армии — в зависимости от обстановки на фронте — порой доходило до пятнадцати.

Надо сказать, Дмитрий Трофимович умел ценить людей и берег их. Вот каким образом будущий ординарец Шепилова, Николай Коростылев, оказался в поле его зрения. Случилось это еще под Москвой.

Коростылев был поставлен часовым у штаба нашей дивизии. А комендант забыл снять его с поста, и таким образом он простоял на часах двое суток, голодный. Узнав об этом, я его покормил, дал возможность отдохнуть, а потом сказал Шепилову:

Политотдел соединения народного ополчения. С листовкой - старший батальонный комиссар Д.Шепилов, крайний слева - политрук М.Егоров. Май 1942 года

— Вот, Дмитрий Трофимович, парень — такой дисциплинированный, и выдержку изрядную проявил.

— Так давай его мне, — говорит Шепилов. Так Коля Коростылев и остался у него до конца войны. Да и потом, уже в Москве, Дмитрий Трофимович не забывал о нем.

Он каким-то образом притягивал к себе людей. Причем, не только простых солдат, но и офицеров. Скажем, командир дивизии Богданов и командующий армией Галанин охотно обращались к Шепилову за советами по многим вопросам. Собственно говоря, ни одна боевая операция без него не обсуждалась. Комсостав видел в начальнике политотдела, а затем члене военного совета армии Шепилове человека умного, образованного, а главное — умевшего подсказать наиболее приемлемый вариант решения задачи в той или иной ситуации.

Однажды вдруг стало известно Дмитрию Трофимовичу (это еще под Сталинградом), что солдатам не выдали положенные сто граммов. Он тут же стал выяснять: почему? Оказалось, не подвезли вовремя. И Шепилов поднял на ноги

тех, от кого это зависело, чтобы оплошность немедленно была исправлена, и вскоре солдаты получили свои законные сто граммов. Казалось бы, мелочь, но Дмитрий Трофимович, как никто, пожалуй, знал, что от мелочей зависит настроение бойцов, а следовательно, их моральный дух, боеспособность. Собственно говоря, для него и не существовало мелочей, если речь шла о конкретных людях.

Среди многих положительных качеств Шепилова хотелось бы еще отметить и его твердость в своих решениях. Вот маленький, казалось бы, пример. Сам он спиртных напитков не употреблял, но курил, причем предпочитал «Казбек». И вдруг сразу бросил он курить, как будто никогда и не брал в рот папиросу. Не знаю, что заставило его принять такое решение, но с тех пор я не видел его курящим ни разу.

Однажды, тоже под Сталинградом, мы возвращались с ним ночью с линии фронта, и вдруг — немецкий самолет-разведчик. Посыпались небольшие бомбы, а потом засверкали трассирующие пули в воздухе. А ехали мы на «газике», за рулем — Коля Мокшанов.

— Дмитрий Трофимович, — говорю Шепилову, — сейчас вот угодит в нас.

— Давай, Коля, остановись, — сказал он шоферу.

Мы остановились, вышли из машины. А самолет покружил еще некоторое время и, видимо, потеряв нас из виду, улетел. А ехали мы, пока не остановились, с зажженными фарами. Небольшой вроде бы, но характерный для Шепилова штрих: он почти не думал о личной безопасности. Может быть, это и стало потом главной причиной того, что он, выступив резко против Хрущева, расстроил всю свою дальнейшую жизнь.

А еще случай был такой в конце Сталинградской битвы. Шел липкий снег — было это где-то в марте. Чувствуем, машина еле ползет.

— Коля, в чем дело? — спрашивает Дмитрий Трофимович.

Коля остановил машину, выходим и смотрим: аж три «зайца» вцепились сзади в нашу машину. Были это немецкие солдаты, из тех, что попали в наше окружение и хотели

добраться до пункта, где происходил прием военнопленных. Ну, мы их, естественно, сняли с машины, грязных, с болтающимися обмотками, показали на фанерную стрелку «Прием военнопленных». А шли туда тысячи попавших в окружение и решивших сдаться в плен.

При всей своей человеческой доброте. Шепилов был строг, когда дело касалось нарушений воинских уставов, вообще армейской дисциплины. Уже в освобожденных от немцев странах он всячески пресекал, вернее, предупреждал любые случаи мародерства со стороны воинов нашей 24-й армии. Сам он не воспользовался ни одним случаем заполучить трофей. Хотя, должен сказать, никому из нас не возбранялось отправить домой посылочку. А что отправлять-то было — громить магазины что ли? Но Шепилов сумел внушить и командирам, и солдатам, что этого ни в коем случае не следует делать. Вот одно из тех обстоятельств, почему Шепилова глубоко уважали и добрым словом помнят по сей день жители Вены...

Корсунь-Шевченковская операция на Украине. Здесь нами была окружена большая группировка немецких частей. Сдаваться в плен они явно не собирались, значит, надо было их уничтожить. Помню, приехал маршал Конев и дал распоряжения, что и как делать. Досталось от него и нашему командующему за то, что он не выполнил полученные им ранее приказы. В результате ход операции замедлился, а немцы стали предпринимать отчаянные попытки вырваться из окружения. И вот тут в дело пошли наши зенитные орудия: опустив жерла, прямой наводкой стали расстреливать фашистов. Операция завершилась полным разгромом крупных сил противника.

Вскоре наступила весна. Все таяло, и кругом сплошные лужи, ручьи, началось половодье. А к нам в подкрепление прибыла дивизия, сформированная в Сибири, все бойцы и командиры в добротных полушубках и валенках. Хорошо бы это зимой, в морозы, а тут все раскисло, сплошная грязь. Можете себе представить солдат, идущих по слякоти в валенках! И нетрудно вообразить, что чувствовали люди, облаченные в такие «доспехи», и как это могло сказаться

на их боеспособности. Шепилов, как увидел такую картину, моментально оценил всю нелепость ситуации и принял меры к тому, чтобы сибиряков переодеть в более подходящее обмундирование. Нашлись для них и ватники, и кирзовые сапоги. То есть, от его внимания ничто не ускользало, особенно когда дело касалось живых людей. О них он всегда заботился, особенно в экстремальных условиях.

А для работы непосредственно с ним он очень тщательно подбирал кадры. Учитывались и образование, и общая культура человека, но главное — порядочность. И у нас в политотделе работали люди не просто с высшим образованием, а большинство — кандидаты наук, доценты, были даже профессора.

Еще в ополченской дивизии Шепилов отобрал одаренных музыкантов и профессионалов, до войны работавших и в Большом театре, и в Московской филармонии, создал из них ансамбль. Потом уже, когда Шепилова перевели в политотдел армии, наш дивизионный ансамбль он сделал армейским. Солистом, например, был там Петя Одинцов, хороший тенор из Большого театра. Концерты устраивались для солдат и командиров в минуты затишья на фронте. Пели и играли также для жителей прифронтовых или освобожденных от немцев сел. А когда мы пришли в Австрию, то наши музыканты и певцы выступали на улицах Вены, а если была возможность, то и в концертных залах, находя добрые отклики в сердцах жителей этого города. Выступали также в предместьях Вены.

...Что же касается моих взаимоотношений с Дмитрием Трофимовичем, перешедших в хорошую дружбу, то они не прекращались и после войны. Мы встречались, во всем поддерживали друг друга — и так до последних дней жизни Шепилова. Он запросто бывал в моей квартире, даже когда занимал высокие посты, и меня с супругой радушно принимал у себя.

А сразу после демобилизации Дмитрий Трофимович порекомендовал меня на работу в Военную академию имени М.В.Фрунзе, где я стал старшим преподавателем. Был я в то время в звании подполковника, и уже в академии добавили мне звездочку — то есть, стал полковником.

В дружеском общении со мной касался Дмитрий Трофимович и разных случаев в его непростой, насыщенной многими событиями там, в верхах, политической жизни. Скажем, о том, как Хрущев подписывал постановление о передаче Крыма Украине. В его рабочем кабинете собрались члены Президиума ЦК КПСС. При этом Молотов стоял, прислонившись к дверному косяку, и подле него находился Шепилов. Молотова аж передернуло, когда Никита Сергеевич стал подписывать сей документ.

— Что он делает?! — прошептал Молотов, обращаясь к Дмитрию Трофимовичу. Как опытный политик и дипломат, он был прозорлив и словно нутром уже тогда предвидел возможные трагические последствия нелепого хрущевского решения. Но его шепот услышал только Шепилов.

Рассказывал мне Дмитрий Трофимович и о своих поездках в Египет, Югославию, Китай. В последнем случае в составе советской делегации была и Фурцева, которой впервые довелось оценить своеобразие китайской кухни. Естественно, в честь гостей был устроен пышный обед. А среди блюд, поданных к столу, были такие непривычные для нас деликатесы, как обжаренные змеи или тухлые яйца.

— Узнали мы об этом уже потом, после обеда, и посмеялись, — вспоминал он. А вот Екатерину Алексеевну Фурцеву от услышанного, оказывается, вырвало тут же.

Президент Египта Насер подарил Дмитрию Трофимовичу огромный сервиз. Но когда «и примкнувший к ним» Шепилов оказался в опале, у него отняли квартиру, вещи были выброшены на улицу, а сервиз тот изъяли.

Но справедливости ради следует сказать, что до случившегося на июньском пленуме 1957 года Хрущев определенно ценил Шепилова, во многом советовался с ним, ибо знал его блестящий ум. Наведывался к Дмитрию Трофимовичу с женой, часто обедал у него. Естественно, при этом обсуждались разные текущие вопросы как внутренней, так и внешней политики. Так что отношения, можно сказать, были поначалу вполне дружественные. И

вот каково мое мнение: Дмитрий Трофимович допустил большую ошибку, выступив на том пленуме. Таким образом, одним махом перечеркнул все, что было между ним и Хрущевым.

Считаю, что сказалась все-таки в случившемся его неопытность, а точнее — то, что он совершенно не был подготовлен да и не имел склонности к придворным интригам, в чем здорово преуспели Маленков, Молотов, Каганович и иже с ними. А с этими деятелями ему тоже было не по пути.

Помню, я навестил его, когда он еще работал в аппарате ЦК. Мне явно не понравились тогда те люди, что окружали Дмитрия Трофимовича. И я прямо сказал ему:

— Что за помощников вы набрали себе? Ни одного из армии, из тех, кто прошел с вами боевой путь!

Он неопределенно пожал плечами. А я знал, что Суслов, например, всегда недолюбливал Шепилова, и как раз из его людей были подобраны и секретари, и прочие работники, помогавшие Дмитрию Трофимовичу. Конечно же, они все, что видели и слышали у Шепилова, передавали Суслову или его окружению.

Сидя в кабинете Дмитрия Трофимовича, мы всегда вспоминали о фронтовых годах, о товарищах: кто жив, кто где? Он очень интересовался армейскими делами, расспрашивал о Совете ветеранов нашей армии. Уже много лет спустя, когда он практически был уже никем, Дмитрий Трофимович много внимания уделял работе совета ветеранов. А его, несмотря на опальное положение, по-прежнему глубоко уважали бывшие воины 24-й гвардейской армии. Приглашали на встречи, считались с его мнениями, ценили их.

В первые дни, сразу после того, как он оказался сброшенным с политического Олимпа, мы с женой стремились как-то выразить ему свое участие. Но он предупредил, чтобы мы остерегались дальнейшего общения.

— Зачем вам иметь неприятности из-за меня? За мною ведь следят, — сказал он однажды. И, действительно, когда

вскоре мы увидели его прогуливающимся на Пушкинской площади, каких-то два человека не спускали с него глаз.

Я имею лишь обрывочные сведения о том, как Дмитрий Трофимович отбывал ссылку в Киргизии.

Мне хорошо известно, что жена Шепилова, Марьяна Михайловна, была в дружеских отношениях с женой Хрущева Ниной Петровной (кстати, обе они однажды и в нашей квартире побывали, отчего моя жена, например, ничуть не была в восторге). Так вот, Нина Петровна по настоятельной просьбе Марьяны Михайловны сумела уговорить мужа, чтобы тот смилостивился над опальным Шепиловым и разрешил ему вернуться в Москву. Ну, а дальше Дмитрий Трофимович работал в Главном архивном управлении.

Мне и моей жене бесконечно дороги воспоминания об этом бесхитростном, удивительно человеческом человеке. Так и кажется порой, что вот сейчас раздастся звонок в прихожей, войдет Шепилов с широкой улыбкой на лице и скажет:

— Мне нравится у вас. Не покормите ли меня?

Именно так сказал он однажды, навестив нас еще в то время, когда занимал высокие посты в партии и государстве. Таким вот, своим, и запомнился нам Дмитрий Трофимович на всю оставшуюся жизнь.

МЕЖДУ ВОЛГОЙ И ДОНОМ

(Солдатская песня. Автор Елена Тюттяева)

Между Волгой и Доном,
Ох, как били нас немцы,
Но мы страх позабыли,
Не боялись мы смерти.
Жить в огне и боях
Не считали опасным,
Снег не видели белым,
Только черным и красным...
Между Волгой и Доном.

Между Волгой и Доном
Заслон Сталинградский.
Там врагов не считали,
И могил своих братских.
Было делом гвардейцев
Рубежи прорывать
И с боями вперед
Наступать, наступать...
Между Волгой и Доном.

Между Волгой и Доном,
Ох, как били мы немцев.
Окружили кольцом,
Брали в плен «окруженцев».
Стало делом гвардейцев
«Котлы» создавать
И фашистов в «котлах»
Добивать, добивать...
Между Волгой и Доном.

Василий Тюхтяев

ФРОНТОВОЙ УЧИТЕЛЬ

Для того, чтобы лучше представить читателям деятельность Дмитрия Трофимовича Шепилова в период Великой Отечественной войны, желательно обрисовать сначала структуру наших воинских формирований в те годы. Ведь его жизнь той поры невозможно отделить от конкретной фронтовой обстановки. А как начальник политотдела, затем — член военного совета армии, он всегда был в гуще событий.

Возьмем фронт за основу, как соединение боевых частей. Он состоял из трех — пяти армий. В каждой армии, как правило, насчитывалось от пяти до девяти дивизий или три — четыре корпуса. Конечно, бывали исключения — например, под Будапештом в 4-ую гвардейскую армию входило семь корпусов. Случай, подчеркиваю, уникальный,

и командовать ею в тот момент назначили генерала армии Георгия Федоровича Захарова с 2-го Белорусского фронта.

Корпус состоял обычно из трех дивизий. В дивизии — три основных, пехотных полка, плюс артиллерийская и другие части. Сам полк являлся основной тактической единицей.

Думаю, следует напомнить и структуру партийно-политического аппарата, работа которого осуществлялась непосредственно ЦК ВКП(б) через Главное политическое управление Красной Армии и Военно-Морского Флота. С 1942 года ГЛАВПУРом руководил секретарь ЦК и МК Александр Сергеевич Щербаков, имевший огромный авторитет в войсках.

Я в то время был на комсомольской работе в Главном политуправлении, и однажды мне довелось присутствовать на инструктаже, который Щербаков проводил для политработников, отправлявшихся на фронт. Запомнились его слова:

— Добивайтесь, чтобы девять десятых партийно-политической работы приходилось на газеты, их своевременную доставку в части. Газеты знакомят и с международными новостями, и с жизнью в стране, в них также печатаются наставления по боевым действиям. И газеты должны поступать к солдатам наравне с боеприпасами и питанием.

Мне вспомнился этот эпизод вот почему. Дмитрий Трофимович Шепилов всегда в конкретных условиях придерживался этой установки, будучи как начальником политотдела ополченской дивизии, так и возглавляя уже политотдел армии, а в дальнейшем, став членом военного совета армии.

Общее руководство партийно-политической работой в войсках осуществлял военный совет фронта. В его состав непременно входили два человека, один из которых отвечал за оперативно-боевую подготовку, второй — по тылу. И еще было политуправление фронта, состоявшее из

соответствующих отделов. По сходному принципу, но в меньшем масштабе, строилась и работа военного совета армии, где тоже были ответственные за боевую подготовку и тыловое обеспечение.

Что же касается статуса командующего армией и соответствующего члена военного совета, то они фактически один другому не подчинялись, но при этом соблюдался святой принцип: «не встречать» в дела друг друга. Так, распоряжения члена военного совета относительно партийно-политической подготовки носили самостоятельный характер, но он не вмешивался в вопросы, которые касались непосредственно боевого управления частями. Не помню случая и не слышал, чтобы за годы войны кто-нибудь из членов военного совета армии пытался подменить собой командующего, и наоборот. Иначе говоря, член военного совета в Великую Отечественную уже не имел таких полномочий, как комиссар эпохи гражданской войны, с мнением и волей которого, как мы знаем, был обязан считаться командир.

В корпусе и дивизии дело обстояло несколько по-иному, нежели в армии и выше. Тут не было членов военного совета, а имелись заместители командующего по соответствующим вопросам. Один из них был одновременно начальником политотдела корпуса или дивизии.

Поскольку я рассказываю об этом для того, чтобы лучше представить роль и место Дмитрия Трофимовича Шепилова в войсках, то теперь остановлюсь на его личности.

Начинал он политбойцом ополченской дивизии под Москвой. Ополчение было сформировано Киевским райкомом ВКП(б) Москвы. Затем Дмитрий Трофимович назначается заместителем начальника политотдела этой дивизии, а позже — начальником.

Под Сталинград он прибыл уже в качестве начальника политотдела 24-й армии, в которую влилась и бывшая его дивизия. Вскоре эта армия, отличившаяся в боях за волжскую твердыню, стала 4-й гвардейской. Должен сказать, она первая

Полковник Д.Шепилов летом 1943 года

среди общевойсковых соединений получила столь почетное наименование. Командующий армией генерал Иван Васильевич Галанин был тогда удостоен ордена Кутузова 2-й степени за номером один. А Дмитрию Трофимовичу вручили орден Суворова 2-й степени.

Впереди - Берлин. Слева направо: полковник В.Смирнов, полковник Д.Шепилов, адъютант Шепилова С.Рындич, командующий 4-й гвардейской армией генерал-лейтенант Н.Захватаев, командиры частей армии.

После Сталинградской битвы по ряду причин не разменялись командующие 4-й гвардейской. Но Шепилов с этой армией прошел весь боевой путь до Вены, до встречи у Альп с американскими войсками. Почти до конца 1944 года Дмитрий Трофимович оставался начальником политотдела. А когда наша армия находилась уже на территории Молдавии, погиб член военного совета армии генерал Иван Александрович Гаврилов, и на эту должность был утвержден гвардии полковник Шепилов (звание генерал-майора он получил уже в марте 1945 года).

Что касается меня, то в 4-ю гвардейскую армию я прибыл в июне 1943 года. До этого, после окончания Военно-политической академии, год работал старшим инструктором Главного политуправления по комсомольской работе. И я был назначен помощником начальника политотдела по комсомольской работе, то есть, одним из непосредственных подчиненных Шепилова.

*В окопах Шепилов и командир полка (фамилия не установлена).
Тимишоара (Румыния), 1944 год*

Работая рядом с Дмитрием Трофимовичем, я прошел очень хорошую школу, которая не могла не сказаться в моей дальнейшей судьбе. А жизнь уже после войны сложилась так, что по сути я проделал путь Дмитрия Трофимовича, но уже в мирных условиях: был начальником политотдела дивизии, корпуса, военной академии и начальником политотдела, членом военного совета воздушной армии. Что хочу подчеркнуть особо: Дмитрий Трофимович всегда для меня оставался примером. При самых

Учитель и ученик. Генерал-майор Д.Т.Шепилов и его бывший помощник генерал-майор В.А.Тюхтяев (Василий Алексеевич прошел те же служебные вехи, что и Дмитрий Трофимович: начальник политотдела армии, член военного совета армии — но это уже после войны). Москва, 9 мая 1983 года

различных, порой непростых, ситуациях я мысленно спрашивал себя: «А какое решение принял бы он, окажись на моем месте?»

А ведь Шепилова отличали прежде всего высокая требовательность к себе и уже соответственно к другим, удивительная работоспособность и постоянное стремление вникнуть во все, что делалось в частях, входивших в 4-ю гвардейскую армию, понять, как себя чувствуют, что думают солдаты. Сам он постоянно выезжал на наиболее ответственные участки фронта, лично беседовал с бойцами, командирами.

Его высокий интеллект, обширные знания по истории, другим отраслям науки, культура и просто личное обаяние притягивали к нему людей. Его ценило, считалось с его мнением по многим вопросам командование армией.

Большое внимание Шепилов уделял подбору кадров, кропотливой работе с людьми. И политотдел 4-й

гвардейской, и редакция нашей армейской газеты были укомплектованы людьми исключительно грамотными, высокообразованными, имевшими ученые степени вплоть до доктора наук.

Ну, а мои непосредственные впечатления связаны с подготовкой комсомольских кадров. По инициативе Дмитрия Трофимовича при армейских курсах младших лейтенантов была организована учеба комсогов батальонов и полков. Как правило, перед началом важной военной операции я лично представлял ему группу комсомольских работников, прошедших курсы. и он давал им теплые, добрые напутствия. И это всегда хорошо воспринималось комсогоми, младшими командирами, которые через час-другой должны были вступить в бой. И даже будучи уже членом военного совета, он не прекращал личные контакты с солдатами и командирами, хотя и не входило это в его прямые обязанности. Причем, к каждой встрече тщательно готовился, порой составлял конспекты. То есть, даже во фронтовой обстановке он сохранял стиль научной работы — недаром ученую степень доктора экономических наук и звание профессора Дмитрий Трофимович получил еще до начала Великой Отечественной войны.

В мае 1944 года в Москве проходило совещание комсомольских работников фронтов. И мне была оказана честь представлять там помощников начальников политотделов 2-го Украинского фронта, в составе которого участвовала в то время в боях и наша 4-я гвардейская армия. Принимали нас и в ЦК ВЛКСМ, и в ГЛАВПУРе, и, наконец, сам Михаил Иванович Калинин. Прибыл я на совещание во всеоружии, именно благодаря Дмитрию Трофимовичу. Он дал мне конкретные советы, когда и как себя вести, где и что сказать. И даже снабдил меня брошюрой-бюллетенем о той политработе, что проводилась у нас в армии.

И я даже выступил на совещании. А когда уже сидели в кабинете у Калинина, задал ему такой вопрос: как офицерам вести себя на территории других стран? Дело в том, что 4-я

гвардейская армия в числе первых вступила в пределы Румынии. Отвечая на мой вопрос, Калинин говорил примерно так: вы приходите в другие страны не как завоеватели, а как освободители, поэтому, прежде всего, следует проявлять уважительное отношение к мирному населению и высоко держать марку советского воина.

А еще раньше, в октябре 43-го, когда мы находились на Украине, Шепилов взял меня с собой в одну из дивизий. Он встретился с молодыми бойцами в окопах и поздравил их с 25-летием комсомола. Тогда же рекомендовал командирам других дивизий и полков лично поздравить молодежь с памятной датой. Обстановка как раз позволяла это — армия наша стояла в обороне.

Хорошее знание Дмитрием Трофимовичем истории вообще, и истории дипломатии в частности, помогало ему быстро ориентироваться в той непростой ситуации, когда война с гитлеровской Германией подходила к завершению. К примеру, весьма деликатным, мягко говоря, вопросом стала судьба послевоенной Австрии: кто придет там к руководству и какой дальнейший путь выберет для себя эта страна? Войдет ли она в коалицию с другими государствами, или же будет нейтральной?

Одной из вероятных кандидатур на пост президента Австрии был известный экономист, лидер социал-демократов Карл Рейнер. С ним-то и провел большую работу Шепилов, чтобы помочь ему стать первым президентом ставшей затем нейтральной Австрии. А взаимная симпатия между Дмитрием Трофимовичем и Рейнером возникла уже при первой их встрече. Дмитрий Трофимович рассказывал потом, как он в разговоре с претендентом на президентский пост упомянул его книги. Рейнер был удивлен:

— Вы читали мои книги? — спросил он.

— Я ведь тоже экономист, профессор, — ответил Шепилов.

Таким образом, точка соприкосновения была сразу найдена. И это было началом кропотливой работы (в ней, кроме Шепилова, были задействованы многие другие) с

тем, чтобы Австрия превратилась в нейтральную республику. И такая работа дала впоследствии хорошие плоды, в чем есть и определенный вклад Дмитрия Трофимовича.

Людей такого высокого интеллекта, как у Шепилова, среди военачальников наших Вооруженных Сил я знал лишь нескольких (разумеется, из числа тех, с кем мне непосредственно доводилось общаться). Причем, интеллект без какого бы то ни было подчеркивания своего превосходства над другими.

В этой связи вспоминается мне одно выступление маршала Рокоссовского в 1959 году в Ленинграде — тогда он был заместителем министра обороны СССР. Константин Константинович говорил:

— Командиры, когда вы даете указания, выступая перед подчиненными, и при этом хотите, чтобы у вас сохранялся авторитет, всегда помните о том, что многие из тех, с кем вы общаетесь, умнее вас.

Мне запали в душу эти слова, и я невольно мысленно переносил их на Шепилова. Именно такими же принципами руководствовался и Дмитрий Трофимович при работе и общении с людьми любого звания, любого положения. Ему всегда было присуще уважительное отношение к человеку. За это и ценили его другие.

Александр Королев

ПОМНИТ ВЕНА...

Родом я рязанский, но жил до войны в Баку. Участвовал в финской кампании, был ранен. Затем служил на границе с Турцией — в укрепленном районе около Ленинакана, в Армении.

В 1942 году меня направили на трехмесячные курсы политсостава. Окончив их, из резерва попал в 4-ю гвардейскую армию, которая вышла на формирование под Тулой. В ее рядах я и начал свою вторую войну, в звании

лейтенанта. Сначала был в роте противотанковых ружей, а потом стал комсоргом стрелкового батальона 417-го гвардейского полка.

После Курской дуги, когда уже наша дивизия была на территории Украины, участвуя в Уманьской операции, меня вызвали в дивизионный политотдел. Зачем? Замполит полка сам не знал. В политотделе тоже сказали: «Мы ничего не знаем. Езжай в политотдел армии, там в отделе кадров тебе скажут.» Дали мне соответствующее предписание, и я отправился.

В отделе кадров мне сказали: «Тебе надлежит сейчас быть в седьмом отделении.» Что это за отделение, я не всдал, мне просто указали хату, где оно размещается. В этой хате со мной начали беседовать. Порасспросив, кто я, откуда и тому подобное, задают такой вопрос:

— В какой мере владеешь немецким языком? В твоём личном деле написано, что ты знаешь его в объёме средней школы и можешь читать, переводить со словарем.

Я отвечаю:

— Так точно.

Когда я пошел в школу в 28-м году, в Баку не хватало русских школ, и наш русский класс перевели в немецкую школу. Поэтому я научился свободно разговаривать с немецкими ребятами на их языке. А потом, учителями у нас были немцы, их тогда очень много жило в Баку. Кстати, ведь и наш знаменитый разведчик Зорге был бакинец. Там он родился.

— Ну, что ж, давай мы тебя проверим, — говорят мне и дают листовку. Я ее прочитал и перевел. Потом перевел и немецкую газету — политическую лексику более-менее знал хорошо.

Меня до вечера отпустили, снабдив материалами о немецких дивизиях, воевавших на нашем участке фронта. А вечером сказали:

— Ты встретишься с Шепиловым, и тогда тебе станет ясно, ради чего здесь находишься.

Уже за полночь я попал в кабинет Дмитрия Трофимовича, доложил, что лейтенант Королев прибыл. А обо

мне уже сообщил ему начальник 7-го отделения подполковник Старчевский. Выслушав его, Шепилов спрашивает:

— Ну, как, язык-то он знает в достаточной мере?

— Для той работы, что ему предназначается, знает.

Тогда Шепилов говорит:

— Давайте-ка я еще раз проверю.

Дал он мне тоже немецкую листовку. Когда я прочитал и перевел ее, чувствую, что он остался доволен.

— А ты знаешь, зачем тебя вызвали?

— Нет, — отвечаю.

— Вот мы думаем назначить тебя старшим инструктором политотдела дивизии по работе среди войск противника. Будешь агитировать их сдаваться в плен. Тебе выделят оконную громкоговорящую установку, дадут в помощники специалиста по этой установке. Кроме того, у нас тут есть немец — перебежчик, сдавшийся в плен добровольно. И он тоже готов агитировать немецких солдат. Но смотри, он будет в своей форме, и ты за него отвечаешь, дабы кто-нибудь из наших не обидел его ненароком. Поддерживай связь с разведчиками, они будут тебе помогать забрасывать листовки в тыл к немцам. И еще тебе придется участвовать в допросах военнопленных. Прежде всего интересуйся морально-политическим состоянием солдат противника, их настроениями. Изучай также письма, обнаруженные при убитых гитлеровцах, а наиболее ценные отправляй нам. Встретятся документы по обольваниванию наших солдат, тоже передавай. Ну, а о деталях тебе расскажет подполковник Старчевский.

Затем Шепилов вернулся к тому, с чего начал разговор — к уровню моей языковой подготовки. Подчеркнул, что я в любой обстановке должен совершенствовать свои знания, навыки. Требуется не просто умение вести допросы, а свободное владение разговорной речью. И спрашивает:

— А есть у тебя словарь с собой?

Конечно, я никакого словаря не брал с собой на фронт.

— Тогда вот тебе немецко-русский словарь. Грамматику, как вижу, ты знаешь, но учи слова. С Богом!

Встал, пожал мне руку. Я откозырял и уже вместе с немцем вернулся в свою дивизию. И так вплоть до Вены работал по пропаганде среди войск противника.

Немец Руди (фамилию его, к сожалению, забыл) оказался бывшим механиком-водителем. Смелый, веселый и общительный, он очень быстро освоил русский обиходный язык. Наши солдаты его тоже уважали. Как-то уже мы с ним вели передачу прямо из боевого охранения, где были установлены наши рупоры. Немцы были совсем близко и отлично слышали то, что им говорил Руди. Какой-то из них откликнулся на его речь, и было слышно, как он кричал в ответ на слова моего немца:

— Ты — сукин сын, подлец, предатель! За то, что тебя там кормят, ты и агитируешь.

А Руди отвечает:

— Какой же я трус? У меня железный крест, я — танкист, воевал под Сталинградом. Это ты, наверное, трус.

Мне рассказывал Руди, как он сам переходил к нам. У него созрело это решение, когда он понял, что война бессмысленна. И вот во время отступления своих частей сказал командиру танка:

— Что-то с мотором неладно. Вы давайте идите вперед пешими, а я сейчас устраню неполадку и нагоню вас.

Экипаж пошел, а он развернул танк назад и — к нам. В гражданке он работал парикмахером, видимо, поэтому всегда был аккуратным. Парень что надо! И если он еще жив, дай Бог ему здоровья!

...Вторая моя встреча с Шепиловым произошла в Австрии. Наша 80-я гвардейская дивизия участвовала в боях за Вену, а потом в наступлении наших войск на запад, к Дунаю. Где-то в начале мая, после того, как 4-я гвардейская армия встретила с американцами, нашей дивизии приказали маршем вернуться в Вену. Там нам объявили, что дивизия будет нести гарнизонную службу. Тогда-то к нам и приехал Шепилов. Созвали всех командиров и политработников дивизии, и Дмитрий Трофимович выступил с докладом. В частности, он сказал:

Д.Шепилов беседует с югославскими партизанами. Осень 1945 года

Американский генерал Паттон вручает генералу Шепилову высший орден США. Вена, май 1945 года

— Следует довести до личного состава, что Австрия — это не какая-то провинция Германии, а самостоятельное государство, которое было оккупировано немцами. Следовательно, отношения наши с австрийцами должны строиться не как между победителями и побежденными, а с пониманием того, что эта страна была присоединена Германией и теперь освобождена нами. Поэтому при несении гарнизонной службы всячески не допускать недостойного поведения. И следует одеть как следует весь личный состав, чтобы выглядели подобающим образом. По возможности помогать австрийским гражданам — при разборке завалов и так далее. Вы знаете, что сейчас нашим правительством принимаются меры для того, чтобы накормить население. Но если жители будут подходить к солдатским кухням, особенно дети, потчуйте чем можно, пусть о советских солдатах останется хорошее впечатление. По ним они будут судить и о нашей стране.

Дальше Шепилов сообщил, что Вену решено разделить на четыре сектора, сюда придут также американцы, англичане и французы.

Что касается несения караульной службы, то, говорил нам Дмитрий Трофимович, будут совместные патрули. Поэтому надо отобрать для этого молодых, смелых, решительных солдат и офицеров. Возможно, придется пресекать какие-то преступления, и надо быть готовыми к любым неожиданностям.

— А еще, — заметил Шепилов, — мы имеем возможность устраивать концерты для населения Вены, показывать кинофильмы. Пусть наши оркестры играют по воскресеньям — музыку здесь очень любят и ценят.

После этого совещания Дмитрий Трофимович поинтересовался:

— А кто у вас в дивизии занимается контрпропагандой? Меня пригласили к нему, и он сказал:

— Ба! Да мы ведь знакомы.

К тому времени я был уже в звании капитана.

— Ну, что, капитан, теперь-то с немецким языком никаких проблем? В ближайшее время получите материалы, а вам рекомендую действовать через местные органы власти, почаще собирать жителей. У них тут еще сохранились клубы, самодеятельность. Выступайте в этих клубах, рассказывайте австрийцам о Советском Союзе, а то ведь до сего времени слушали только фашистскую пропаганду. Вот и показывайте им реальную картину: какие у нас люди, за что мы воевали. Это и будет ваш вклад в дело укрепления дружбы с Австрией.

И, действительно, где бы ни приходилось мне выступать после этого разговора с Шепиловым, австрийцы задавали массу вопросов. А знали они очень мало о нашей стране, в основном представляли, будто там живут едва ли не дикари, которые только беду несут на Запад. А фильмы наши, особенно такие, как «Волга, Волга», буквально на глазах меняли отношение населения к нам.

Дмитрий Трофимович был инициатором восстановления Венской оперы и такого замечательного памятника архитектуры, как Хофбург, бывшая королевская резиденция. А в оперном театре мы имели потом возможность послушать оперу — нас часто приглашали. В Хофбурге, в той части, которую успели отреставрировать, был открыт Дом офицеров, и мы там танцевали под чарующие звуки вальсов Штрауса.

Шепилов пригласил в Вену нашего знаменитого певца Козловского, и Иван Семенович пел для офицеров и солдат гарнизона. Приезжала к нам и выступала также Галина Сергеевна Уланова.

А когда подошло начало учебного года, по распоряжению Шепилова были освобождены те школьные здания, в которых размещались наши отдельные части, а также приняты все меры, чтобы снабдить ребятишек бумагой, карандашами.

Добрая память о советских воинах-освободителях до сих пор сохранилась в сердцах многих австрийцев. Приведу такой

пример. Весной 1995 года в составе группы ветеранов войны я побывал в Вене по приглашению столичного муниципалитета. Праздновалось 50-летие нашей Победы в Великой Отечественной войне и, соответственно, полувекковой юбилей освобождения столицы Австрии от фашистской оккупации. Были не только официальные встречи, но и живое общение с простыми жителями города.

С моим однополчанином, бывшим минометчиком Павлом Ланцовым, мы отправились как-то по Мария-Гильфе-штрассе, знаменитой торговой улице. Был как раз канун Пасхи, и вся Вена готовилась к ней. Повсюду стояли лотки, продавались пасхальные яички и прочее. Около одного лотка мы остановились и стали обсуждать, что бы нам купить. Продавец, человек уже солидного возраста, услышав русскую речь, спрашивает:

— Русские?

— Да, русские, — отвечаем ему.

— Говоришь по-немецки? — обращается ко мне.

— Да, говорю.

— Так вы из тех солдат, которые были тут в сорок пятом году?

— Да, — отвечаю я ему. — Вот приехали по приглашению ваших властей.

— А я тогда был мальчишкой, — говорит мой собеседник.

— Я помню ваших солдат. Помню, как нас кормили в солдатской кухне. Слушайте, возьмите бесплатно сувениры. Не надо денег. Мы помним вас...

Пока был жив Дмитрий Трофимович и мог он ходить, всегда День Победы встречал на берегу Москвы-реки, в парке культуры имени Горького — это было место традиционной встречи ветеранов нашей армии и дивизии. И каждый год репортеры Австрийского телевидения брали у него интервью. Его помнят там до сих пор, как одного из тех, кто помогал австрийскому народу в те трудные первые месяцы послевоенного времени.

ГВАРДЕЙСКАЯ

(Солдатская песня. Автор Елена Тюхтяева)

Мы с 4-й гвардейской
Шли в боях Украиной.
В Котельве и Диканьке,
В Шполе, под Лебедином
Мы огнем своих пушек
Врага сокрушали.
На земле, на чужой
Воевать не мечтали.

Но, с гвардейской 4-й,
За рубеж мы шагнули,
На широком Дунае
Полки развернули.
В Будапеште мы бились
Без отдыха-смены,
А потом выбивали
Фашистов из Вены!

Наш Гвардеец поднялся
На мраморе в Вене.
Он как совести символ
Для всех поколений.
Охраняет он мир
От снаряда и пули.
Он навечно остался
Стоять в карауле.

Мы сегодня сошлись
Все, кто живы остались,
Чтобы вспомнить бойцов,
Что погибли, сражаясь.
Всех, кто в смертном бою
Живота не щадили.
Бились с думой одной —
Лишь была бы Россия!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Во время войны я был корреспондентом газеты Военно-Воздушных Сил «Сталинский сокол». Не помню точную дату, когда познакомился с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым, с которым потом в течение многих лет встречался уже в Москве. Первая моя встреча с ним произошла в те дни, когда 4-я гвардейская армия под командованием генерала Н.Д.Захватаева освобождала Вену.

Я и мой друг Эль Регистан, который был корреспондентом той же газеты, по заданию редакции оказались в столице Австрии. Как сообщалось в сводке Совинформбюро, Вена была освобождена от немецких оккупантов 13 апреля, но мы там были уже одиннадцатого, когда фашистские части еще дрались на окраинах города.

Так вот 11 апреля мы искали себе пристанище в аристократическом квартале Пратер, состоявшем из особняков. В период оккупации гитлеровцами в них проживали начальствующие чины — офицеры СС или гестапо. Недаром, когда мы заходили в эти особняки, в основном одноэтажные, в них все было очень комфортабельно. В одном доме увидели такую картину: на диване лежала обнаженная молодая женщина, а в кресле, в расстегнутом кителе — застрелившийся немец в чине, кажется, генерала. Судя по всему, он сначала убил ее, а потом покончил с собой.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы мы остановились в этом особняке. Пошли дальше и нашли другой домик, который нас вполне устраивал. С нами были еще два солдата: шофер и автоматчик. Мы с Эль Регистаном заняли первый этаж, они — второй. Обстановка в этом двухэтажном коттедже свидетельствовала о том, что его хозяева спешно бежали. Все было оставлено — и белье в шкафах, и одежда, в том числе кители с нашивками. Значит, и здесь располагались немецкие офицеры. Кстати, во всех

У Дворца Франца Иосифа в Вене, весна 1945 года. Слева направо: Эль Регистан, Сергей Михалков, начальник политотдела 4-й гвардейской армии В.Смирнов, командующий артиллерией армии Михалкин, местный переводчик, член военного совета армии Д.Шепилов, позади - начальник отделения охраны армии В.Докашенко.

особняках, в которых мы успели побывать, на полках было большое количество бутылок с хорошими винами. Но мы к ним не прикасались — мало ли что еще в них.

Не знаю уж как, но нам стало известно, что на той же улице остановился и член военного совета 4-й гвардейской армии. Утром направились к нему. Думали, что мы с ним уже были знакомы, ибо с нашими чинами так просто нельзя было заявляться к члену военного совета (я был тогда, кажется, интендантом первого ранга, уже потом стал майором). Мы пришли в особняк, где находился Шепилов, и в столовой увидели большой шкаф. За стеклом стояли охотничьи ружья, и было их много. Эль Регистан, будучи охотником, да и я тоже сразу заинтересовались этими ружьями. Друг мой, помнится, даже воскликнул:

— О, товарищ генерал, у вас большая коллекция трофеев!

На это Шепилов довольно резко ответил:

Вена, конец апреля 45-го. Слева направо: полковник В.Смирнов, генерал-майор Д.Шепилов, генерал-лейтенант Н.Захватаев, Сергей Михалков, Эль Регистан.

— Я на войне барахольством не занимаюсь!

Однако я знал случаи, когда другие генералы не отказывались от возможности поживиться военными трофеями. Например, довелось мне побывать у представителя Ставки Верховного Главнокомандующего Тимошенко, так там о трофеях говорили совершенно иными словами, нежели Шепилов: считалось естественным воспользоваться «даром судьбы». А вот Дмитрий Трофимович был решительным противником этого. И его качества человека высочайшей культуры и чистой совести проявлялись совсем в других делах.

Именно генерал Шепилов первым поставил вопрос и вскоре осуществил установку монумента в честь

освобождения Вены советскими войсками. Это он заботился о тех мирных жителях столицы Австрии, что остались без еды и порой без крова. Это он наладил культурное сотрудничество с венцами с первых же дней мирной жизни — концерты наших армейских художественных коллективов.

Кстати, на памятнике советским воинам-освободителям в Вене выбиты мои стихотворные строки, написанные по предложению Дмитрия Трофимовича:

*Гвардейцы! Вы честно служили Отчизне,
От стен Сталинграда вы к Вене пришли.
Для счастья народа вы отдали жизни
Вдали от родимой Советской земли.
Слава вам — храбрые
Русские воины!
Ваше бессмертие над нами встает.
Доблестно павшие —
Спите спокойно,
Вас никогда не забудет народ.*

Во всяком случае, член военного совета проявил большое внимание к двум авторам еще в 1943 году утвержденного Гимна Советского Союза, и повсюду, куда мы приезжали, армейское начальство к нам относилось с особым интересом.

Дмитрий Трофимович сразу же, как мы с ним познакомились, произвел на меня очень хорошее впечатление. Во-первых, это был сравнительно молодой генерал, очень красивый человек, очень образованный, очень доброжелательно относящийся к людям, и вообще приятный в общении.

После войны наши встречи продолжались. Они не носили постоянного характера, но я бывал у него на даче или на квартире. Безусловно, Шепилов был выдающейся личностью, я бы сказал, человеком своей эпохи.

Но интересна одна деталь.

Когда после войны уже мы с ним встречались — то ли на приемах, то ли еще где, — он всегда подходил ко мне, и мы общались. Особенно когда он стал министром иностранных дел. Помню, часто спрашивал меня:

— Ну, молодой человек, что обо мне говорят?

— Говорят разное, Дмитрий Трофимович, — отвечал я, — но больше слышу хорошего.

Но вот на что хочу обратить внимание. Не так уж часто мы с ним встречались, но когда мне было нужно, я просто приезжал к нему на официальную подмосковную дачу, и он всегда меня принимал. Мы сначала обедали, потом смотрели какой-нибудь фильм. Была вроде бы такая казенная обстановка, но он внимательно выслушивал меня. А просьбы мои всегда касались каких-либо общественных дел.

Например, я обращался к нему с просьбой оказать содействие детской литературе или еще что, и он всегда относился с пониманием, а потом находил и возможности как-то оказать помощь.

И вот о чем я хотел бы сказать особо. У меня с Шепиловым не было, как говорят, тесной дружбы, а скорее поддерживали доброжелательные, хорошие отношения. Но при всем при том беседовали откровенно.

Скажем, был у него «большой друг», занимавший высокую должность в ЦК КПСС, по фамилии Пономарев. Он был секретарем ЦК. Когда бы я ни навещал Дмитрия Трофимовича, всегда заставлял у него товарища Пономарева. Как-то я приехал в санаторий «Русская», и там опять Пономарев. Улучив момент, когда его рядом не было, спросил у Дмитрия Трофимовича:

— Что тебя связывает с ним?

— Он мой большой друг, — сказал Шепилов.

— Такой человек не может быть другом, — откровенно выразил я свое сомнение.

А сказал я так потому, что видел в Пономареве человека довольно замкнутого, по натуре — явного чиновника.

И вот когда у Шепилова случились все его неприятности и он сделался «примкнувшим», его «большой друг» Пономарев тут же прекратил с ним всякие отношения — как в воду канул. Ну, а я никогда не прерывал отношений с Дмитрием Трофимовичем, хотя к явным друзьям его себя и не причислял. Встречались с ним, обменивались интересными книгами — особенно когда он уже работал в Главном архивном управлении.

Уже в последние годы жизни Дмитрия Трофимовича я настоятельно советовал ему опубликовать свои воспоминания, и он сам часто звонил мне, консультировался. О будущей своей книге говорил, что никак не закончит ее, что все непросто. А я ему откровенно:

— Прости меня, Дмитрий Трофимович, но ты напрасно не печатаешь то, что уже написано. Помрешь — и неизвестно, что еще потом будет. А так все-таки хоть что-то останется.

— Да, да, — соглашался он, — я вот думаю дать в журнал «Знамя».

А сам все тянул и тянул, а я всяческими словами ругал его.

Нравился он мне по своим моральным, так сказать, параметрам. С ним всегда было приятно разговаривать. А последний раз мы отдыхали вместе в санатории «Архангельское» под Москвой. Как участник Великой Отечественной войны, генерал, он мог пользоваться некоторыми благами и не будучи на высоком посту. Но даже тогда он казался мне все таким же молодым и обаятельным, как и в конце войны. Каких-то политических проблем мы с ним практически не затрагивали, видимо, зная, что у нас у каждого своя собственная точка зрения по многим вопросам. Так что наша взаимность строилась на чисто человеческих принципах.

Знал я, что ему нелегко жилось, в разговорах же продолжал твердить ему, что давно пора публиковать воспоминания. Почему это так волновало меня? Да потому, что знал Дмитрия Трофимовича, как исключительно честного и правдивого человека, и он, как никто другой, своим ярким, доходчивым языком, без каких бы то ни было придумываний, со знанием, пониманием проблем с позиции его, большого ученого, мог дать более правильную оценку и характеристику как многим важным событиям, так и тем, кто участвовал в этих событиях.

И искренне жаль, что книга Дмитрия Трофимовича Шепилова, написанная им собственноручно, так и не появилась при его жизни.

ВETERANAM 4-Й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

(Стихотворение. Автор Энрико Рубальский)

От приволжских степей — до Дуная
Днем и ночью, и в зной, и в пургу
Шла 4-я наша родная,
Свой удар нанося по врагу.

Помнишь, друг, фронтовую землянку,
Грохот боя и ярость атак,
И солдата, ползущего к танку,
И гранатой разорванный мрак?

Сколько павших от пули злодейской
Не пришло с этой грозной войны...
Ветераны 4-й гвардейской
Светлой памяти павших верны.

Буйным цветом Молдова полна,
Мирно светят огни Балатона,
И дунайская плещет волна...
Славит Гвардии подвиг нетленный
Монументов суровый гранит,
И солдат наш над площадью Вены
Знамя Родины свято хранит.

*Открытие памятника воинам 4-й гвардейской армии.
Вена, 19 августа 1945 года*

Михаил Домогацких

ОТ СТАЛИНГРАДА — ДО ПЕКИНА

Весь день — уж не помню какой по счету — шел бой. То немцы пытались, преодолевая завалы, продвинуться хоть немного вперед, то мы через те же завалы старались отбить у них уступленные нами метры. Мы вели огонь друг по другу, часто даже видя голову в каске, высунувшуюся из-за укрытия. На занятой ими территории не было ровным счетом ничего, кроме нагромождения разбитых вдребезги стен домов, черных от копоти и вывороченных из-под земли труб, которые стояли торчком, словно стволы полковых минометов, поваленных столбов уличного освещения, беспорядочно распяленных среди развалин обрывков колючей проволоки.

Над нашими головами весь день с визгом, клетотом и шипением летят снаряды и мины разных калибров. Это из-за Волги или с позиций в нескольких сотнях метров от нас летят наши, как тогда говорили, гостинцы, а в сторону реки и за Волгу — немецкие. А мы будто под гудящим куполом. Правда, за день случалось, что с этого купола кое-что падало и на нас — «подарочки» то от наших, то от немецких артиллеристов и минометчиков. Называлось это недолетом. Недолет до кого? Для нас-то это был как раз самый «долет», в самую точку. И вот парадокс: услышав свист немецкого снаряда или мины, мы молча ныряли под какую-нибудь каменную глыбу — слава Богу, спрятаться на нашей улице, на нашем пяточке земли было где. А вот снаряды, летевшие из-за Волги и падавшие иногда на нас, вызывали такие, как бы сейчас сказали, неформальные выражения, от которых могли покраснеть и камни. Свои снаряды были пострашнее, потому как, во-первых, не ждешь же, что тебе твой незнакомый друг-артиллерист пришлет такой «подарочек», а, во-вторых, калибр пушек, бывших из-за реки, был покрупнее, и их снаряды поднимали в воздух даже тяжелые глыбы камня...

Под грохот артиллерийской дуэли наша автоматновинтовочная перестрелка с немцами выглядела мелкой барабанной дробью в оркестре войны, хотя именно она-то и выводила больше всего нашего брата из строя. Каждый вечер, с трудом перешагивая через груды развалин, мы сами или подошедшие на помощь санитары тащили на носилках и на себе раненых товарищей в очень недалекий гыл, поближе к берегу Волги. Называть это тылом можно, конечно, с большой натяжкой, ибо тыла, как такового, в Сталинграде не было.

Был один из таких дней, о которых в сводках Совинформбюро сообщалось кратко и без эмоций: «В Сталинграде продолжались упорные уличные бои, в ходе которых противник потерял... Огнем нашей артиллерии уничтожены...». И подробные цифры числа раненых и убитых, выведенных из строя танков и артиллерийских орудий. Интересно, кто же все это так скрупулезно всегда подсчитывал?! Мы, сидевшие в сотне-другой метров от немцев, и то не могли бы ничего сказать.

Только что закончился минометный налет немцев, и в воздухе повисла густая пелена пыли и дыма. Командир роты осетинец Гриш Плиев вылез из укрытия и, отряхивая с телогрейки красноватую пыль, ворчал: «Ну, когда же вы, фрицы, уgomонитесь? Дайте хоть передохнуть, черти полосатые!»

— Что, докучают немцы? — вдруг услышали мы «генеральский» басок и увидели тоже отряхивающегося полковника высокого роста, которого, оказывается, минометный обстрел застал на нашей позиции.

— Смирно! — не успев даже рассмотреть полковника, подал команду Гриш. — Товарищ...

— Отставить! — остановил его полковник, видимо, сразу поняв, как трудно выполнить эту команду вылезавшим из укрытия солдатам. — Садитесь, старший лейтенант, — он успел рассмотреть три «кубаря» в петлицах командира роты, — и расскажите, как у вас тут дела. Есть ли потери за сегодняшний день, доставляли ли пищу, как с боеприпасами?

— Что, раз в день питаетесь?

— Один раз в сутки получается, товарищ полковник.

Полковник Д.Шепилов под Сталинградом, осень 1942 года

— Разрешите доложить, товарищ полковник: рота автоматчиков весь день отбивала попытки противника продвинуться вперед. Ни одного метра мы не уступили, товарищ полковник. Двое раненых бойцов отправлены в медсанбат... Сегодня пищу не доставляли, сюда не так легко пробраться. Налеемся подкрепиться вечером.

Полковник дал какое-то указание сопровождавшему его офицеру, и тот записал в блокнот.

Гриш распахнул свою телогрейку — день был довольно жаркий. Телогрейки или бушлаты мы не снимали: куда их деть, еще потеряешь, намучаешься потом. На груди у Гриша сверкнул орден «Знак Почета».

— Скажите-ка, товарищ Плиев, за что получили такую высокую награду?

— За стихи, товарищ полковник.

И Гриш рассказал, как он двадцатидвухлетним парнем был делегатом первого съезда писателей, после которого — через год или два — правительство впервые наградило орденами большую группу писателей за заслуги перед советской литературой.

— Рад был познакомиться с вами со всеми, дорогие друзья, — сказал нам полковник после небольшой паузы, вызванной очередным минометным налетом. — Я начальник политотдела 24-й армии Шепилов Дмитрий Трофимович. Хорошо воюете, спасибо вам за это. Вы на самом острие войны. — И после обратился к Гришу: — А как ваше главное оружие, поэзия, не ржавеет?

— Когда выбирают минутки, товарищ полковник, достаю блокнот и пытаюсь отобразить самые яркие впечатления из нашей боевой жизни.

— Мы не вправе не использовать талант поэта, — сказал Дмитрий Трофимович. — Думаю, ваше слово, товарищ Плиев, так же нужно сейчас солдатам, как патроны. Ладно, я позабочусь об этом. — И полковник стал нам, оторванным от внешнего мира, подробно рассказывать, что происходит не только на других фронтах, протянувшихся от Черного до Балтийского моря, но и в самом Сталинграде, на соседних улицах. — Отсюда, — сказал он, — мы перейдем в наступление, чтобы закончить войну там, откуда она пришла к нам, — в Берлине...

Прошло несколько дней, и вдруг мы узнаем, что наш командир роты приказом военного совета назначен поэтом —

была и такая должность в те времена — армейской газеты «Красное Знамя». Окончил войну он в звании майора, с несколькими боевыми наградами.

А в жизни Гриша Плиева произошло еще одно незабываемое событие. Шли бои за Вену. И уж не знаю, каким путем узнал Гриш о том, что освобожденные из немецкого концлагеря пять женщин — жены видных политических деятелей Австрии, Венгрии и Чехословакии оказались в самом пекле сражения. Они уже и не чаяли вырваться оттуда живыми, когда Гриш с помощью двух или трех бойцов вывел их в расположение штаба батальона, командир которого сказал:

— Товарищ майор, у меня нет людей, чтобы сопровождать ваших подопечных в тыл, а здесь им находиться очень опасно. Видите, что творится?

С большим трудом Гриш связался с генералом Шепиловым — он уже был членом военного совета бывшей 24-й, а теперь 4-й гвардейской армии — и доложил о случившемся. Минутное молчание, а потом решительный голос генерала:

— Григорий Дзамболатович, обеспечьте безопасность освобожденных узниц. Высылаю немедленно машину за вами, жду вас в штабе армии.

В штабе, куда Гриш доставил женщин, по просьбе Дмитрия Трофимовича военные интенданты одели их в приличную одежду, и через три дня они были уже в Москве.

...Недавно мне попала в руки вышедшая у нас книга мемуаров звезды довоенного кино Франческо Галль. И каковы же были моя радость и удивление, когда я прочитал слова благодарности красавцу майору и высокообразованному генералу, хорошо знающему кино и музыку, которые так много сделали для ее спасения.

Почти весь 1996 год я провел на Кавказе, в зоне чрезвычайного положения, в качестве руководителя пресс-центра Временного государственного комитета по прекращению вооруженного конфликта. Находясь во Владикавказе, каждую неделю встречался я с Гришем

Плиевым — народным поэтом Осетии, лауреатом многих премий, который перевел на осетинский язык многие драматические произведения Шекспира, пьесы Мольера, Гольдони, Бомарше, не говоря уж о переводах классиков русской литературы, современных поэтов разных национальностей. И ни одна из наших дружеских бесед не обходилась без воспоминаний о войне и о встречах с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым...

Шли дни войны, длинные как месяцы, и месяцы, равные годам. Следующий раз я увидел Дмитрия Трофимовича в несколько необычной обстановке, когда попал во фронтовой госпиталь после ранения на Правобережной Украине. Как-то в палатах началась непонятная суматоха: заходили медсестры, поправляя одеяла и закидывая под койки все, что не должно быть на виду; врачи в неуточное время справлялись о самочувствии; нянечки старательно терли полы мокрыми тряпками. И у всех загадочное выражение на лицах.

— Что случилось, тетя Настя? — спросил мой сосед капитан Барсуков пожилую нянечку из местных жителей.

— Ой, голубчик, — она всех нас так называла, — какой-то большой генерал сейчас придет.

В окружении свиты из врачей медицинского управления и госпиталя в нашу палату вошел Дмитрий Трофимович. Я его сразу узнал, да и нельзя было не узнать, если хоть раз видел. Он начал расспрашивать каждого из нас: при каких обстоятельствах был ранен, давно ли на фронте. Затем присел на стул между нашими койками.

— Вот вы, — спросил он меня, — были в Сталинграде?

— Да, был, товарищ генерал. — И напомнил ему, как он пришел к нам и дважды попал под минометный обстрел, что командиром у нас был поэт-орденоносец Гриш Плиев.

— А-а, помню, помню. Вот, оказывается, с каких пор мы с вами знакомы. А товарищ Плиев хорошо воюет и работает, много пишет хороших стихов. А вы случайно не занимаетесь этим? — спросил генерал, рассматривая стопку книг на подоконнике.

Я почувствовал, что краснею, но признался: да, пишу, но так, для себя.

— Ну, лейтенант, когда напишете книгу стихов, покажите мне, может, я напишу предисловие к ней. — И генерал рассмеялся красивым бархатным смехом. Он поднялся, одернул китель и торжественно, голосом Левитана, сказал:

— Товарищи офицеры! Мне выпала большая честь от имени Президиума Верховного Совета СССР вручить вам правительственные награды за мужество и храбрость, проявленные вами в боях за нашу Советскую Родину. Я благодарю вас и желаю быстреешего выздоровления.

Капитану Барсукову и мне он вручил ордена Отечественной войны, майору Литвину — орден Красной Звезды, а трем остальным товарищам — подарки.

После госпиталя я вновь попал на фронт, но, признанный ограниченно годным к строевой службе, был направлен в редакцию дивизионной газеты «За Отечество». Часто бывал на передовой, много писал о боевых действиях, не забывал и про стихи. За три месяца до окончания войны писатель Петр Павленко, работавший в «Красной Звезде», рекомендовал меня на должность корреспондента этой газеты, но меня потянуло в свой Ленинградский институт журналистики, первый курс которого я окончил прямо накануне войны.

Мне было двадцать два года, майор по званию — только служить, ну, разве что подлечиться немного, ведь медицинская комиссия сняла ограничение годности к строевой. В отделе кадров армии и слышать не хотели о моей демобилизации. И тогда я пошел к Шепилову. Честно сказал, что хочу учиться, что сейчас есть из кого выбирать для армейской службы.

Дмитрий Трофимович долго молчал. Потом сказал, чтобы я пошел пообедать, а через час пришел к нему снова.

Этот час показался мне вечностью. Я бесцельно бродил по ближайшим к штабу улицам австрийского города Санкт-Пельтен, думая только об одном: поможет или нет Дмитрий Трофимович?

Когда я вошел в кабинет, он попросил меня присесть на стул.

— Понимаете, майор, — ваше личное дело отправлено в управление кадров 3-го Украинского фронта. Я переговорю с начальником управления, а вы пока возвращайтесь в свою 5-ю воздушно-десантную дивизию. Думаю, мне удастся вам помочь.

Прошло две недели томительного ожидания, и вот начальник политотдела дивизии сообщает, что меня вызывает член военного совета генерал Шепилов.

Опять в знакомом кабинете.

— Ну, вот, майор, ваша просьба удовлетворена — приказ о демобилизации подписан. — И он вручил мне выписку из приказа. Поднялся, прошел к шкафу и вытащил из него большой сверток. — Это вам мой подарок, пригодится. Желаю вам успехов.

Спустя полтора года я попал на прием к Дмитрию Трофимовичу в Главном политуправлении Советской Армии и положил перед ним сверстанную книжку стихов «Дорогами войны», напомнив, что он обещал написать предисловие.

— Хорошая у вас память, — сказал Дмитрий Трофимович, — раз обещал, придется сделать.

Через несколько месяцев книжка вышла в свет с дорогими для меня словами предисловия Дмитрия Трофимовича.

По завершении Центральных газетных курсов при ЦК ВКП(б) я работал в воронежской областной газете «Коммуна», потом редактором газеты «Молодой коммунар». В Воронеже окончил экстерном университет, и оттуда был послан учиться в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, на восточный факультет. В 1953 году я был распределен в аппарат МИДа, получил дипломатический ранг и должен был ехать в наше посольство в Пекине. Оставалось отгулять отпуск, и вдруг меня приглашают зайти в Дипломатическую школу, где знакомят с заместителем

заведующего отделом кадров «Правды» Николаем Васильевичем Пучковым. Это был прямо-таки неумный человек — в каких только организациях он не побывал, разыскивая подходящие кандидатуры для работы в «Правде». Вот в ВДШ он и обратил внимание на мое личное дело.

— Ты меня сразу заинтересовал, — признался он мне много позже. — Человек со знанием иностранных языков, бывший редактор областной газеты. Как я мог пройти мимо? Пришел в редакцию, позвонил нашему корреспонденту в Воронеж и спросил, знает ли он тебя? «Еще бы, — сказал тот, — я даже попросил его написать очерк о восстановлении одного завода, и этот материал был опубликован в «Правде».

А тогда, встретившись в отделе кадров ВДШ, он для проформы начал расспрашивать о том, о сем, а потом вдруг предложил:

— А в «Правде» вы не хотели бы поработать?

Поработать в «Правде» в те годы было мечтой для любого журналиста. Но я-то уже не журналист, да и кто меня отпустит.

— Если согласны, то не беспокойтесь, наш главный договорится с министром иностранных дел.

И я дал согласие, зная, что главным редактором «Правды» был уже Дмитрий Трофимович Шепилов.

И закрутилась машина: в первом Дальневосточном отделе, куда долетели какие-то слухи, спрашивали, куда это я наострил лыжи. По совету Пучкова, я помалкивал. Уехал в отпуск, а вернувшись в Москву, позвонил в «Правду».

— Наконец-то, а то я уже хотел объявить всесоюзный розыск, — сказал мне Николай Васильевич. — Приходите послезавтра на редколлегию.

Сердце рвалось у меня из груди: а вдруг не примут?..

Когда анкета была зачитана, главный редактор спросил:

— Может быть, кто-нибудь что-то скажет об этом молодом человеке?

За длинным столом сидели люди, чьи имена были хорошо известны в стране, особенно среди журналистов.

«Но что они могут сказать обо мне?» — подумал я. И желающих высказаться о моей персоне действительно не находилось.

— Так случилось, — выдержав паузу, сказал Шепилов, — что мне самому довелось не раз встречаться с Михаилом Георгиевичем. Первый раз — во время уличных боев в Сталинграде, второй — когда вручал ему орден Отечественной войны в госпитале. Потом в Югославии и Венгрии. А вскоре после войны я написал предисловие к его первой книжке стихов, которая выходила в военном издательстве. И теперь, если у вас не будет возражений, он войдет в наш коллектив, поедет собственным корреспондентом «Правды» в Китай. Какие будут предложения?

Юрий Павлович Францев — будущий академик, а тогда редактор «Правды» по международным вопросам — бросил на меня испытывающий взгляд из-под густых седых бровей и, повернувшись к Дмитрию Трофимовичу, произнес:

— Пусть и на нашем фронте воюет не хуже, чем в Сталинграде.

Вопрос о моей новой работе был окончательно решен.

Потом я встречал Дмитрия Трофимовича в Пекине. Когда он сказал, что, несмотря на занятость, хочет прежде всего побывать в корпункте «Правды», мы не знали что и делать. Корпункт размещался тогда в типично китайском домике, построенном в форме буквы «П». Низкие потолки, обтянутые бамбуковыми циновками, земляной пол, покрытый ими же, в окнах вместо стекол — промасленная бумага. Нам было как-то стыдно везти своего главного в такое помещение. И мы стали отговаривать его, убеждая, что ему надо отдохнуть после долгого перелета. А он, будто почувствовав неладное, посмотрел на часы и сказал:

— До приема у товарища Мао Цзэдуна больше четырех часов. Едем. — Снял трубку телефона: — Никита Сергеевич, вы не будете возражать, если я отлучусь на часок, чтобы побывать в корпункте «Правды»? Благодарю...

*Встреча советской делегации в аэропорту Пекина, 1954 год.
Слева направо: Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Д.Т.Шепилов, А.И.Микоян,
Е.А.Фурцева, Н.А.Булганин, Н.М.Шверник, П.Ф.Юдин, Н.С.Хрущев.*

*А.И.Микоян и Чжоу Эньлай подписывают советско-китайский договор.
Слева направо (стоят): Д.Т.Шепилов, Н.М.Шверник,
Н.А.Булганин, посол СССР в Китае П.Ф.Юдин, Н.С.Хрущев,
переводчик Н.Т.Федоренко, Мао Цзэдун, маршал КНР Чжу Дэ.*

Ехать из Чжуннаньхя — Запретного города, бывшей резиденции китайских императоров до нашего Цзиньюй хутун — переулка Золотой рыбки вроде бы совсем ерунда, минут десять, если не останавливаться. Но даже правительственная машина закружилась, завертелась как щепка, попавшая в водоворот велосипедистов, рикш на своих колясках, тележек, запряженных низкорослыми лошадаками. Машина будто не ехала, а плыла по течению.

— А троллейбусы, автобусы у них тут есть? — спросил Дмитрий Трофимович.

— Троллейбусов нет, автобусы почти не ходят. Главное средство передвижения — велосипеды.

— Как много еще предстоит им сделать, — сказал Дмитрий Трофимович. — И быстро, поскольку такая великая страна не может находиться в стороне от прогресса. И нам тоже придется ей помогать. От себя отрывать, а ей помогать. Нельзя в беде бросать соседей. Так что и для вас тут непочатый край работы.

Но вот, наконец, наш узенький переулок, в который правительственная машина еле протискивается, едва не задевая по обеим сторонам все тех же велосипедистов. Открываем ворота, входим во двор, вымощенный каменными плитами. И здесь Дмитрий Трофимович словно остолбенел. А еще более был поражен, когда увидел помещение.

— И этот караван-сарай вы называете корпунктом «Правды»?

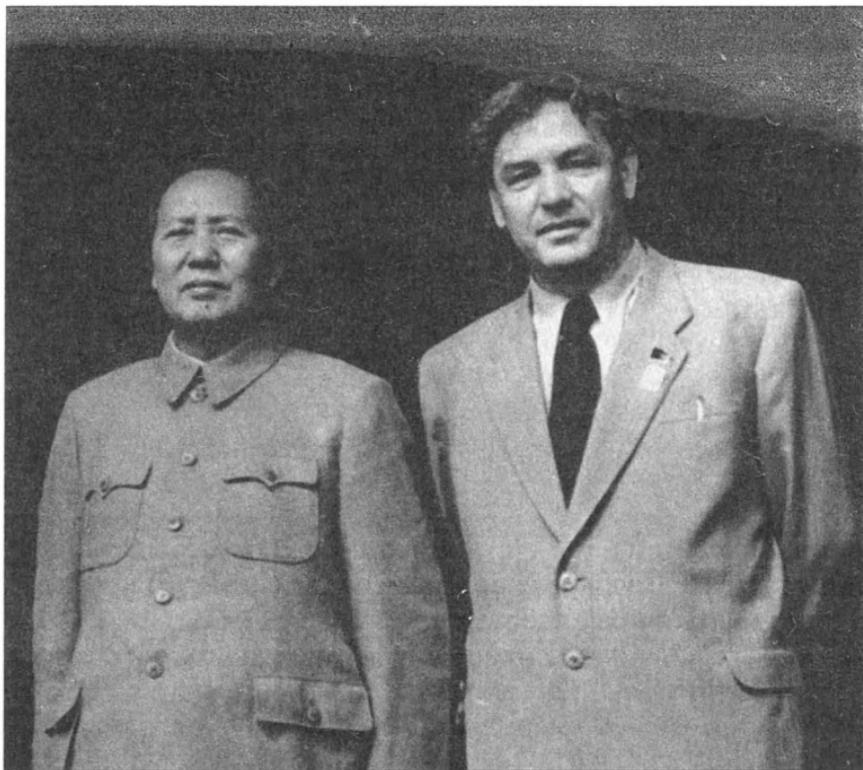
— А как его еще называть, если здесь корпункт?

— А посол знает об этом?

— Нет, конечно, откуда ему знать?

— От вас хоть можно позвонить ему?

Набирает номер, а мы ждем интересного разговора, думаем: вот сейчас попросит помочь, позаботится. Послом в Пекине был тогда известный философ, академик Павел Федорович Юдин. Позже под его редакцией был выпущен четырехтомник сочинений Мао Цзэдуна. Человек он, как говорится, — не маленькая фигура в партийно-государственной иерархии. И вдруг слышим:

Мао Цзэдун и Д.Шепилов. Пекин, 1954 год

— Паша, это я, Шепилов. Ты когда-нибудь бывал здесь в корпункте «Правды»? Нет? Очень жаль. Ты считаешь, что караван-сарай для нашего корпункта самое подходящее помещение? Да нет, теперь уже не надо приезжать, благодарю за помощь. Нет, ничего не надо. Я сегодня на беседе с товарищем Мао Цзэдуном скажу ему об этом.

Не знаю уж, о чем он говорил с китайским лидером, но через день в корпункт приехал заместитель главного редактора партийной газеты «Жэньминь жибао» и предложил нам поехать осмотреть новое помещение. И когда они успели все сделать: приобрести дом, отселить его старых хозяев, все помыть и почистить? Или он был в резерве? Главное, мы въехали в новое помещение.

А второй эпизод, не менее интересный, связан с транспортом. У нас на троих корреспондентов была

единственная машина — старый дребезжащий американский джип, на котором можно было ездить с крайней осторожностью — в любой момент мог встать или развалиться на дороге.

— И эту развалюху вы называете транспортом? — возмутился Дмитрий Трофимович.

— Но ведь денег, отпущенных «Правдой», только и хватило на это, — сказали мы.

— Требовать надо. Работаете здесь вы, а не хозяйственники из «Правды», — продолжал возмущаться главный редактор. Потом, немного остыв, подытожил: — Ладно, я сегодня, нет, уже завтра позвоню Лазарю Моисеевичу Кагановичу, он у нас ведаёт теперь госрезервами, и попрошу, чтобы для корпункта занарядил две машины — «Победу» и «ЗИМ».

— Зачем нам «ЗИМ», Дмитрий Трофимович? Такой автомобиль только у посла.

— Вот и хорошо. Пусть будет и у вас транспорт и для обычных поездок, и для выезда на официальные встречи.

Делегация улетела в Москву, прошел месяц. Мы даже думать перестали о новых машинах, как в торгпредство пришли документы, по которым надо было получать обещанные «Победу» и «ЗИМ». Но на железнодорожной платформе стояли три машины — «Победа» и два «ЗИМа». Когда машины открыли, в одной из них лежали официальные документы на второй «ЗИМ» — подарок «Правды» газете «Жэньминь жибао».

...Я глубоко переживал все, что произошло с Дмитрием Трофимовичем после известного пленума ЦК. Узнав, что он выслан во Фрунзе, хотел написать ему письмо. И тут подвернулся удобный случай: в составе делегации журналистов, прибывших в Пекин, был редактор ошской областной газеты из Киргизии. Мы с ним как-то близко сошлись во время поездок по Китаю, и я спросил:

— Кенеш, а ты не побоишься взять от меня и передать письмо лично для Дмитрия Трофимовича Шепилова?

— Почему я должен бояться? — спросил он.

— Ну, все-таки человек в опале, могут и тебя пригласить в какой-нибудь высокий кабинет.

— Он что, перестал быть советским человеком? — возмутился Кенеш. — Он же не кто-нибудь, а директор Института экономики нашей республики!

И вот я написал письмо своему бывшему начальнику — и на фронте, и в газете. Письмо было длинное. Я рассказывал, как живется и работается — будто ничего не случилось. А в конце несколько фраз о том, что я глубоко уважал и уважаю его, и на мою помощь и поддержку Дмитрий Трофимович может рассчитывать в любое время.

Потом, когда у меня закончилась почти десятилетняя командировка, я постарался сразу встретиться с ним в Москве, куда Шепилов уже вернулся.

— Понимаешь, Миша, — говорил он, — письмо твое я получил в самый трудный период моей жизни. Ведь многие отвернулись от меня, боясь общения с человеком, осужденным морально. Я перечитывал его, вспоминал все — и Сталинград, и Вену, и Пекин, и многое что другое. Спасибо тебе, дружище! — И он крепко обнял меня.

Мы просидели тогда несколько часов: он все расспрашивал меня, а мне хотелось больше слушать его. И слушал, словно читая увлекательный роман о человеке с удивительной биографией, и в то же время о человеке, который был мне бесконечно дорог, которого я, встретив впервые на улицах сражающегося Сталинграда, уже никогда не забывал.

У нас было много встреч и бесед в последние годы его жизни.

А однажды вдруг звонок:

— Миша, у тебя не сохранились записи моей беседы с Лю Шаоци? Мне бы хотелось рассказать о ней в своей книге.

Я нашел старые, уже пожелтевшие от времени, китайские блокноты, а в них — и запись очень интересной беседы с тогдашним главой Всекитайского собрания народных представителей — высшего органа государственной власти, который стал жертвой пресловутой «культурной революции», когда пострадали миллионы невинных людей...

Дмитрий Трофимович Шепилов оставил глубокую благодарную память у всех, кто с ним встречался хотя бы раз в жизни. А это признак человека поистине выдающегося.

ТАК СЛОЖИЛАСЬ ЖИЗНЬ

ОБСТАНОВКА БЫЛА ТАКОЙ

(Выступление Д.Т.Шепилова)

23 ноября 1988 года в Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялся «круглый стол» редакции журнала «Вопросы истории КПСС» со слушателями Института повышения квалификации руководящих партийных, советских и идеологических кадров — собственными корреспондентами центральных газет. Открывая заседание, главный редактор журнала подчеркнул, что тема «История КПСС и современность» приобрела поистине всенародный интерес, в чем немалую роль сыграли все средства массовой информации. Затем журналистам были представлены активные авторы, которые пришли на встречу. И посыпались вопросы, самые разнообразные. На то, чтобы дать на них ответы, потребовалось несколько часов.

*Первым выступил перед собравшимися профессор **Дмитрий Трофимович ШЕПИЛОВ:***

«Я не историк. Принадлежу к поколению комсомольцев двадцатых годов. Отец — рабочий-токарь, сам я начал работать с 13 лет. Одновременно учился. Получил полное среднее образование, затем окончил юридический факультет Московского университета. Работал прокурором. Учился в трехгодичном Аграрном институте красной профессуры.

На сегодняшней встрече было бы полезным припомнить отдельные моменты из нашего исторического прошлого.

Прежде всего считаю глубоко ошибочной и вредной точку зрения, согласно которой ворошить прошлое не нужно, что это в ущерб нам, в ущерб Коммунистической партии. Конечно, было бы грубым искажением правды

Дмитрий Шепилов (сидит 1-й справа в кепке) с товарищами по работе в ячейке РКСМ на факультете общественных наук 1-го МГУ. Москва, июнь 1924 года

Бюро ячейки ВЛКСМ на факультете общественных наук 1-го МГУ. 2-й слева сидит Дмитрий Шепилов. Москва, 1925 год

ОБСТАНОВКА БЫЛА ТАКОЙ

В санатории "Горный воздух". Железноводск, июль 1929 года. В центре - Н.К. Крупская и М.И. Ульянова, в предпоследнем ряду (в тубетейке) - Дмитрий Шепилов.

Актив областной парторганизации. Якутск, май 1928 года. 3-й справа сидит Дмитрий Шепилов.

отрицать всемирно-исторические достижения нашей партии, нашего великого народа, как и компартий братских стран, в созидании нового общества. А ведь некоторые литераторы в последнее время договорились до того, что вообще никакой социалистической системы не существует.

Но не меньшим злом было бы отрицать, что после Ленина развитое им марксистское учение о социализме было извращено, а в ряде краеугольных положений (экономическая теория, социалистическая демократия, творческая роль масс, руководящая роль партии в системе диктатуры пролетариата и многое другое) было перечеркнуто Сталиным и заменено сталинизмом.

Все это нанесло величайший вред всему делу социалистического строительства, привело к деформации устоев и моральных принципов социализма. Постепенно начали замедляться темпы экономического развития в городе и деревне. Шло окостенение партии и Советов. Всюду царило формальное единогласие (на выборах — обязательные 100 или 99,9%). В результате в начале 80-х годов страна оказалась в предкризисном состоянии.

Я прожил большую жизнь. Правда, Ленина видел только на смертном одре в Колонном зале. Я был на Красной площади во время его похорон в составе делегации от Хамовнического райкома комсомола. Встречался со многими интересными людьми из ленинской гвардии. С Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой даже снялся на память. Слушал искрометные речи Бухарина — он читал нам лекции в университете по истмату, выступал и по другим вопросам. Многократно слушал темпераментного, блистательного Луначарского, в том числе его лекции по литературе и искусству, присутствовал на его дискуссиях со священнослужителями на тему «Есть ли бог?». Бывал на выступлениях Дзержинского, Фрунзе, Коллонтай, Зиновьева, Рыкова, Каменева — многих из тех, кто составлял тогда партийное руководство. Слышал Троцкого — отменного оратора, бывшего, как известно, первым наркомом иностранных дел

и первым председателем РВС Республики. Однако ни в коем случае нельзя забывать слова Ленина о небольшевизме Троцкого, об ошибках Зиновьева, Каменева, Бухарина. О ленинских характеристиках этих деятелей необходимо объективно писать в учебниках, чего до сих пор не делалось. Конечно, мы не должны забывать и о той борьбе, которую Троцкий вел против нашей партии.

Я был на приеме у Чичерина, когда обсуждался вопрос о том, каких юристов следует готовить в университете для молодой советской дипломатии.

Факты свидетельствуют, что больше всего Сталин ненавидел и боялся старую большевистскую гвардию, людей, близких Ленину, которые создавали вместе с Владимиром Ильичом нашу партию. Опубликованные данные о членах ЦК, делегатах съездов партии за разные годы свидетельствуют о том, что старая ленинская гвардия была истреблена почти целиком.

Преступным целям изуверского истребления ленинских кадров служил изобретенный Вышинским термин «презумпция виновности». Вы, наверное, знаете, что Вышинский был комиссаром Временного правительства, подписал летом 1917 года ордер на поимку и арест Ленина. Вышинский, являвшийся в течение семнадцати лет воинствующим меньшевиком, был единственным человеком, которому Сталин дал рекомендацию для вступления в Коммунистическую партию. И вот этот человек стал одним из активнейших участников в деле истребления невинных людей, в 1939 году был избран академиком, а прах его до сих пор покоится в Кремлевской стене. Целям истребления служила и сталинская теория о все большем обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму.

Вот почему нужно ворошить прошлое, изучать его глубоко, чтобы не осталось никаких «белых пятен». Изучать не во имя прошлого, а во имя настоящего и будущего, чтобы извращения и злодеяния тех лет никогда и ни в какой форме не могли повториться. Чтобы великая

программа обновления, программа коренной перестройки политической, экономической, социальной и духовной сфер нашего общества, которую провозгласила партия на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК, на XXVII партсъезде, на последующих пленумах Центрального Комитета, могла быть воплощена в жизнь. Чтобы на основе действительно ленинской концепции социализма мы утвердили и развили правовое государство с динамичной экономикой, демократизмом, гласностью, открытостью, гуманизмом.

Уничтожить все аксессуары сталинщины навечно важно еще потому, что и сейчас сохраняются сталинисты, и сейчас партия испытывает с их стороны противодействие перестройке.

Позвольте привести только один пример, хотя их можно было бы умножить.

На XX съезде КПСС Н.С.Хрущев выступил с известным докладом о культе личности Сталина. Прошло некоторое время. Я в своем кабинете в редакции «Правды» просматривал очередной номер газеты. Раздался звонок кремлевского телефона.

— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего со мною слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в «Правде» Сталина.

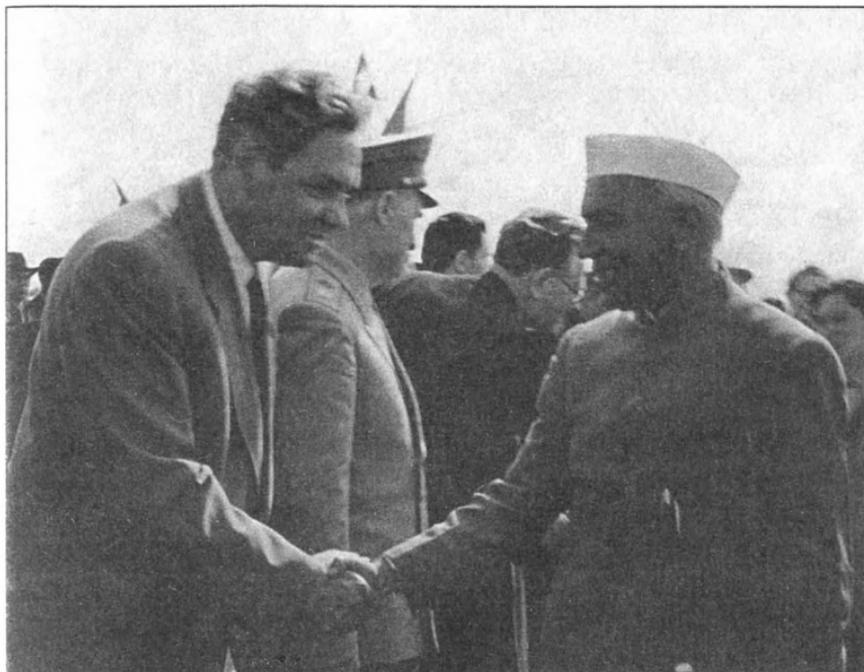
Я сразу понял: это был Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

— Товарищ Молотов, — отвечаю ему. — Я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК.

Этот разговор поразил меня. Сталин уничтожил тысячи и тысячи безвинных людей. На первом же пленуме ЦК после XIX съезда КПСС Сталин всячески унижал Молотова, утверждал, что он «трясется» перед американским империализмом. Сталин ни за что посадил его жену в тюрьму. А Молотов просил меня не ругать в «Правде» Сталина! Он так и сошел в могилу несгибаемым сталинистом.

Шенилов с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру. 1956 год

Поразительно и то, что и сейчас можно порой слышать такие рассуждения: «Да, у Сталина были ошибки. А у кого их не было?» И дальше в таком же роде...

В составе партийно-правительственных делегаций, возглавляемых Н.С.Хрущевым, я выезжал в Китай и Югославию, в качестве министра иностранных дел Советского Союза посетил ряд стран Европы, Азии и Африки, ездил в Соединенные Штаты Америки. И когда там заходила речь о Сталине, приходилось разъяснять, в том числе и китайским товарищам, что у него были такие действия, поступки, которые не уравниваются, не нейтрализуются никакими другими, пусть самыми благими деяниями. Можно твердо сказать, что сталинщина по своим политическим, историческим, моральным последствиям не менее страшна, чем средневековая инквизиция.

Шепилов преподносит белую розу министру иностранных дел Франции. 1956 год

В последнее время, когда советские люди не боятся за свою судьбу, судьбу родных и близких, когда стали публиковаться документы о страшном прошлом, лавина фактов показывает, что Сталин из года в год, из десятилетия в десятилетие планомерно истреблял лучшие кадры партии, интеллигенции, армии. А сколько погибло рабочих, крестьян! И делалось это с какой-то ненасытной жадой Молоха, с садистским изуверством. Сцена же, на которой представляли перед народом Сталин и его ближайшее окружение, разукрашивалась цветами. А за кулисами благопристойного государственного фасада под руководством таких нелюдей, как Ягода, Ежов, Берия, Меркулов, Абакумов, вершились дела, до сих пор леденящие кровь.

Поэтому вопрос о Сталине и сталинизме — это вопрос не только истории. Это вопрос сегодняшнего и завтрашнего дня. Еще живы и действуют носители старых традиций, да и сами традиции полностью еще не исчезли. Еще продолжается борьба противоположных, антагонистических

начал: абсолютизма и свободы, диктатуры и демократии, вседозволенности и законности, запретительства и гласности, аморальности во всех ее формах и подлинного гуманизма.

Сейчас многие задают вопрос: а где же была партия, куда смотрели органы контроля, прокуратура? Как все это могло случиться? Это один из тех важнейших вопросов, на который историки должны тоже дать исчерпывающий ответ. Для этого нужны серьезные, глубокие исследования, это должны делать хорошо подготовленные люди на основе документов.

И дело здесь не в отдельных лицах. Конечно, виновных в нарушениях законов, в злодеяниях надо изобличать, привлекать к ответственности, и здесь не должно быть ссылки на давность. Дело и не в ответственности целых поколений, о чем порой заговаривает молодежь. Мы должны, подчеркиваю это еще раз, разобраться в прошлом во имя будущего, не допустить, чтобы такие «черные пятна» могли вновь нанести урон авторитету нашей партии, стране, делу социализма как внутри Отечества, так и во всем мире.

А что, собственно, знали и могли сделать в то время мы, современники, когда многое вершилось на наших глазах? Представьте себе: Колонный зал Дома союзов, идет судебный процесс над «врагами народа». Выступает прокурор Вышинский. У каждого подсудимого защитник. Все честь по чести. Отчеты о процессе публикуются в газетах. Ведь все очень умело обставлялось! Не верить было трудно. У каждого, может, было где-то глубоко сомнение. Но ведь налицо факты! Я тогда был еще молодым и внимательно следил за процессами. Спрашивают Бухарина, Каменева, Зиновьева, Рыкова: «Вы враг народа?» — «Да, враг народа». — «Вы вредили?» — «Да, вредил». — «Вы готовили террористические акты?» — «Да, готовил» и т. п. И иностранные корреспонденты, и все мы думали: неужели это правда? Значит, так и есть? Значит, таковы законы классовой борьбы? Ведь кто мог тогда знать, что по распоряжению Сталина после пыток привозили к нему в кабинет Зиновьева и Каменева,

и он им говорил: «Если вы изобличите Троцкого, мы вам сохраним жизнь». Они изобличали Троцкого, и их немедленно расстреливали. А следом за ними уничтожали тех, кто исполнял волю Сталина, — Ягоду, Ежова. Делали так для того, чтобы не оставалось следов...

И мы не могли не думать: как же могло случиться, что наша марксистская партия — боевая, прошедшая такой славный путь, обладающая таким опытом — и советский народ допустили, что один человек, да еще после таких категорических предупреждений Ленина, сосредоточил в одних руках такую необъятную власть, установил единоличную диктатуру?

Одной из важнейших причин этого было то, что рабочий класс России не прошел настоящей школы демократии, коллективизма, не привык к публичным обсуждениям и осуждениям. Ведь какой исторический путь к тому времени мы прошли? Октябрьская революция, гражданская война, политика «военного коммунизма». Собственно, развиваться в демократическом плане было некогда. Ленин же прожил после революции всего несколько лет. Поэтому и партия не могла в достаточной мере развернуть свои демократические потенции. В такой обстановке и утвердился стиль Сталина — стиль монарших повелений, стиль беспрекословного повиновения, насаждения страха, который подкреплялся тяжкими репрессиями, парализовал разум и волю людей

Чтобы во времена Сталина решить какой-нибудь крупный вопрос, надо было добиться согласия «провести этот вопрос через Сталина», который не считался ни с кем и ни с чем, в том числе и со своими соратниками, не говоря уже об общественном мнении.

Трагедия состояла и в том, что Сталин все делал «от имени Ленина», от имени партии и народа. Поэтому в отличие от эпохи Ленина в сталинские десятилетия на всех пленумах, конференциях, съездах все решалось только «за» и только единогласно. Иначе это квалифицировалось как действия против партии, против народа.

Все это и сделало необходимым возрождение ленинских норм жизни и деятельности партии, Советов, комсомола, профсоюзов...

Вопрос. Расскажите подробнее о Н.С.Хрущеве.

Ответ. Я впервые познакомился с Хрущевым, когда он вместе с генералом Ватутиным приезжал на фронт. В то время я был начальником политотдела и членом военного совета 4-й гвардейской армии. Вообще-то я ушел в ополчение через несколько дней после начала Великой Отечественной войны, хотя, будучи профессором, имел бронь. Участвовал в крупнейших боевых операциях: под Москвой и Сталинградом, в сражении на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской, Уманьско-Ботошанской, Яско-Кишиневской операциях, в боях за Венгрию и Будапешт, в Австрии. Так что на собственном опыте понял, какие тяжкие злодеяния совершили Сталин и его ближайшее окружение, истребив выдающихся полководцев и военачальников: Тухачевского, Уборевича, Егорова, Блюхера, большинство командиров корпусов, дивизий — цвет армии.

Вернулся я к гражданской жизни в 1946 году и с Хрущевым встретился, уже работая в ЦК партии. Он допустил по отношению ко мне много несправедливостей, причинил много горя мне и моей семье. Но я старался и стараюсь быть объективным при оценке этой личности.

В деятельности Н.С.Хрущева отчетливо проступают две черты: творческая, разумно-необходимая и импровизационная, имевшая очень отрицательные последствия.

Сейчас иногда можно прочесть: вот-де Шепилов первое время поддерживал Хрущева, а потом выступил против него. Такая точка зрения свидетельствует о неосведомленности. Первое время я действительно хорошо относился к Хрущеву и, как поется в песне, надеялся, что «это взаимно». Я думал: вот пришел простой человек, рабочий, с открытой душой, без сталинской маниакальной подозрительности. Теперь исчезнет атмосфера страха, будет коллективное руководство. Он приезжал ко мне на дачу, иногда с семьей. Мы подолгу

беседовали. Он доброжелательно принимал разумные советы. Когда я обращался к нему за указаниями как секретарь ЦК или как министр иностранных дел, он частенько говорил: «Да решайте сами...», «Действуйте, действуйте...».

Самая большая заслуга Хрущева в том, что он выступил на XX съезде партии и нанес удар по культу личности Сталина, открыл двери бесчисленных лагерей, в которых томилась ни в чем не повинные люди. При мне решались эти вопросы во всех деталях. «Все двери открыть к чертовой матери и всех невинных освободить», — распорядился Хрущев. Тем самым он спас жизнь тысяч и тысяч людей.

Некоторые говорили: «Хрущев сам был членом троек, которые приговаривали таких же ни в чем не повинных людей к смертной казни, лагерям и тюрьмам. Он повинен в не меньшей степени». Да, это верно. Он сказал на одном заседании Президиума ЦК вскоре после смерти Сталина: «Я, Хрущев, ты, Клим, ты, Лазарь, ты, Вячеслав Михайлович, — мы все должны принести всенародное покаяние за 37-й год».

«Тридцать седьмой год» был вообще символическим обозначением политических злодеяний Сталина не только в 30-е, но и в 40-е, начале 50-х годов.

Я считаю, что Хрущев принес покаяние своим делом — освобождением многих тысяч невинных людей. Но сделал он это не до конца, со всякими отступлениями, противоречиями, импульсивными порывами. Один пример: как секретарь ЦК по идеологическим вопросам я внес предложение о пересмотрении Сталинских премий в Ленинские или Государственные. «Зачем? — спросил Хрущев. — Да если б я имел Сталинскую премию, я бы с гордостью носил это звание». Такая противоречивость проявлялась у него во многих делах.

Вторая крупная заслуга Хрущева в том, что по его инициативе группой маршалов и генералов был обезврежен Берия — страшный человек, руки которого в грязи и крови. Хрущев потом любил рассказывать подробности того, как все это произошло. Много о Берии уже известно по появившимся публикациям.

Хрушев ввел два выходных дня и т. д. и т. п. Все это, конечно, сбрасывать со счетов нельзя.

Но этому противостоит масса незрелых, торопливых решений Хрущева, в которых много лихости, импровизации, непоследовательности, что сплошь и рядом создавало серьезную обстановку.

Взять хотя бы совнархозы. Он что-то, где-то, когда-то слышал, что они существовали. И вот разрушена была вся экономическая структура общества, но пришлось сразу создавать различные комитеты, а затем — восстанавливать опять отраслевые министерства.

Или сельское хозяйство. Почему-то Сталин считал Хрущева крупным специалистом в этой области и с ним советовался. А у того главным консультантом был Лысенко, человек, не обладавший элементарными знаниями в области генетики, цитологии, селекции на уровне мировых достижений. Он изобрел собственную вульгарную агробологию. Шла травля выдающихся советских генетиков и селекционеров во главе с Н.И.Вавиловым.

Однажды Отдел науки ЦК предложил на одном из всесоюзных семинаров поставить вопрос о Лысенко и положении в генетике. Дело было еще при Сталине. Я в то время заведовал Агитпропом ЦК и дал согласие. Информировал об этом М.А.Суслова. Семинар состоялся. А через два дня телефонный звонок: «Дмитрий Трофимович! Немедленно приезжайте «на уголок». Прихожу, все члены Политбюро ЦК уже в сборе. Сталин говорит: «Я вас собрал для того, чтобы обсудить совершенно неслыханный факт. Агитпроп без ведома ЦК созвал Всесоюзный семинар, и на этом семинаре разделали под орех Лысенко. А на нем держится все наше сельское хозяйство. По какому праву? Кто разрешил?» Наступила зловещая тишина. Сталин обратился к Суслову. «Я не разрешал», — отвечает тот. «Я спрашиваю, кто разрешил?» — повторяет Сталин. Пришлось мне встать: «Я разрешил».

Мне приходилось много раз бывать в этом кабинете. И я знал, что здесь никогда речи не произносятся. Но тут

меня словно прорвало. Ведь бывает так в жизни. Я говорю: «Товарищ Сталин! Вы меня можете наказать сурово, но прошу разобраться в этом вопросе». «Вы что, не знаете, — повторяет Сталин, — что на Лысенко держится все наше сельское хозяйство?» «Товарищ Сталин! — Я стараюсь говорить как можно убедительней. — Это глубочайшее заблуждение. Вас неправильно информируют. Лысенко не вывел ни одного сорта, у него нет никакой научной концепции в области генетики, селекции и семеноводства. А вот опытные селекционеры (тут я назвал целую обойму самых знаменитых селекционеров) разработали сорта, которыми засеваются десятки миллионов гектаров пшеницы и других культур. Ходят же они с клеймами мендельянцев, морганистов, вейсманистов. Я вас прошу: меня можете наказать, но, пожалуйста, разберитесь с этим вопросом. Так продолжаться не может, не должно».

Вот этот-то Лысенко и был у Хрущева одним из главных консультантов в области сельского хозяйства. Этой важнейшей отрасли экономики страны, деревне вообще деятельность Хрущева нанесла особенно тяжелый урон. Теоретической подготовки он не имел, специальной литературы не читал. Любил говорить: «Я практик, я нюхом чую...». Но, согласитесь, с помощью «нюха» решать сложные экономические, политические и другие важнейшие вопросы все-таки недопустимо. Поэтому в его деятельности было много импровизации, одна реформа сыпалась за другой.

Я в свое время, будучи слушателем Аграрного института красной профессуры, являлся членом подготовительной комиссии, разрабатывавшей Устав сельскохозяйственной артели на съезде колхозников. Краеугольным камнем устава должно было стать сочетание личного и общественного хозяйства. Чтобы у каждого колхозника была корова, а то и две, а в определенных районах — лошадь, верблюд и т. д.

А Хрущев сломал этот принцип и взял курс на свертывание личных хозяйств. Урезались приусадебные участки, для личного скота запрещался сенокос. Травопольная система, черные пары и ряд других агротехнических приемов

объявлены были бесхозяйственностью. Панацеей от всех бед провозгласили кукурузу, и распространяли ее от Сухуми до Якутии.

Начались какие-то конвульсивные чрезвычайные меры. Введена была гарантированная оплата колхозников, независимо от результатов труда. Но у селян все больше пропадал интерес к сельскому хозяйству. Хрущев сделал все для того, чтобы окончательно сломать ему хребет. Он поднял цены на мясо, молоко, рассчитывая таким путем поднять деревню. Но этого не случилось.

Крестьяне стали резать свой скот, и деревня поехала за мясом, маслом и молоком в Ленинград, в Москву. Стало хиреть Нечерноземье. Деревня раскрестьянивалась. Корни сегодняшнего тяжелого положения в сельском хозяйстве и находятся там, в тех годах.

***Вопрос.** Расскажите, пожалуйста, об антипартийной группе.*

Ответ. Я думаю, что вопрос о постановлении Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Г.М.Маленкова, Л.М.Кагановича, В.М.Молотова нужно было бы задавать не мне, а тем инстанциям, которые сформулировали его.

О себе же могу сказать следующее: за все десятилетия пребывания в партии я ни в каких оппозициях не участвовал, ни к каким уклонам причастен не был, к партийной ответственности ни разу не привлекался.

Президиум и Секретариат ЦК, в том числе и Хрущев, прекрасно знали, что никакого отношения к сталинским репрессиям и вообще к нарушениям революционной законности я не имел. Поэтому в этом плане присоединить меня к лицам, фигурирующим в постановлении июньского (1957 г.) Пленума ЦК, было нельзя. К тому же ЦК КПСС было известно, что я как секретарь ЦК принимал самое активное участие в подготовке XX съезда партии, выступал на нем, полностью разделял общеполитический курс и практические мероприятия, которые тогда осуществляла партия.

И все-таки в постановлении Пленума об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова моя фамилия значится, хотя в самом конце. Это было реакцией Хрущева на мою критику в его адрес за нарушение принципа коллективного руководства. С тех пор так и пошло — «примкнувший к ним Шепилов».

Что было дальше, вы знаете. Я был снят с поста секретаря ЦК КПСС и выведен из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК. Через три года в парторганизацию, где я состоял на учете, позвонили. Предложили исключить меня из партии. Затем позвонили президенту Академии наук СССР А.Н.Несмеянову и рекомендовали на сессии лишить меня звания члена-корреспондента. Все так и было сделано.

И прошло много мучительных лет, прежде чем меня восстановили в партии.

ЭТО ГОВОРИЛ ОН САМ...

(Беседа с Д.Т.Шепиловым)

Занимаясь политической биографией Н.С.Хрущева, кандидат исторических наук, журналист Николай Барсуков провел ряд встреч и бесед с видными государственными и партийными деятелями тех лет. Многие из них опубликованы в альманахе «Неизвестная Россия. XX век» (вып. 1. Историческое наследие. М., 1992). Беседа с Д.Т.Шепиловым по его желанию была снята с печати «для доработки», однако он к ней больше не вернулся. Мы публикуем эту беседу в том виде, как она проходила 23 февраля 1989 года.

Барсуков: Дмитрий Трофимович, меня интересуют прежде всего первые послесталинские годы, когда Хрущев возглавил партийное руководство. Сейчас известны воспоминания самого Никиты Сергеевича, но, к моему удивлению, в них почти нет материала, касающегося его деятельности на постах главы партии и правительства.

Шепилов: Хрущев избегал, да и не был способен писать, он только диктовал, мало что читал — об этом я сужу хотя бы по тому, что часто проводил с ним воскресенья: он забирал на воскресные дни мою семью к себе, и я довольно близко познакомился с его жизнью.

У нас с Никитой Сергеевичем были довольно долго хорошие отношения. Сразу после смерти Сталина он решил вернуть меня в аппарат ЦК, хотя я этого не хотел, оставался главным редактором «Правды». В 1955 году стал секретарем ЦК, после XX съезда — кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, в 1956 году был назначен министром иностранных дел. Вел активную деятельность — ездил в Египет, Сирию, Ливан, с Хрущевым был в Китае. Меня подкупала простота и доступность Никиты Сергеевича. Выходец из рабочих, он вел себя очень демократично, и я поначалу был просто влюблен в него. Да и у большинства он вызывал огромные симпатии. Все были ему благодарны, что начался период «оттепели», которая была завоевана большой кровью.

Б.: Итак, обратимся к 1953 году. На другой день после похорон Сталина, поздно вечером 10 марта Маленков провел совещание Президиума ЦК. Пригласили и вас. Есть рукописная запись этого заседания присутствовавшего на нем секретаря ЦК КПСС П.Н.Поспелова. Уже там, как явствует из записи, Маленков сказал, что «у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности». В связи с этим: как возник вопрос о культе личности на следующий же день после похорон? Кто после смерти Сталина претендовал на первую роль?

Ш.: Первое совещание «по культу» было практически уже в день смерти Сталина, когда собрали всех редакторов столичных газет. Поздно ночью я сидел над очередным номером «Правды», когда раздался звонок Сулова: «Только что скончался Сталин. Мы здесь, на «ближней» (так называлась кунцевская дача, где жил постоянно Сталин; после смерти Аллилуевой он в зимней городской квартире

никогда не ночевал). Поезжайте к Поскребышеву и Чернухе¹. Вас быстро доставят». Через несколько минут — новый звонок: «Мы решили поехать в Кремль, в «уголок». Приезжайте туда». («Уголком» называли между собой кабинет Сталина.) Я никому в редакции не сказал о смерти Сталина и срочно выехал на совещание.

Б.: Стоял ли вопрос о Генеральном или Первом секретаре ЦК КПСС до устранения Берии? Насколько обоснованно было беспокойство относительно его намерений?

Ш.: Маленков не претендовал на первую роль в партии, он лишь председательствовал в тот период на совещаниях Президиума ЦК. Секретариат ЦК возглавлял Хрущев. Берия и Хрущев были несовместимы. У них были совершенно различные точки зрения на решение буквально всех вопросов. Например, Берия предлагал в Литве, Белоруссии и т. д. провести полную национализацию кадров, убрав всех русских из органов управления, прежде всего из органов внутренних дел. Хрущев, наоборот, был категорически против, выражал недоверие национальным кадрам.

Б.: Доклад Хрущева на XX съезде о культе личности был подготовлен до съезда? Принималось ли заранее решение о том, чтобы доложить его съезду?² Думается, упрощенно представлять, будто Хрущев неожиданно для руководства выступил с критикой культа Сталина. А такое суждение, особенно в журнально-газетной публицистике, часто высказывается: все были против, один Хрущев — за. Кстати, эта версия находит почву в воспоминаниях — диктовках на магнитофон — самого Никиты Сергеевича. Мне это кажется сомнительным. В Центральном партийном архиве³ есть

¹ Поскребышев, Чернуха — помощники Сталина.

² Беседа проходила до публикации доклада Н.С.Хрущева в «Известиях ЦК КПСС» (1989, №3). В комментарии к нему сказано, что предложение Президиума ЦК КПСС о проведении закрытого заседания XX съезда с докладом Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях» было рассмотрено и принято Пленумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 года.

³ Ныне документы Центрального партийного архива вошли в фонды Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

рукописный вариант доклада «О культе личности и его последствиях», подготовленный П.Н.Поспеловым. Текст его охватывает только довоенные годы, хотя Хрущев, насколько известно, говорил и о войне, и о послевоенном времени. Вы не в курсе, как готовился доклад Хрущева, не принимали ли вы участия в этой работе?

Ш.: В архиве нет моей рукописи или хотя бы машинописного текста?

Б.: Нет.

Ш.: Я был причастен к обоим докладам — и к Отчету ЦК съезду, и к докладу о культе личности. А, кстати, как вы относитесь к диктовкам Хрущева?

Б.: Там немало интересного, насыщенное фактологическое содержание, правда, не всегда достаточно исторически выверенное. Сказывались, естественно, время и возраст. Ну и, конечно, явно довлеет личностное восприятие.

Ш.: А по стилю — я представляю, что это такое. Наверное, «кузькина мать» там присутствует. Он очень любил это выражение и употреблял его постоянно. Причем требовал от переводчиков точного, дословного перевода, что вызывало недоуменные вопросы вроде: «Кто такой Кузька и насколько влиятельна его мать?» Вообще любовь к пословицам, жаргонным (не всегда корректным) выражениям часто ставила в тупик и переводчика, и собеседника. Помню, во время встречи с шахом Пехлеви тот похвалил наши успехи, что вызвало такую реплику Хрущева: «А вы что думали, мы тут ноздрями мух давили?»

Б.: Итак, как же все-таки готовился доклад?

Ш.: А вы будете исходить из того, что я тоже могу ошибаться?

Б.: Конечно, ведь времени прошло много.

Ш.: До съезда капитального обсуждения доклада не было. Это точно. Говорили об этом — да, но возможность выйти на съезд с докладом многих просто пугала. Я действительно принимал участие в написании части этого доклада. Это было так. Я выступил в прениях по Отчету ЦК на второй день работы съезда, значит, 15 февраля, так? После выступления я сел в Президиуме, у колонны справа.

Подошел Хрущев: «Я с этими (Молотовым, Кагановичем...) ничего не могу сделать, а выступить все-таки хочу с развенчанием культа. Поможете?» Я кивнул. «Тогда поедем!» (Дело в том, что еще до съезда в личных беседах мы много обговаривали этот вопрос по всем параметрам. Я его полностью поддерживал. Хрущев высказывался о сталинских репрессиях откровенно, с ненавистью, говорил о необходимости реабилитировать миллионы людей.) Когда мы приехали на Старую площадь, Никита Сергеевич оставил меня в моем кабинете, где я два с половиной дня сидел и писал. При этом, когда я спросил, что он считает нужным написать, коротко бросил: «Мы все с вами обговорили. Действуйте!» Он дал мне полный карт-бланш.

Так вот, я написал текст на листах бумаги. При этом никаких особых материалов у меня под рукой не было, только текст Пospelова, о котором вы упомянули. Рукопись отдал Хрущеву, а сам поехал на съезд. Когда он потом читал доклад, я находил в нем свои целые абзацы. Но текст кто-то перелопатил. Кто делал окончательный вариант? Сам Хрущев?.. Тогда это были диктовки, ибо Никита Сергеевич сам никогда не писал: у него были трудности с орфографией, и он это знал. Я видел всего одну его надпись на документе в таком варианте: «Азнаковица». Может быть, компоновали доклад помощники Хрущева — Лебедев, Шуйский? Не знаю.

Б.: Хрущев делал доклад два дня, как кое-кто утверждает?

Ш.: Нет, один. Только я прошу вас ни в коем случае не делать меня соавтором Хрущева! Это целиком и полностью его и только его идея!

Б.: Вы долго работали при Сталине?

Ш.: Знаком с ним с 1935 года, когда был взят на работу в ЦК ВКП(б) из Сибири, где работал начальником политотдела. Рассказывать о нем могу много. Заседания Политбюро при Сталине проходили без обсуждения вопросов, кандидатур, проблем. Все решалось им и поддерживалось безоговорочно всеми. Иногда он обращался

к кому-либо, и бывало, что мнение товарища, поддержанное Сталиным, без обсуждения становилось решением Политбюро и правительства. Помню такой случай. Решали вопрос о присуждении званий лауреатов Сталинских премий. Список был у всех на руках, Сталин говорит: «А вот насчет музыки как? Есть достойные произведения?» — и смотрит на меня. А дело в том, что я всю жизнь увлекался музыкой, очень люблю и знаю и классическую, и легкую. На этой почве дружил с певцами и композиторами, часто бывал в театрах, и это все знали. Вот я и предложил наградить Милютину, написавшего музыку к оперетте «Трембита». Сталин спрашивает: «Кто видел эту оперетту?» Все молчат. «Поверим Шепилову». И Милютин стал лауреатом. Обсуждения были, лишь когда докладывал Курчатов, — тогда присутствовали специалисты. В остальном всегда соглашались с предложениями Сталина. Политбюро при нем никогда не являлось органом коллективного руководства. У меня были разногласия со Сталиным по разным вопросам. И теперь, когда я его вспоминаю, вижу всегда его глаза кобры, знаете, такие немигающие, пронзительные.

Б.: Вы принимали участие в написании учебника политэкономии?

Ш.: Приглашение на эту работу в 1952 году было для меня неожиданным. Я был в театре, когда во время спектакля меня позвали к телефону. Сталин: «Вы в театре? Там что-нибудь интересное? Приезжайте». Я попросил позволения переодеться в другой костюм, не столь легкомысленный — не разрешил. Беседа со Сталиным длилась 2 часа 20 минут. Сталин сказал: «Мы не можем проводить крупные хозяйственные мероприятия, если не научим кадры работать по науке. Нам нужен хороший учебник. Леонтьев дал шестнадцать вариантов — все не то. Решили взять на это дело вас. Вам придется уйти в эту работу целиком». Вопрос о коллективе авторов обсуждался на Политбюро. Сталин в конце сказал: «Даем вам один год. Через год вы должны положить учебник на стол. Только почему в авторском коллективе нет философа?» Я предложил

П.Ф.Юдина — согласился. Он предложил мне подобрать другие кандидатуры. Я тут же предложил Леонтьева, Гатовского. Сталин: «Ну-ну, давайте свою фракцию». Я тут же замолк и: «Дайте подумать». «Даю вам сутки». В авторский коллектив по написанию учебника политэкономии, кроме меня, вошли Л.А.Леонтьев, К.В.Островитянов, Л.М.Гатовский, А.И.Пашков. Всех утверждали на Политбюро.

Нас поселили на даче Горького в Горках (по Успенскому шоссе). Жили мы на особом режиме, в изоляции, имея один «родительский день» в неделю для встречи с семьей. Очень интенсивно работали. По мере готовности материал представляли Сталину. Читал он очень внимательно, придирчиво. Если какое-то положение вызывало сомнение, сразу же спрашивал: «А что по этому вопросу у Маркса? А как ставил этот вопрос Ленин?» И тут же брал соответствующий том, находил нужное место.

Когда были написаны несколько глав, Суслов при встрече со мной вдруг говорит: «Вас назначают главным редактором газеты «Правда». «Как?» Я к Сталину. Тот: «Какое оружие есть у партии, чтобы поворачивать народ? Это печать! А что такое печать? Это «Правда». — «А учебник? Главным редактором может быть Поспелов». — «Ха-ха-ха! От него же воняет: он назад смотрит». — «Ильичев?» — «Он марксист неграмотный». Так я стал редактором «Правды». Конечно, главное было — подобрать коллектив единомышленников. Я попросил себе заместителем Поспелова («Если вам нужен Поспелов — берите») — по работоспособности он был уникальной личностью. Главное в редакции — секретариат. Это генштаб газеты. Ответственным секретарем у меня был Сатюков. Поразительно, но именно он и Ильичев произнесли черносотенные речи на XXII съезде, обвиняя меня в самых черных грехах, хотя они прекрасно знали, что я доносов не писал и на плаху никого не отправлял.

Б.: Обратимся к июньскому Пленуму ЦК КПСС 1957 года по «антипартийной группе»: «... и примкнувший к ним Шепилов». Как все это было в действительности?

Ш.: Примкнувшим меня окрестили потому, что ни действиями, ни связями я не был с «тройкой» Молотов-

Маленков-Каганович, но вместе с тем выступил с критикой методов работы Хрущева. Надо сказать, что в верхах я мало с кем был близок. Пожалуй, единственными такими людьми были вначале Хрущев, а позже Жуков.

К 1957 году появилось недовольство методами работы Хрущева. В это время накалилась международная обстановка, положение было тревожным. Но, как мне казалось, ничего организованного против Хрущева в то время не было. Может быть, что-то где-то и было, но я не знал об этом.

После XX съезда партии в стране создавалась новая обстановка. Уже нельзя было, как раньше, сажать в тюрьму или расстреливать «фракционеров», поэтому недовольные могли более свободно обмениваться мнениями, и было ясно, что столкновение между Хрущевым и «тройкой» неизбежно. Это и произошло на пленуме.

Б.: Есть ли у вас записи этого пленума?

Ш.: Нет. Так вот, весной 1957 года Жуков как-то сказал мне, что надо бы встретиться, поговорить: Хрущев забрал всю полноту власти, от коллегиальности ничего не осталось. Разговаривали мы на прогулке: дачи, квартиры, машины — все круглосуточно прослушивалось, и все это знали.

Обращался ко мне и Ворошилов, возмущался: «Голубчик, да он же всех оскорбляет!..» Я ответил: «Вот вы, старейший член партии, и сказали бы ему об этом». «Причем здесь я? Надо собраться, обсудить!» В это время еще началась эпопея с совнархозами. Я экономист и понимал, что децентрализация нужна, но делать это надо было продуманно. Фурцева прибежала: «Что делать? Во главе совнархозов — случайные люди! Все решения импульсивны, необдуманно». А дело все в том, что Хрущев был дремуче необразован, хотя имел хорошую голову. Знания, доводы он заменял формулой: «Я нюхом чую», что совершенно недопустимо для руководителя, тем более такого государства!

Подчеркиваю: мысль была общая — дальше так жить нестерпимо, нельзя. Я тогда перечитывал завещание Ленина. Почему он, перебирая всех, не назвал никого? Это очень важно понять. Значит, стоял он за коллективное руководство. Именно так я думал тогда, когда разгоралась эта «война».

Впечатление от всего, что тогда произошло: все было экспромтом, без строго подготовленного плана. Готовясь собрать экстренный Президиум ЦК, предлагали, чтобы председательствовал на нем Булганин и не ждать Жукова, проводить без него (он был тогда на учениях в Подмосковье). Но я внес предложение не проводить без Жукова и дожидаться его приезда.

Б.: Вы выступали?

Ш.: Да. Я начал с того, что партия и народ заплатили большой кровью за культ личности Сталина. «В первое время вы, Никита Сергеевич, взяли правильный курс: раскрепостили людей, вернули честное имя тысячам ни в чем не повинных людей; создалась новая обстановка в ЦК и Президиуме. Обсуждение специальных вопросов велось квалифицированно, компетентно, с приглашением специалистов. Но теперь вы «знаток» по всем вопросам — и по сельскому хозяйству, и по науке, и по культуре!» Хрущев перебил меня: «Сколько вы учились?» «Я дорого стоил государству, народу: учился в гимназии, кончил среднюю школу, хотя мать у меня была неграмотной; потом три года в Институте красной профессуры плюс четыре года университета». — «А я учился всего две зимы у попа за пуд картошки». — «Так почему же вы в таком случае претендуете на всезнание?!» Хрущев сказал, что он никак не ожидал моего выступления, и расценил его как предательство.

Поразило меня тогда поведение Молотова: он сидел с каменным лицом, безучастным взглядом. Маленков не был личностью. Он из тех людей, которые должны к кому-нибудь прислониться, которые слепо повинуются более сильному и, если надо, мать родную продадут.

Б.: Во время июньского пленума Жуков действительно сыграл решающую роль в защите Хрущева?

Ш.: С Жуковым я близко знаком с 1941 года. В октябре где-то часа в два ночи я прибыл к нему в село Перхушково с Московской дивизией ополчения. В первый момент, когда я докладывал Жукову о прибытии, меня поразила властность Жукова, резкость его оценок, по первому взгляду необоснованных. Оглядев меня, он сказал: «Если так будем

воевать, не то что Москвы, России не сохраним!» Позже выяснилось, что речь шла о маршале Кулике, который выходил из окружения, переодевшись в армяк и лапти.

Именно с того времени и до самой его смерти у нас сохранились теплые дружеские отношения, взаимные симпатии. Не сходились мы с ним лишь в одном — оценке Хрущева: я вначале был им очарован, а Жуков не мог простить ему развенчания Сталина. На пленуме Жуков занимал позицию против отстранения Хрущева, что не исключало его критики. Жуков резко выступил против «тройки», предъявил им обвинения в участии в репрессиях. Когда меня изгнали из Президиума, я, уходя, сказал Жукову: «Смотри, следующим будешь ты». «Как знать!» Прошло всего три месяца, и октябрьский (1957 г.) пленум, обвинив его в авантюризме, отправил в отставку. Отставка была сделана в отсутствие самого Жукова — его отправили в Югославию, а когда этот выдающийся полководец, спаситель Москвы и России, вернулся на родину, он узнал, что его не только лишили всех званий, но и всех наград.

Позже Жуков мне рассказывал, что однажды, когда он уже был обесчещен, пришел с женой в Большой театр. В этот же вечер пришел в театр и Хрущев. Когда он вошел в правительственную ложу, все, конечно, присутствующие в зале зрители встали и устроили овацию, а Жуков с женой остались на своих местах. Вечером Хрущев ему звонит: «Ты что же не встал, не заметил?» «Да уж так, не встал, не заметил».

Б.: Кто-нибудь из «тройки» претендовал на роль Первого секретаря?

Ш.: По-моему, как я понимаю, они вообще были против избрания кого бы то ни было Первым. Ну а как дальше — не продумали. Это действительно было необъяснимо: люди зрелые — и никакого конкретного плана, так непродуманно. (Поразительно, что они — никто! — не поставили вопрос о виновности самого Хрущева в репрессиях сталинского времени.) Но интересно и поведение самого Хрущева на пленуме: он берет под защиту Сталина (!), возлагая при этом ответственность за репрессии на «антипартийную

Маршал Советского Союза Г.К.Жуков и Д.Т.Шепилов в Подмосковье.

группу», и в качестве доказательства приводит текст ответной телеграммы Сталина на телеграмму Кагановича с Урала (1935 г.) с предложением создать «тройку» для оперативного утверждения на месте приговоров по расстрелу. Сталин: «Что случилось, почему понадобилась тройка? Категорически против рассмотрения приговоров по расстрелу в тройках. Эти дела должны быть рассмотрены обычным нормальным порядком».

Б.: Ну мы теперь знаем меру сталинского фарисейства.

Ш.: Надо при этом отметить, что из всех, кто был в последнее время близок к Сталину, Хрущев был наиболее покладистым. Сталин считал его самым верным человеком.

И это было в то время, когда он, живя на даче, не разрешал убирать вокруг нее снег, чтобы были видны следы, — подозрительность и неверие Сталина достигли апогея. Заключил Хрущев свое выступление на пленуме следующими словами: «Что вы все о Сталине да о Сталине! Да все мы вместе не стоим сталинского г...».

Б.: Правда ли, что после пленума вы пешком шли по Арбату, всеми покинутый, как кто-то написал в своих мемуарах?

Ш.: Я жил не на Арбате, а на Ленинском проспекте, и ехал туда на машине.

После решения пленума против меня начались акции. Прежде всего мне было предложено срочно освободить квартиру. А надо сказать, что, когда Хрущев стал у власти, он предлагал мне занять любой особняк. Я отказался: у меня была квартира на Ленинском проспекте, которую я получил после избрания меня академиком (жили там еще академики Бардин, Никитин) и где я прожил 22 года. Там разместилась моя библиотека — более семи тысяч томов, и мне совсем не хотелось трогаться с места. Вот эту-то квартиру потребовали срочно освободить (позже в таком же пожарном порядке выселили и мою дочь). Я не просто переезжал — я уезжал в Киргизию, где для меня было определено место жительства и место работы директором Института экономики.

И вот я в Киргизии. Я привык честно и увлеченно работать, и там тоже развернул кипучую деятельность, да и лекарство это было хорошее. Встречался с учеными и практиками, изъездил все районы. Относились киргизские товарищи ко мне хорошо. Эта моя активность очень раздражала Хрущева. И когда меня избрали делегатом республиканской партийной конференции, приехавший туда Ильичев потребовал публично вернуть мой делегатский билет. А конференцию и всю партийную организацию республики обвинил в «заискивании перед Шепиловым». Дело было еще в том, что коммунисты Киргизии не восприняли мой приезд как политическую ссылку и относились ко мне с

большим уважением, приглашали всегда на городской актив и другие партийные форумы.

В 1960 году я вернулся из Киргизии и стал работать в Главном архивном управлении. В 1962 году положение в стране резко ухудшилось, несмотря на принятую XXII съездом Программу построения коммунизма. Экономическая реформа модели Хрущева дала сбой — население почувствовало большие трудности с продуктами сельского хозяйства. Хрущев нервничал. Мне кажется, именно этим объясняется постановка вновь вопроса об «антипартийной» группе. Я лежал с больным сердцем, когда Ильичев позвонил секретарю нашей партийной организации Абрамову: «У вас сегодня партийное собрание? Исключите Шепилова из партии!» Тот обомлел, пытался что-то возразить, но Ильичев потребовал точного выполнения распоряжения. Так меня, не поставив в известность, исключили из партии. Этого мало. Ах, Шепилов все еще академик? И Ильичев звонит Несмеянову с требованием оформить мое исключение из академиков. Тот говорит (а Несмеянов хорошо ко мне относился, мы уважали друг друга): «Сейчас нет сессии». «А вы так оформите». И опять-таки все это по указке Хрущева.

Вообще Хрущев был злобным и мстительным человеком. Характерна в этом отношении его расправа с Тевосяном, выдающимся металлургом, умницей, прекрасно знающим мировую практику (работал на заводах Круппа). Как-то он поспорил с Хрущевым по специальному вопросу. Хрущев: «Ты что со мной споришь?» «Да я же металлург и знаю этот вопрос, а вы чепуху говорите». Через два дня Тевосян был снят и полностью отстранен от дел.

Восстановили меня в партии лишь в 1976 году. Тогда Пельше¹ пригласил меня в Комитет партийного контроля, очень хорошо поговорил со мной, сказал, что хочет, чтобы, выйдя из этого зала, я знал, что я чист перед партией и народом, что никаких претензий у партии ко мне нет и потому никакого

¹ Пельше А.Я. — Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

перерыва в партийном стаже у меня не будет. Дата выдачи мне нового партийного билета — 27 февраля 1976 года.

На предложение записать воспоминания, свободные, импровизированные (как в данном случае) беседы на магнитофонную ленту Дмитрий Трофимович Шенилов ответил: «Я считаю, что нельзя записывать и публиковать во всей наготе воспоминания, окрашенные личными эмоциями и личными амбициями, но не строго документированные, без проверки фактуры. Суть свободы слова, демократии и гласности не в этом. Демократии нужно учиться, гласности — также. И именно культуре демократии и культуре гласности. Некоторые страны учились этому столетия. Мы же — в нулевке, если не в минусовом классе. Именно поэтому я сейчас работаю над строгой документированностью своих воспоминаний по личному архиву».

«ДАЛЬШЕ МЕДЛИТЬ БЫЛО НЕЛЬЗЯ»

(Рассказывает Д.Т.Шенилов)

Как человек, многие годы знавший ЦК, Политбюро, являвшийся секретарем ЦК ВКП(б), могу сказать, что, безусловно, появление такого документа, как постановление 1948 года, не могло произойти без какого-либо участия Сталина. Это были годы его единоличной, абсолютной диктатуры. Многого мы по-настоящему тогда не знали, не представляли тех страшных, леденящих кровь фактов и изуверств, которые открылись теперь. Не знали настоящее лицо Сталина и его единомышленников даже те, кто близко стоял к нему. Думаю, что и теперь еще не все раскрыто.

Однако вернемся к музыке и Сталину. Он музыку знал, но знал односторонне, по какому-то очень своеобразному вкусу и наклонностям. Возможно, в них сказалось его пребывание в духовной семинарии. Важно, однако, что влияние музыкального вкуса Сталина безусловно ощущалось

и в оценках музыкального искусства, и в его отношении к окружающим, и в быту.

Приведу примеры.

Идет заседание Политбюро. К Сталину подходит Поскребышев, его главный помощник, первый секретарь, что-то шепчет, после чего Сталин говорит:

— Сейчас, товарищи, Михайлов будет петь свою знаменитую арию в «Иване Сусанине». Пойдем, послушаем.

Садимся в машины. Едем в Большой театр, слушаем сцену из «Ивана Сусанина».

В Большом театре, возле служебной ложи (той, что находится слева от сцены) есть небольшой зал. Иногда прерванное заседание Политбюро заканчивалось там. Так было не один раз.

Еще один эпизод.

Идет парад, первомайский или октябрьский, на Красной площади. После него по неизвестному нам принципу отбирается группа, в которую кроме военных — Жукова, Рокоссовского, полководцев, командующих парадом — обязательно включается часть интеллигенции. Как правило, в Екатерининском зале для этой группы в честь парада устраивается обед. Однажды на одном из таких обедов Сталин обращается к солисту Большого театра М.Д.Михайлову. Надо сказать, что обращался он исключительно по фамилии и, случалось, обрывал того, кто называл его Иосифом Виссарионовичем. Хотя одно-два исключения у него были: он, например, мог назвать Ворошилова по имени — Климом. Требовал, чтобы называли «товарищем Сталиным».

И вот Сталин обращается к Михайлову, сидевшему напротив меня:

— Товарищ Михайлов, а вы обедню помните?

Тот смутился. Кругом речь вели о празднике, освященном послевоенной славой...

— Давайте напомним, начинайте!

Михайлов оправился от смущения, подумал и:

— Благослови Бог наш ныне и присно и во веки веков...

Голос лился ровно. Сталин ему суфлировал, подпевал.

Надо сказать, что отношение Сталина к Михайлову было особое. Я, например, не очень любил этого певца. Мне казалось, что у него от природы хорошая основа — прочный и сочный голос, но не облагороженный совершенно. У Сталина же Максим Дормидонтович Михайлов стоял на первом месте среди певцов.

Третий эпизод.

Шло очередное заседание — очевидно, это было заседание Политбюро. Сталин обращается ко мне:

— Слушайте, товарищ Шепилов. Почему у нас нет советских опер? Всякие там итальянские, немецкие, хорошие русские есть, а почему советских нет?

— Товарищ Сталин, это не совсем точно, — отвечаю, — что совсем нет советских опер. У нас... — и перечисляю оперы «Тихий Дон» Держинского, «В бурю» Хренникова и другие.

Он же в ответ:

— Надо здесь заняться этим делом. Разобраться, почему нет, и создать условия для того, чтобы такие оперы были.

После одной из таких реплик, показывающих внимание Сталина к музыке, опере, я пригласил к себе группу советских композиторов, и мы начали ревизию оперного репертуара. Прослушали советские оперы в московских театрах, поехали в Ленинград. Не помню, в каком году это было, но помню, что этому предшествовал мой разговор с Шостаковичем. Он позвонил мне и попросил приехать к нему домой. Я не однажды бывал у него, приехал, естественно, и в этот раз.

— Мне дано задание, — говорит Дмитрий Дмитриевич, — в канун предстоящей годовщины написать оперу «Тихий Дон».

— «Тихий Дон»? Но ведь есть уже опера Держинского!

— Да. Но ведь вы сами понимаете, что это не такая опера, которая соответствовала бы роману Шолохова. Так вот, я начал работать, а сейчас оказался перед тупиком. И я хотел с вами посоветоваться: что мне делать? Ведь Гришка не принял советскую власть. Не принял!

И я живо представил, как в юбилей советской власти Шостакович выступает с новой оперой «Тихий Дон», которая

должна сместить оперу Дзержинского, и в этой новой опере главное действующее лицо — враг советской власти.

Шостакович говорил, как обычно, отрывисто, нервозно, напряженно. Чувствовалось, что это — человек как бы без кожи. Но мысли у него всегда были удивительно хорошие, и то, что он говорил, было наполнено глубоким смыслом. Я общался с ним периодически на протяжении многих лет, и эти минуты были для меня всегда счастливыми минутами. Когда мы бывали в одном городе, то обычно перезванивались. Выезжая куда-либо, изредка обменивались письмами. Я храню их у себя и хотел бы здесь привести два из них. Первое послано 21 сентября 1966 года из Жуковки накануне очередного концерта Дмитрия Шостаковича, которые я старался не пропускать:

Дорогой Дмитрий Трофимович!

Я буду очень рад, если Вы сможете посетить концерт в Большом зале консерватории 25 сентября. В этом концерте будут исполняться мое первое симфоническое сочинение (1-я симфония) и последнее симфоническое произведение — 2-й концерт для виолончели с оркестром. 2-й концерт, как мне кажется, можно было бы назвать 14-й симфонией с сольной виолончельной партией.

Я вернулся домой. Чувствую себя хорошо, но пока еще плохо ходят ноги.

Крепко жму руку.

Д. Шостакович

Второе написано Дмитрием Дмитриевичем 12 мая 1970 года из Кургана, где он находился на лечении:

Дорогой Дмитрий Трофимович!

Очень мне было радостно получить Ваше письмо.

Спасибо за память, за добрые пожелания. Я надеюсь в первых числах июня покинуть больницу.

Доктор Г.А.Илизаров очень мне помог. Я стал сильнее и «дееспособнее». А главное — я снова могу играть на рояле.

Если буду хорошо заниматься и работать, то еще и в этом сезоне можно выйти на эстраду.

Когда вернусь в Москву, буду Вам звонить.

Крепко жму руку и шлю самые лучшие пожелания.

Д. Шостакович

Бывали случаи, когда Дмитрий Дмитриевич считал нужным о чем-либо посоветоваться со мной. Вот и в тот приезд в Ленинград он продолжал:

— Понимаете, в романе можно решить и психологически, и другими средствами, а в опере никак. Что мне делать?

— Как что делать! Раз вы пришли к выводу, что нельзя сделать оперу на этот сюжет, то и не надо делать.

И Шостакович оставил работу над оперой.

Однако вернемся к нашей теме: почему вопрос о музыке приобрел такое значение в конце 40-х годов.

Идее подготовки постановления предшествовали следующие обстоятельства. Закончилась война. Триумфальная победа, громадные жертвы. ореол славы вокруг Советского Союза, нашей армии. Но яснее и яснее становилось, что в области идеологии есть ряд таких участков, которые — как нам тогда казалось — не соответствуют победоносной эпохе и славе.

В силу ряда обстоятельств сложилось так, что я с детства, воспитываясь в рабочей семье, заболел музыкой. И это осталось на всю жизнь. Виной тому мой гимназический товарищ Юрий Николасвич Остроумов. Он потом работал дирижером на радио, а затем — в музыкальном детском театре Наталии Сац.

Остроумов происходил из интеллигентной семьи. Его мать была музыкантом. Жили мы в Ташкенте недалеко друг от друга. Я часто бывал у них. В этой семье всегда звучала настоящая хорошая музыка. И я с детства, не зная нот, приобщился к этой музыке. И чем дальше, тем больше крепло это чувство. Через какое-то время Рахманинов и Чайковский стали для меня богами, которым я поклонялся.

Вместе с Юрием Николаевичем мы приехали после гимназии в Москву. Он поступил в консерваторию, я — в университет. Вместе жили на квартире все четыре года. У нас часто бывали его товарищи по консерватории. Затем он уехал в Ленинград, к Глазунову, а я, окончив юридический факультет, через какое-то время стал слушателем Института красной профессуры, занимался философией — Кантом, Гегелем. Но все же жить без музыки не мог. И музыка все была настоящая. Помимо Рахманинова и Чайковского, был увлечен Мусоргским. Из западных композиторов был под большим впечатлением от Верди. И многие оперы знал наизусть, да и сейчас знаю: «Демона» Рубинштейна, «Русалку» Даргомыжского, «Евгения Онегина» и «Пиковую даму» Чайковского, «Аиду», «Травиату», «Риголетто» Верди и другие. Знаю наизусть, никогда не изучая и не разучивая.

Однажды был такой эпизод. Мы собрались после одного из прослушанных спектаклей в театре Немировича-Данченко. Были Самосуд, Кабалевский, Хачатурян, и каким-то образом разговор зашел обо мне. И тут я сказал, что знаю ряд опер наизусть.

— Не может быть! — воскликнул Самосуд.

— Давайте проверим.

— Давайте. Какую?

— Вы выбирайте.

— Например... «Пиковую даму».

— Берите партитуру.

— Не нужно партитуры.

— Я и оркестр заменять буду.

И я начал напевать в соответствующих темпах музыкальный материал оперы, начиная от первого соло фагота увертюры. И так дошел до конца, не сделав ошибки, переходя от одной партии к другой. Наверное, вызвал большое удивление: секретарь ЦК — и вдруг распевает «Пиковую даму».

Это я рассказываю к тому, что я болезненно и очень мучительно переживал послевоенный период во всем, что касалось музыки. А период был действительно опасный. В

противовес тому, что — как нам казалось — мы делаем великое переустройство страны, великие стройки, в музыке с Запада шли вредные, зловонные веяния — прежде всего в области джаза. Так нам, любителям, тогда представлялось. Мне лично казалось как-то оскорбительным, что в наш быт, сознание вторгается какая-то гниль, мерзость, что оттого калечатся души молодежи.

Не то, однако, чтобы все мы и я были против джаза. Мне, например, виделось тогда, что Утесов очень много делает, чтобы на нашей почве насадить настоящий благородный джаз, без вульгаризмов и крайностей. И даже способствовал тому, чтобы Утесов получил звание. Однако этому воспротивился Сталин, который при обсуждении небрежно бросил:

— Это какой Утесов? Который песенки поет? Но у него же в голосе ничего нет, кроме хрипоты!

И провалили Утесову звание.

Итак, вопрос: что делать с музыкой? — назревал постепенно. Для меня было несомненно, что необходимы меры, которые предотвратили бы нездоровые влияния вульгарных форм джазовой музыки и абстрактно-авангардистские веяния. Дальше медлить было нельзя, так как в это время в музыкальной жизни стали появляться предпринимательские тенденции и мелкие людишки, пытавшиеся низкопробный джаз приспособить к коммерции.

И вот тогда мы в отделе Агитпропа ЦК (в то время у меня в отделе работали Ярустовский, Рюриков и Варганян) решили заняться этим вопросом. Я сказал, что нам надо готовить такой документ. Как-то я сказал об этом Жданову, курировавшему идеологию.

— А что, мысль хорошая, — отозвался он.

Жданов и Суслов были в числе тех, с кем мы непосредственно работали. Суслов, который одно время курировал идеологию в ЦК, правда, меньше всего способствовал инициативе в работе. Это был человек в футляре. Трудно представить, как природа могла создать

такое существо. Случалось, что какие-либо события или происшествия требовали его вмешательства. Однако в любых ситуациях у него неизменно звучал один ответ:

— Нам не поручено.

Поэтому Суслову мы практически ничего не сообщали о наших планах. Жданов его вообще не принимал во внимание. Сам Жданов был человеком не без одаренности. В быту он мог сесть за рояль и помузицировать. При этом, бесспорно, позорные вещи с Анной Ахматовой и Зошенко, к которым он имел прямое отношение, историей ему не простятся. Не совсем ясна для меня и его роль в выходе постановления 1948 года.

Дело в том, что мы начали готовить в отделе Агитпропа серьезный, но спокойный документ. Люди, которые его делали, имели высшее музыкальное образование. Я же разбирался в музыкальном искусстве, в силу моих увлечений и обстоятельств, о которых говорил выше, не хуже них. Мы много беседовали. Мне казалось, что, если мы хотим в современной музыкальной культуре значительных творческих достижений, нам надо обратиться к истокам, к глубинным основам русской классики. У нас же есть Глинка, Мусоргский, Чайковский! (Из западных композиторов я в то время больше всего любил Бетховена и Верди.) На этой основе — русской, прочной, прославленной — и должна развиваться наша музыкальная культура.

Так мы рассуждали, работая над документом. Встал вопрос: кому персонально поручить претворение этой концепции?

Благодаря моему близкому и частому общению с Р.Симоновым я часто бывал в его театре. Он обязательно приглашал меня на каждую постановку театра Вахтангова и всегда искренне, не по-чиновничьи интересовался моим мнением:

— Ну что? Ну как? Что получилось? Что не получилось?

Естественно, что я видел постановку комедии Шекспира «Много шума из ничего» и хорошо знал музыку к ней

Хренникова. Слышал я и его оперу «В бурю», другие сочинения. Как и многие, я воспринял талант Хренникова как нечто очень свежее, яркое и искреннее. Это не было повторением и перепевами старого и в то же время это была русская музыка. Для меня было несомненно, что такая музыка — это и есть то, к чему мы стремимся.

Далее одно небольшое отступление. Когда я учился в гимназии (учился бесплатно, так как был отличником) и сколько себя помню, я был атеистом. Однако никогда и ни в чем не богохульствовал. Поэтому с первого-второго класса я пел в церковном хоре. Для меня это было еще одним моментом приобщения к музыке. Конечно, такой одержимости к ней и вере, как у моего друга, Юрия Николаевича Остроумова, не было. А было то, что полагалось по ритуалу: молитва, исповедь. Перед каждым занятием мы выстраивались, шли в церковный притвор при гимназии и там пели «Отче наш», «Боже, царя храни» и т. д. И потом, когда моя жизнь круто изменилась, я всегда помнил, что есть хорошая церковная музыка, лишенная всякой вульгарщины, мерзости и дряни.

Так вот если Хренников казался наиболее притягательной фигурой в музыкально-творческом плане, то в консерватории мне виделся человек опытный, знающий хоровую музыку — как церковную, так и народную. Наиболее подходящей фигурой нам всем представлялся А.Свешников. Я бывал на его концертах, высоко ценил его профессионализм, не считая, однако, что он творец чего-то нового, неизвестного. Он был тем, что точно и коротко определено словом «регент». Но для консерватории он, на мой взгляд, был подходящей кандидатурой. До него директором консерватории был В.Шебакин. Он многих научил, много написал собственной музыки, но она — насколько я помню — никогда не волновала и не затрагивала мою душу.

Я считаю, что наш выбор и в отношении Хренникова, и в отношении Свешникова был оправданным.

Могу и сейчас повторить, что придерживаюсь убеждения, что оба внесли много хорошего в нашу культуру.

Дело с подготовкой документа тем временем подошло к завершению. Совершенно искренне говорю (к чему мне сейчас лукавить!): там не было даже признаков того, что потом прозвучало, — антинародность и т. п. И никаких оскорблений в чей-либо адрес! Больше того: я вообще не припоминаю там каких-нибудь фамилий. При этом могу сказать, что, например, музыку Шостаковича я принимал близко к сердцу, Прокофьев мне казался слишком диссонирующим. Однако своих вкусов я не навязывал и кого-либо персонально не касался. К сожалению, у меня ничего не сохранилось от нашего первоначального текста, даже черновики. Порядки тогда были строгие — все рабочие бумаги подлежали сдаче. И то, что произошло потом, для меня и до сегодняшнего дня загадка. Могу только строить предположения. Однако прежде — еще одно отступление по поводу Сталина.

Насколько я помню, он всегда подчеркивал недостатки. К примеру, Деборин, в прошлом меньшевик, написал книгу «Исторический материализм». Книга, в общем, полезная. Случай такой же, как и с Богдановым, автором единственной книги по политической экономии, которого критиковал Ленин. Так вот Сталин в подобной ситуации обязательно говорил: «меньшевиствующий идеализм». Сейчас в ретроспективе стало ясно, что всех, с кем он был не согласен, он должен был определить. Поначалу — правый, левый, затем — оппортунист, а уж потом — враг народа. А как враг народа — так и расстрел тут же. Страшно все это осознавать сейчас.

Никогда не забуду заседания на XX съезде. Нас собрали в Андреевском зале и зачитали предсмертное письмо Бухарина к Сталину (это был первый документ против Сталина, которому Хрущев дал ход). Надо было

знать Бухарина, чтобы до конца понять, что значило это письмо. У Бухарина в 20-е годы я слушал курс философии (кстати сказать, так же, как и у Богданова, — политэкономия). Слышал и других известных ораторов той поры — Луначарского, Троцкого, оставлявших каждый в своем стиле большое впечатление. Но не зря Ленин назвал Бухарина «любимцем партии». Образованный, обаятельный, располагающий к себе личными качествами, особым, искрящимся юмором, — таким был Бухарин. И когда зачитали его письмо к Сталину, где он обращается к нему: «Коба, родной, милый, ты же знаешь, как я предан тебе...» и просит, умоляет не казнить его, не уничтожать физически, — казалось, что мраморные стены заплачут. Реакция Сталина на это письмо: немедленно расстрелять.

А вот теперь еще раз о постановлении. Мне кажется, что Александр Николаевич Кузнецов, главный помощник Жданова, видимо, по указанию Сталина, выправил наш текст в соответствии с его пристрастием к жестким характеристикам, стремлением на пределе обострять ситуации (к излюбленному: враги народа). И когда развернулась вся процедура с докладом Жданова, я был в шоке: совершенно другой поворот, чем тот, о котором мы говорили. Хлесткие ярлыки антинародности... И к кому! По отношению к тем, кем мы гордились, — Прокофьеву, Мясковскому, Шостаковичу...

Надо ли говорить, что удар был страшным — не только для тех, кого собрали воедино и обмазали такой грязью, но и для тех, кто стал тому невольной первопричиной. Из моих бесед с Хренниковым и Снешниковым я знал, что они не разделяют ждановско-сталинских установок. Однако все мы были винтиками в гигантской машине, которая была запущена в ход, и произошло то, что произошло.

Тихон Хренников

СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Мое знакомство с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым состоялось в 1948 году, когда он, будучи заместителем начальника отдела Агитпропа, пригласил меня в Центральный Комитет и дал прочесть решение Сталина о назначении меня первым секретарем Союза композиторов СССР, ну, еще там заместителем председателя комитета по Сталинским премиям, и прочее. Я, конечно, обалдел совершенно, ибо никогда не готовился к общественной деятельности. Сочинял себе музыку: фортепьянный концерт, 1-я симфония и многое другое. К тому времени были написаны и опера «В бурю», и музыка к комедии Шекспира «Много шума из ничего», шедшей в театре имени Вахтангова, и вроде уже был известным композитором. И вдруг вот читаю решение о том, что в мои руки по сути отдают всю музыкальную культуру нашей страны.

Я прочитал и говорю Шепилову:

— Я не справлюсь со всем этим, потому что занимаюсь только музыкой.

А Дмитрий Трофимович, очень мягкий, красивый, обаятельный человек, мне в ответ:

— Ну, ничего, мы вам поможем.

И вот это первое знакомство положило начало, я бы сказал, даже нашей дружбе. Потом уже я сам приходил к нему в ЦК советоваться, встречались и в домашней обстановке. И дружба наша продолжалась до самой его смерти.

Конечно, Дмитрий Трофимович был совершенно удивительным человеком во всем. Во-первых, по своей образованности самого высокого класса. Внешне — красивейший мужчина, высокого роста, стройный, всегда в великолепной форме. Обаяние его было такое, что, мне кажется, все женщины перед ним просто таяли.

Он прекрасно разбирался в музыке. Потом у него был великолепный голос — баритон. Собственно, мы на этой

почве и подружились, потому что, когда мы встречались, я ему аккомпанировал, он пел, в том числе, случалось, в дуэте с Козловским.

А еще о его ораторском искусстве. Помню вот, когда он был министром иностранных дел нашей страны, я был на одном заседании актива горкома, а он только что вернулся из поездки по Европе и делал доклад об этом. Во-первых, никаких бумажек, даже записок никаких. У него была изумительная память, и он так владел словом и так говорил, как если бы все это только что происходило. Не было у него никаких ненужных, вспомогательных слов типа «понимаешь», «так сказать» — это была литературно грамотная речь, как будто он все это написал заранее. И он очень красиво говорил, по-человечески красиво, и все слушали его всегда затаив дыхание. Тем более, ему было что рассказать.

Потом он был секретарем ЦК по культуре, выступал у нас на съездах композиторов. Это всегда были блестящие выступления. Так что это был человек от природы одаренный, в том числе и как политический деятель. Думаю, что если бы не вся эта история с Хрущевым, то, по-моему, Шепилов лучше других подходил на роль первого лица в нашем государстве. Он имел для этого все данные: экономическое образование, боевой опыт генерала. Он дружил с Жуковым, тот его очень любил, и его нельзя было не любить, потому что и в общении он был такой мягкий, такого обаяния человек, что разговаривать с ним доставляло одно удовольствие. Я уж не говорю о тех мудрых мыслях, которые высказывал Дмитрий Трофимович.

Потом этот пленум ЦК в 1957 году. Шепилов ведь к «антипартийной группе» не имел никакого отношения — не был ни в каком стоворе ни с Молотовым, ни с Кагановичем, ни с Маленковым, та группа была сама по себе. Он сидел в зале, когда проходил пленум, и просто не выдержал — и выступил. Позднее Дмитрий Трофимович говорил мне, что не мог терпеть больше такой безграмотности, такого бескультурья, которое часто исходило

Д. Т. Шпилов. Москва, 1955 год

от Хрущева. И вот он высказал свое отношение к Хрущеву, сказал, что неграмотный человек не может управлять такой огромной страной, как Советский Союз.

Когда на XX съезде Хрущев выступил с докладом, все говорили: «Какая смелость у Хрущева!» А ведь в подготовке

доклада участвовал и Шепилов, он мне рассказывал об этом. Потому и Хрущев к нему хорошо относился. А выступление Дмитрия Трофимовича на пленуме, действительно, произвольно получилось. Не мог он терпеть, повторяю, того невежества, что проявлялось в высказываниях Хрущева, особенно в вопросах культуры и искусства. Никита Сергеевич все пытался навязать свой вкус художникам. Кстати, музыкантов он старался не трогать — говорил, что знает только Соловьева-Седого, да еще нескольких композиторов, авторов советских песен, которых он любил.

После этого выступления на пленуме Шепилова и назвали «примкнувшим». Но он правильно сделал, что критиковал Хрущева. Правда, быть может, не тот момент был выбран им для критики. И уже потом Дмитрий Трофимович осознал, что стал жертвой своего спонтанного желания немедленно что-то сказать на пленуме, когда каждый вносил свою «лепту», либо критикуя Хрущева, либо поддерживая его. Я не был на том пленуме, и поэтому не могу говорить о своих непосредственных впечатлениях. Во всяком случае, он очень жалел о случившемся. И когда я спросил его: «Как же так, Дмитрий Трофимович? Вы же — умнейший человек!» — он ответил: «Сам не пойму, как это произошло, что вдруг толкнуло меня на то, чтобы я высказал свое отношение к Хрущеву, совсем не связанное с тем, о чем там говорилось. Но слово не воробей». И началась его партийная опала.

Вскоре он уехал в Киргизию. Когда приезжал в Москву, мы с ним встречались, он бывал у нас дома довольно часто. Он любил мою жену Клару, очень хорошо к ней относился. И любил мою музыку. У нас были откровенные разговоры. Я ему говорил открыто, когда бывал недоволен им, хотя такого почти не случалось. Позднее он вернулся окончательно в Москву.

Дмитрий Трофимович часто посещал Большой театр. Но когда он впал в немилость, возникали затруднения с приобретением билетов. И как-то он сказал мне, что хотел

бы пойти на такой-то спектакль (не помню, какой). Я достал ему билет, он пошел на премьеру, сел в первом или втором ряду. И оказалось, что сидит рядом с Фурцевой, которая была тогда министром культуры. Как же она взбесилась (мне потом рассказывали): «Откуда? Кто мог продать билет Шепилову? Да еще на место рядом со мной?!» Если бы могла, она бы выгнала его из Большого театра, но у него — законный билет. Зато бушевала потом в дирекции театра. Но, конечно, никто не мог знать, что это я ему приобрел билет.

А я в жизни тоже старался сохранить независимое положение и гордился этим. Конечно, при Сталине и потом еще трудно было всегда оставаться самим собой. «Падение» Шепилова никак не повлияло на нашу с ним дружбу. И он всегда приходил к нам домой, и все это знали, видели. Его опала не мешала и Шостаковичу, весьма независимому человеку, приглашать его на все премьеры своих произведений. На таких поступках и проверялась дружба человеческая.

Он приезжал к нам, уже под девяносто лет, своим ходом, то есть, на городском транспорте. К тому времени Союз композиторов СССР прекратил свое существование, и у меня уже не было служебной машины, чтобы посылать ее за Дмитрием Трофимовичем. Был он в моем доме и всего за несколько месяцев до своей кончины.

Хотя ему, как члену-корреспонденту Академии наук, должна была предоставляться машина в случае необходимости, но он, будучи очень скромным, не обращался ни к кому. Тем более не мог он просить машину, чтобы поехать в гости к Хренникову, и добирался на общественном транспорте, хотя его уже часто пошатывало от головокружения. Я переживал за него, но ничего не мог сделать. Зато был счастлив видеть его у себя и сидеть с ним за столом, пить чай, разговаривать.

...Как-то (это было еще вскоре после пленума) мы были с Кларой в Елисейском магазине. Смотрим, над всеми

возвышается красивая голова Шепилова. Мы бросились к нему. А он: «Тишенка! Кларочка!» А вокруг собрался народ — его тогда еще многие знали, и кто хоть раз его видел прежде, не мог забыть или спутать с кем-нибудь.

Мы вышли из магазина, чтобы не привлекать к себе такого внимания. Прошлись, прогулялись по улице. А проходившим мимо людям все хотелось посмотреть на «примкнувшего» — и никто к нему не то что враждебного, а даже недружелюбного отношения не выражал.

Вот такая она, судьба человеческая...

Александр Шефов

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Дважды мне довелось встретиться с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым — в конце марта 1956 года в музее И.В.Сталина на даче «Ближняя» и в конце 80-х — в Кремле, в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина». Между двумя встречами — целая жизнь, наполненная повседневными делами. Но эти две, короткие по времени, остались в памяти, так как я познакомился с замечательным человеком.

Встреча с Шепиловым для сотрудников музея И.В.Сталина была неожиданной. По спецсвязи КГБ коменданту охраны позвонили и сообщили, что к нам в музей едет секретарь ЦК КПСС и министр иностранных дел. Такое сочетание двух высоких — партийной и государственной — должностей было тогда единственным в аппарате ЦК. Известно было, каким влиянием пользуется Шепилов в руководстве страны. В те дни решался вопрос о дальнейшей судьбе только что организованного мемориального музея И.В.Сталина. Кратко предыстория музея такова.

После смерти Сталина в марте 1953 года Берия, минуя секретарей ЦК КПСС, вынес решение, по которому охрана дачи из 135 человек была разогнана, а их функции были переданы вахтерам из МВД. В мае дача была отдана министерству здравоохранения СССР для размещения там детского санатория. После ареста Берии вновь встал вопрос о даче «Ближняя», и ее решили передать в ведение Центрального музея В.И.Ленина на правах филиала, чтобы создать там музей И.В.Сталина. Была возвращена ранее вывезенная мебель, и с помощью бывших сотрудников на даче воссоздали все как было здесь на начало марта 53-го. Также завезли и хранили на складах дачи многочисленные подарки, присланные Сталину ко дню его 70-летия.

Шла активная подготовка музея к открытию, и вот 13 февраля 1956 года он был готов к приему первых посетителей — делегатов XX съезда КПСС. Однако по известным причинам открытие не состоялось. В феврале — марте в музее побывали Е.А.Фурцева, Л.И.Брежнев, ответственные работники из Управделами ЦК, ими многое предлагалось, но решения все не было.

И вот новый визит. Уже поздно вечером мы пошли встречать гостя в вестибюле главного дома. Дмитрий Трофимович уже был там, мы поздоровались. Он несколько минут оглядывался молча, потом положил кожаные перчатки у зеркала и попросил подробно ознакомить его с музеем. Была заметна его взволнованность. «Я не спешу», — добавил он с улыбкой.

Я с интересом его рассматривал. Держался гость с большим достоинством, и как-то выгодно отличался он от той партийной элиты и номенклатуры, что побывала здесь до него. Это был довольно моложавый мужчина. Его умные глаза, тихий, спокойный голос, обходительные манеры располагали к беседе. С музеем позднего гостя знакомил наш директор — Александр Яковлевич Казаков, который, понятное дело, старался вовсю. Свой рассказ начал издали, напомнив, что до 1933 года здесь был пустырь, а затем построен одноэтажный фибролитовый дом, вместо которого

спустя несколько лет возвели такой же, но уже кирпичный. Во время войны соорудили второй этаж, частичные перестройки велись вплоть до 1953 года. Сталин любил «Ближнюю» и предпочитал ее другим подмосковным дачам — «Средней» и «Дальней». Именно здесь он постоянно находился, когда не было необходимости присутствовать в Кремле на официальных мероприятиях. Александр Яковлевич показал гостю в вестибюле личные вещи Сталина: бекешу на лисьем меху, драповое коричневое пальто, армейское пальто, на котиковом меху, которое Сталин носил зимой, старые фетровые подшитые валенки, в которых он часто расхаживал по дому, меховые шапки-ушанки, коричневую фетровую шляпу, военные фуражки и прочее. В вестибюле висели, среди других, политические карты Европы и мира, на которых сохранились карандашные пометки Сталина.

Продолжая свой рассказ, Александр Яковлевич сказал, что дача имела пять больших комнат на первом этаже и две — на втором. Причем Сталин жил и работал на первом этаже, второй предназначался для гостей. Сталин работал, как правило, в одной из трех комнат — во второй, справа от прихожей, в малой столовой — слева, или в большом зале, что прямо напротив входа. Обычно около пяти утра он заканчивал свой рабочий день. В той комнате, где в этот момент работал, ему на диване стелили постель, где он и спал до 11 — 12 часов утра. Все помещения, в которых жил и работал Сталин — в Кремле, на «Ближней» и других подмосковных, на юге — Крым и Кавказ, были схожие: стены, потолки отделаны ценной древесиной разных пород — от дуба до палисандра; меблировка больше походила на официальную — столы и стулья определенного цвета и высоты, турецкие диваны, ковры.

Затем Александр Яковлевич предложил гостю осмотреть жилые комнаты, и мы прошли в первую комнату, в конце коридора направо. Первоначально эта комната делилась на два помещения — спальню Светланы и библиотеку, а в 1951 году перегородку убрали, и комната стала резервной. В ней Сталин не работал, хотя сюда поставили письменный

стол, сервант, перенесенный из малой столовой. Здесь же находился гардероб из красного дерева с зеркалом, в котором висели хорошо известные по фотографиям военные костюмы, лежали фуражки.

Мы вышли в коридор и перешли во вторую комнату. Как и первая, раньше она состояла из двух — резервной и комнаты, где Сталин чаще всего работал, пил чай и обедал. Теперь в центре большой комнаты стоял обеденный стол, вокруг него шесть стульев, обитых голубым репсом. На столе лежали газеты и журналы, которые Сталин по утрам просматривал и прочитывал.

Здесь Дмитрий Трофимович оживился, поднял правую руку, как бы прерывая беседу: «А ведь я бывал здесь раньше!» Немного помолчав, Шенилов рассказал:

«Незадолго до 19-го съезда партии Сталин, видимо, желая лучше познакомиться, вызвал меня на эту дачу. Встретил около дома, и мы не менее часа ходили по дорожкам великолепного сада. Сталин интересовался моим мнением по самым различным вопросам. Затем мы вошли в дом, и Сталин предложил войти в эту комнату. Тогда здесь тоже на столе лежала груда книг, журналов и газет. Сталин молча прохаживался около стола, затем вдруг повернулся. подошел довольно близко ко мне, посмотрел прямо в глаза и спросил: «Вы любите читать художественную литературу? Сколько в день можете прочитать страниц, никогда не считали?» Я опешил — никак не ожидал такого вопроса. Сталин улыбнулся и сам ответил на свой вопрос: «Нам ежедневно приходится сталкиваться с самыми различными проблемами, и мы должны быть готовы правильно их решать. А чтобы правильно решать, надо много знать, для чего надо и много читать, в том числе художественную литературу. Вот, например, Владимир Ильич читал в день по 600 страниц и мне советовал. Я стараюсь читать четверста, и вам советую. Наша работа этого постоянно требует. Очень вам советую, читайте больше», — улыбнулся Сталин на прощание».

За разговором мы прошли через малую столовую — здесь был камин в левом дальнем углу, в центре —

обеденный стол, справа — диван. Эта комната была наиболее обжитая, соединялась с закрытой восточной верандой, где Сталин любил работать и зимой и летом за столом. На нем тоже были газеты и журналы. Мы взяли журнал «СССР на стройке» № 12 за 1949 год и показали его гостю. Весь номер состоял из цветных иллюстраций известных живописных полотен, посвященных Сталину. Когда Сталин познакомился с его содержанием, он, по-видимому, очень был рассержен: «Позор!! Расточительство!!!» — написал он на лицевой обложке журнала, причем сломал при этом три карандаша — желтый, зеленый и синий. Под этими словами — хорошо известная всем руководящим работникам подпись: И.Ст. Уже с 1950 года журнал стал выходить под новым названием — «Советский Союз».

Дмитрий Трофимович долго смеялся, рассматривая журнал. Положив его на стол, заметил: «Не завидую тогдашнему главному редактору».

Мы вернулись в малую столовую, и Казаков обратил внимание гостя на круглый стол, где стояли телефонные аппараты: слева — прямая связь с КГБ, в центре — белый телефон ВЧ, справа — кремлевская вертушка. Комендант дачи «Ближняя» И.М.Орлов нам рассказывал, что был еще один телефон — красный двузначный, по которому Сталин говорил только с членами Политбюро. Вначале стоял и городской телефон, но по нему часто случайно звонили посторонние лица, и Сталин попросил его убрать. Если ему самому нужно было позвонить по городскому номеру — пользовался ВЧ.

Все телефоны были переключены на дежурного охраны с помощью специальных рычажков. Если звонили Сталину, дежурный по домофону докладывал Сталину, тот включал рычажок и брал трубку. На телефонном столике всегда лежали блокноты и отточенные карандаши. По заведенному раз навсегда правилу, когда Сталин работал, отдыхал или спал на даче, внутри помещений главного дома дежурных не было, и все посты находились снаружи. В присутствии же гостей или во время рабочих мероприятий в помещении,

где был Сталин, присутствовали офицеры из личной охраны, комендант или его заместитель. Когда Сталин уезжал, внутри главного дома всегда дежурили офицеры.

Александр Яковлевич перерассказал гостю о последних днях жизни Сталина, о чем нам в свое время поведал заместитель коменданта дачи «Ближняя» Пётр Васильевич Лозгачев, с 1938 года работавший в его охране.

28 февраля, в субботу, у Сталина были гости, которые уехали в 3 — 4 часа ночи. В воскресенье утром Сталин в определенный час не вызвал к себе дежурного. Однако дежурные знали, что Сталин в течение всего дня ходил по дому — срабатывала сигнализация. Уже вечером, 1 марта, Лозгачев решился нарушить правило и самому пойти в дом. В 23 часа фельдъегерь как раз привез почту, и Лозгачев вошел вместе с ним, захватив с собой еще дежурного офицера. В малой столовой они обнаружили Сталина лежащим на полу у дивана. Подняли его и положили на диван. Сталин лежал молча и вскоре уснул. О случившемся Лозгачев доложил руководству Главного управления охраны. Вскоре приехали Берия и Маленков. Не раздеваясь (а Берия даже в галошах), они вошли в малую столовую, подошли к дивану — Сталин лежал с закрытыми глазами. Обращаясь к Маленкову, Берия сказал: «Разбуди его, Георгий, спроси, что случилось?» — «Нет, сам буди, я не буду», — ответил тот. Тогда Берия набросился на дежурных охраны: «Не видите разве, что товарищ Сталин спит, ничего серьезного, а вы паникуете по пустякам! Если что, звоните, мы придем с врачами». Дежурные остались одни, было час — два ночи. Всю ночь они просидели у дивана. Сталин несколько раз хотел подняться, но не мог. Утром его перенесли в большой зал и уложили на диван, что стоял слева в конце комнаты, между двумя окнами. Утром же приехали члены Политбюро и с ними врачи, которые и определили характер заболевания...

Мы перешли в большой зал, который до 1945 года служил рабочим кабинетом. Во время войны здесь часто проходили заседания ГКО. Потом зал расширили за счет открытой веранды, и он стал полукруглым. Здесь Сталин проводил заседания Политбюро, здесь же отмечал свое

70-летие. Теперь в зале, кроме обычной обстановки, стояли пять венков от центральных организаций, в центре на подставке — белая гипсовая маска, снятая 6 марта в 4 часа утра скульптором Манизером. Как и раньше, над портретом В.И.Ленина горели два светильника. На большом турецком диване, на котором Сталин скончался 5 марта, — два легких стеганых одеяла и три подушки.

На противоположной стене зала висели вышитые шелком две картины, подаренные китайскими товарищами. На одной был изображен рычащий тигр — символ силы и бесстрашия, на другой — сидящий на дереве орел, олицетворявший могущество, величие и дальновидность. Слева на этой картине — иероглифы:

Вот качнулась ветвь под могучим орлом,
Он над рощей кленовой поводит крылом.
День и ночь он свершает далекий полет
И парит в вышине — страх ему не знаком.

Директор музея обратил внимание гостя, что в этой комнате раньше висели портреты советских писателей М.Горького, В.Маяковского, М.Шолохова, Д.Бедного и других. В 1951 — 1952 годах вместо них поместили репродукции с картин, например, художника А.Яр-Кравченко «А.Горький читает 11 октября 1931 года товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть». Раньше на этом месте была фотография — «В.И.Ленин и И.В.Сталин в Горках». Обратили мы внимание Дмитрия Трофимовича и на радиолу фирмы «Виктор», которую Сталин иногда включал, чтобы послушать записи своих любимых песен на русском, украинском и грузинском языках. На пластинках, которые лежали тут же, на столе, можно было увидеть пометки: «хорошая», «очень хорошая», но были и такие, где: «плохая», «пустое», «дрянь» или «не годится». В свое время здесь стоял полуконцертный рояль «Стейнвей», на котором обычно играл Жданов, но после его смерти инструмент перенесли в спальню.

В самой спальне в книжном шкафу была небольшая часть его библиотеки, но основная ее часть размещалась на складе. Всего на даче было более 5 тысяч книг и в

кремлевской квартире — 20 тысяч. Многочисленные пометки в книгах свидетельствовали, что их неоднократно прочитывали. Достаточно было полистать книги Лескова, Салтыкова-Щедрина, Гоголя и многих других. Зачастую писатели присылали Сталину корректуры своих произведений. Так, А.Толстой передал корректуру своего романа «Хлеб», куда Сталин внес ряд исправлений и добавлений. Например, сделал вставку в эпизоде с остановкой поезда, который перевозил Советское правительство из Петрограда в Москву. Сталин был в числе пассажиров этого поезда, и потому описал как очевидец это событие.

Во время нашего краткого рассказа Дмитрий Трофимович внимательно слушал, иногда кивал головой, добавляя: «Да, я это слышал».

Далее мы побывали на втором этаже, в предназначенных для гостей Сталина столовой и спальне.

Весь осмотр продолжался минут сорок. Дмитрий Трофимович поблагодарил нас и на прощание сказал: «Все это обязательно надо сохранить, ведь это наша история. Завтра с Никитой Сергеевичем я поговорю об этом. Это все надо сохранить», — повторил он.

Шепилов сдержал свое слово — прекратились постоянные визиты партийных чиновников с различными предложениями, а в конце марта было принято решение музей законсервировать и передать в Управделами ЦК КПСС как дача «Волынское». В таком виде музей просуществовал до конца 1959 года, а повлиять на его дальнейшую судьбу Дмитрий Трофимович уже, как известно, не мог. Судьбу музея решили потом Суслов и Фурцева.

Где-то в начале 80-х в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле» — а я уже многие годы работал там заведующим — побывала группа сотрудников из Главного архивного управления. Просматривая предварительно документы на посещение, обратил внимание, что в списке посетителей значился и Д.Т.Шепилов. Я решил сам встретить и ознакомить эту группу с музеем. Когда в указанный вечерний час группа явилась, мы сразу прошли с ней в

кабинет Ленина. Я наконец снова увидел Дмитрия Трофимовича. Да, годы сделали свое дело — передо мной был седой человек, от прежней величавой осанки почти не осталось следа. Держался он спокойно, только голова его была все время опущена вниз. Он посмотрел на меня внимательно и, видимо узнав, поздоровался, улыбнулся.

Затем мы вошли в зал заседаний СНК и Политбюро, где, как известно, в 1957 году проходило совещание, после чего на пленуме ЦК Шепилов стал «примкнувшим». Я внимательно наблюдал за ним — он рассеянно слушал, а его взор скользил по длинному столу: видимо, снова и снова переживал события тех столь памятных для него времен. На экскурсии он был не только с сослуживцами, но и с родными.

Мне неудобно было при группе расспрашивать Дмитрия Трофимовича. На прощание мы пожали друг другу руки. Он пожал дважды, и его пожатие было крепким...

Быстро пролетели годы. Нет больше музея И.В.Сталина на даче «Ближняя», как нет и музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». И тот и другой были ликвидированы по воле или прихоти руководителей страны и их окружения. И как уже не раз бывало, немногие выступили в защиту сохранения исторических реликвий.

Тогда, в 50-х годах, одним из таких руководителей был Дмитрий Трофимович Шепилов, который не вписывался в общий хор соглашателей, прекрасно осознавая, что уничтожение исторических ценностей и забвение прошлого никогда не было достойным средством для достижения корыстных целей. А сколько исторических памятников было разрушено за тысячелетнюю историю России! Тому виной были или пожары, или войны, или волюнтаристские решения властных временщиков.

Но из народной памяти трудно стереть исторические события и людей, с ними связанных. С годами оседает все наносное, временное — и остается жить вечно то, что имеет право на вечность. Поэтому и сегодня среди добрых людей жива память о Дмитрии Трофимовиче Шепилове.

Вот почему и я пишу эти строки.

Феликс Чуев

СУЭЦКИЙ КРИЗИС И ДРУГОЕ

Мои детство и юность пришлись на 40 — 50-е годы, и одно из главных моих тогдашних впечатлений — окончание второй мировой войны и постоянное ожидание новой, еще более страшной. Несколько раз возникали такие моменты, когда казалось, что война вот-вот начнется. Особенно летом. Мама даже боялась отпускать меня в пионерский лагерь: «В перерывах между войнами очень трудно быть спокойным...»

Так было в конце 40-х, когда Соединенные Штаты Америки разместили свои военные базы вблизи южных границ СССР, в Турции, так было и в 1953 году, когда советские и американские танковые армады стояли лоб в лоб в Берлине. И, наконец, кризисы — суэцкий, карибский... Не обо всем писали тогда газеты, но дух тревоги пронизывал каждый дом...

Я вырос, стал писателем и понял, что обязан не забыть свою эпоху. Я узнал многих интересных людей, и среди них были министры иностранных дел разных периодов нашего государства, их заместители, послы, те, кто имел прямое отношение к внешней политике. Один из них — Дмитрий Трофимович Шепилов, бывший министр иностранных дел СССР, а до этого главный редактор «Правды», секретарь ЦК... В 1956 году он принимал самое деятельное участие в развязывании «суэцкого узелка». А за четыре года до его кончины встретился с ним еще раз.

«САМАЯ ДЛИННАЯ ФАМИЛИЯ...»

Человек, который ее носил, умер в 1995 году. На фотоснимках 50-х годов мы видим его красивым, полным сил. У меня есть и фотография, на которой я удостоился чести быть запечатленным рядом с ним, датированная 10 марта 1993 года.

Дмитрий Трофимович Шепилов в МИДе оказался на месте. Широко и разносторонне образованный, особенно в экономической и юридической областях, внешне весьма импозантный, он сумел быстро завоевать авторитет на международной арене. Вероятно, его ждала бы блестящая политическая карьера и внутри страны, но летом 1957 года он поддержал Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Булганина и других — абсолютное большинство Президиума ЦК, выступившее против Хрущева.

В первый день Молотову и его сторонникам удалось одолеть Хрущева, но тот собрал пленум ЦК, на котором так называемая антипартийная группа потерпела поражение. В газетах появилось постановление «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.». Эта формулировка уже и тогда казалась странной, потому что фамилия Молотова значилась третьей, но все понимали, что человек с таким авторитетом, как Молотов, никак не мог быть на третьих ролях. В том постановлении еще упоминались фамилии Булганина, Первухина, Сабурова: видимо, Хрущев не решился тогда показать, что против него выступил чуть ли не весь Президиум ЦК. Зато дважды в тексте документа фамилии Шепилова, а также снятого с партийных постов, предшествовало «и примкнувший к ним», и с тех пор не произносилась без этих слов ни на каких собраниях или митингах, поскольку стало быть, «так велено». В народе сразу расцвел анекдот:

— Какая самая длинная фамилия?

— Ипримкнувшийкнимшепилов.

На самом же деле Шепилов не входил в группу Маленкова-Кагановича-Молотова, но на заседании высшего партийного штаба неожиданно для всех выступил против Хрущева, заявив о его грубых ошибках во внешней политике.

«Честный, порядочный человек оказался», — говорили мне о Шепилове много лет спустя и Молотов, и Каганович.

Реакция Хрущева была иной. «А тебе, сосунок, я этого никогда не прощу!» — сказал Никита Сергеевич молодому

министру и кандидату в члены Президиума ЦК КПСС. И не простил. И мстить умел. Правда, не посадил, и на том спасибо. Просто выслал из Москвы в Среднюю Азию, а затем исключил из партии. В ту пору это означало медленное угасание в состоянии изгоя.

Выступив против культа Сталина, Хрущев стал постепенно насаждать свой культ, становясь нетерпимым к другим мнениям и не вынося возражений.

Да простит меня читатель, но мне снова вспомнился анекдот второй половины 50-х годов — все-таки эта фольклорная форма, пожалуй, наиболее ярко отражала и сейчас отражает настроение значительной части общества. Анекдот был такой: Сталин оставил Хрущеву завешание в трех конвертах, которые надо было вскрывать черз определенные промежутки времени. В первом конверте была записка: «Сваливай все на меня». Во втором: «Сваливай все на моих соратников». В третьем: «Делай все, как я».

...При встрече с Шепиловым я напомнил ему этот анекдот, и он улыбнулся после слов: «Сваливай все на моих соратников».

— Дальше Хрущева терпеть было нельзя, — говорил Дмитрий Трофимович, — поэтому я поддержал Молотова. К тому же Хрущев был совершенно неграмотным человеком. Даже его сын Сергей пишет в своих воспоминаниях, что не обнаружил ни одного письма или документа, написанного рукой отца. Но я такой документ, вернее, резолюцию Хрущева, однажды видел. Это была переданная мне шифровка одного посла, на которой Никита Сергеевич написал: «Азнакомица». Да, именно так и нацарапал, сделав в одном слове четыре ошибки... Он потому сам и не писал, что не всегда получалось — с русским языком был не в ладах.

Шепилов — высокий, красивый, представительный, как прежде. Конечно, возраст и болезни дают о себе знать, но, как говорится, дай бог каждому из нас так выглядеть в свои 86 лет, не теряя ни памяти, ни остроты реакции и, главное, продолжая работать в Академии наук...

Я уже не первый раз за последнее время встречался с ним, и вот пришел поговорить о деле давнем, но не потерявшем значения, — о так называемом суэцком кризисе.

СУЭЦКИЙ ВОПРОС

26 июля 1956 года весь мир узнал о том, что Египет национализировал компанию Суэцкого канала. Этот акт стал весьма нежелательным для некоторых государств, в частности Англии и Франции, и они начали оказывать экономическое, политическое и военное давление на Египет. Кроме того, эти страны вместе с Соединенными Штатами Америки решили созвать в Лондоне конференцию по вопросу о Суэцком канале, чтобы принудить Египет отказаться от его суверенитета. Советский Союз встал на сторону Египта. Вновь запахло угрозой реальной войны...

Спрашиваю у Шпилова:

— Чем было вызвано заявление Хрущева о том, что при необходимости мы поможем президенту Египта Насеру даже военной силой?

— По этому вопросу у меня с Хрущевым было немало столкновений, — отвечает Дмитрий Трофимович. — В то время государственным секретарем США был Джон Фостер Даллес, классик империализма, очень сильный человек. А Хрущев — человек невыдержанный, у него часто преобладало увлечение моментом, он сразу: «Война! Война!»

Я говорю:

— Никита Сергеевич, давайте используем все средства, даже психологические. Это же не шутка, это же великие державы!

— Да что, мы не разобьем этих говнюков? — вскипает Хрущев. — Подумаешь там, Англия, Франция...

Ночью я вызвал к себе послов Англии и Франции — пришли они заспанные, взволнованные, испуганные. Говорю им: «Положение настолько серьезное, что я хочу вас предупредить: Суэцкий канал — не английский и не французский. Он построен на костях египтян. Они и являются

истинными владельцами канала, хотя пользуется им весь мир, корабли всех стран. Вы что, хотите дело довести до войны?»

Вот так пришлось разговаривать.

— После этой встречи, — продолжал Шепилов, — я поехал в Лондон на конференцию по суэцкому вопросу.

НА ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На конференцию в британскую столицу были приглашены представители 24 государств, включая Советский Союз. В советскую делегацию входили Д.Т.Шепилов (глава делегации), В.С.Семенов, Я.А.Малик, Г.Т.Зайцев. Однако не были представлены многие страны, пользующиеся Суэцким каналом: Польша, Болгария, Румыния, Финляндия, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Иордания, Судан, Ливия, Йемен, Марокко, Тунис... Не было делегации Египта! Об этом сказал на первом же заседании глава советской делегации. Представителями США и Индии были представлены два проекта урегулирования проблемы.

Американский проект, названный «планом Даллеса», предполагал, что управление каналом должно находиться в руках международной администрации. «Таким образом, Египет должен по сути дела отказаться от своих суверенных прав в пользу международного органа, находящегося в руках группы государств, которые будут распоряжаться египетским национальным достоянием. Египет, за которым формально признается право владельца Суэцкого канала, должен находиться на положении какого-то бедного родственника при указанном международном органе. Египту любезно предоставляется место в его собственном доме. Совершенно очевидно, что, если мы действительно хотим соблюдать принципы суверенитета, Египет не может быть лишь одним из участников в управлении своим собственным имуществом», — заявил на конференции Шепилов. Он поддержал проект Индии, в основу которого легли принцип строгого

соблюдения прав Египта на этот канал и сочетание интересов международных пользователей каналов с интересами «Египетской корпорации Суэцкого канала».

И хотя на стороне Советского Союза оказались только три государства — Индия, Индонезия и Цейлон, и хотя конференция, длившаяся восемь дней, приняла единственное решение — передать Египту полный ее стенографический отчет, колониальные планы в отношении этой страны потерпели поражение.

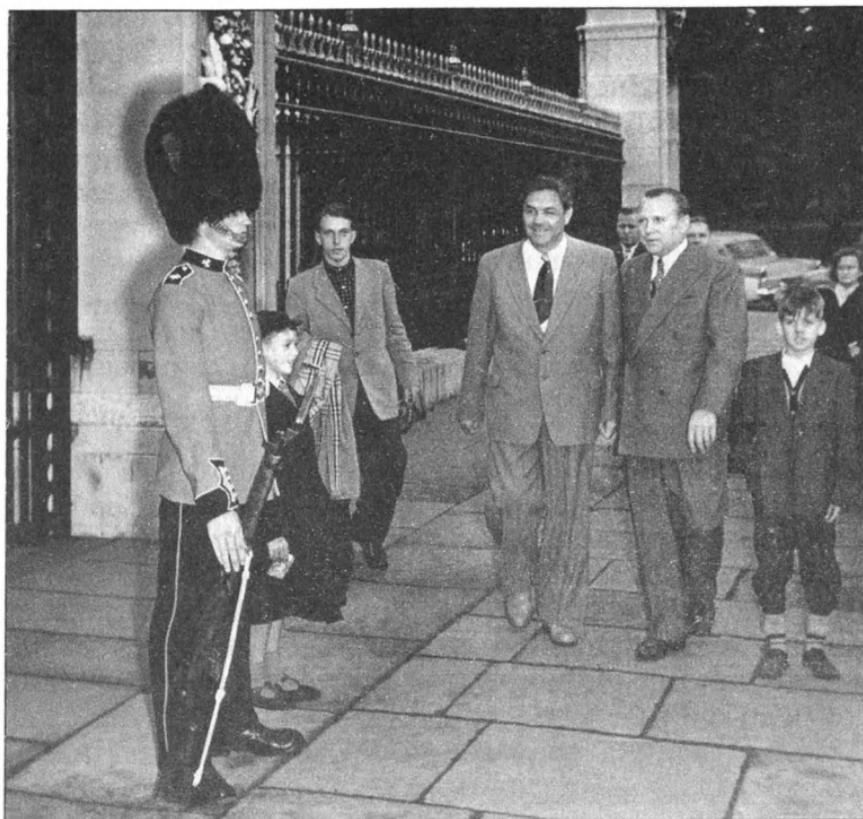
— Перед тем как выступить со своим планом, Даллес мне сказал: «Я все-таки думаю, что мы можем договориться». А сам выдвинул хитрый план — создание ассоциации пользователей каналом, что лишило бы Египет этой «водной дороги». Раньше существовала компания, которая по договору 99 лет должна была пользоваться каналом, а тут вообще задумали — бессрочно! Лишить — и все, — говорит Шепилов. — Создать как бы государство в государстве. Но в ходе конференции он понял, что у него ничего не выйдет... Неприятный тип, вечно неряшливый, неопрятный, в перхоти, глаза гноящиеся. Но разбойник такой! Дело могло дойти до войны.

Конференция проходила в роскошнейшем Ланкастерском дворце — Вестен-хауз, а потом мы полетели в Нью-Йорк, в Совет Безопасности. На аэродроме в Нью-Йорке на меня набросилась громада корреспондентов — 200 человек! Общение в прессой — дело сложное, поэтому впоследствии я первое время всегда наблюдал за интервью Горбачева: как бы этот «ставропольский комбайнер» не наговорил глупостей...

И как только я приехал с аэродрома в гостиницу, очень быстро заявился Даллес и говорит: «Простите, вы, наверное, не успели даже отдохнуть после полета, перелетели океан, но вот в вашем интервью, которое вы сделали на аэровокзале...»

Очень был обеспокоен. Но у нас позиция была твердая. И вот, видите, канал до сих пор в распоряжении Египта.

Когда вы говорите с Даллесом, вы знаете, что он империалист грамотный, умный, жесткий. Скажем, Иден,

Шепилов в сопровождении работников советского посольства в Великобритании осматривает Шотландский дворец

английский премьер-министр, был более обходительный. Очень умный, толковый человек. Он — премьер, а я только министр иностранных дел, но он в нарушение протокола вышел меня встречать на улицу, когда мы подъехали к знаменитой Даунинг-стрит, к двухэтажному деревянному дому. Подъехали на машине, открывают дверь, а он уже встречает. Настолько Англия была заинтересована в канале! «Для Англии потерять Суэцкий канал — это перерезать горло!» — доказывал он мне. А мы придерживались того, что не Египет должен быть для Суэцкого канала, а Суэцкий канал для Египта, и чтобы им все разумно пользовались.

*Шепилов дает интервью по поводу суэцкого конфликта.
Лондонский аэропорт Хитроу, 14 августа 1956 года*

Я проехал на машине вдоль всего этого канала, купался, видел поселения. Там до сих пор есть следы того, что он построен на поте, крови и костях арабов.

«План Даллеса» провалился, и я собрался ехать домой в полной уверенности, что все прошло хорошо. И тут получаю шифровку из Москвы от Хрущева и Булганина: «Перед самым отъездом дайте по мордам этим империалистам». То есть Англии, Франции, США... Я подумал: зачем это нужно? Канал остался у Египта...

Приезжаю в Москву, ставлю чемодан, звоню. «Ну приезжайте», — отвечает Хрущев.

Я приехал.

— Слушайте, а почему вы не выполнили указание, которое мы вам с Николаем Александровичем дали в шифровке? — спрашивает Хрущев.

— Не было необходимости. Мы выиграли битву, и зачем будем портить с ними отношения? Для чего это нужно?

— Ах, вот как... Значит, вы сами хотите внешней политикой руководить?

— Поверьте, по обстановке не нужно было этого делать, портить концовку. Ведь мы были только с Индией, Индонезией и Цейлоном — и выиграли! Серьезный выигрыш. Арабы ликуют.

— Я читал ваши выступления на Лондонской конференции, Дмитрий Трофимович, — говорю я Шепилову, — и меня поразило, с каким упорством вы предлагали в председатели конференции индуса.

— Конечно. Такого союзника иметь... — отвечает Шепилов.

Так вот, поговорили мы с Хрущевым, кое-как он успокоился, и я у него спросил, чем он сейчас занят. «Гибридизацией кукурузы», — ответил Никита Сергеевич.

— Чего-то делал, — смеется Шепилов.

— Сын Хрущева пишет, что на даче у него были делянки, сам Лысенко ему помогал.

— Да, да. Так вот, этот Лысенко у него главным консультантом был. Я еще Сталину говорил: «Товарищ Сталин, вас вводят в заблуждение — неправильная информация, старье. Ни одного сорта у Лысенко нет!»

— Хрущев не давал вам проявлять инициативу?

— В начале своего правления он говорил: «Ну что вы спрашиваете меня? Действуйте, сами действуйте!» Полную инициативу давал. Возможно, для того, чтобы оттенить правление Сталина, у которого на все нужно было получить согласие. Сталин сказал, Сталин указал — так и делаем. А про Маленкова говорили, что если Сталин даст какое-то указание, то Маленков требовал, чтобы оно было выполнено вчера. Старались!

— А не говорили вам американцы, англичане и французы, почему вы вообще вмешиваетесь в этот вопрос, с какой стати Россия равнодушна к Египту?

— Говорили... «Что вы им верите, это же азиаты, они вас предадут». Столько всяких посулов было, обещаний, кредиты предлагали, только чтобы мы не вмешивались.

— Кредиты предлагали?

— Конечно! Они же ввели уже войска прямо на территорию Египта! Не для развернутых крупных операций, а для устрашения.

Нет, нет, у нас прямой интерес был. Мы действительно хотели помочь Египту. Я доказывал Хрущеву, и он поверил в то, что эта помощь будет в нашу пользу. И Насер, когда приезжал к нам, подтвердил это. В случае чего там такая серьезная перемычка, что можно парализовать и англичан, и французов, и кого угодно. А ведь нам флот нужно выводить на простор — у нас портов не было и до сих пор нет настоящих на Тихом океане, поэтому переброска флотов — очень важное, нужное дело.

Мы удачную операцию провели. Я когда вспоминаю — это одна из самых важных и существенных наших акций.

— И очень смелый шаг с нашей стороны.

— Верно. Там ведь против нас были объединенные силы! А поддержали нас только три страны...

ПОМОЩЬ ЕГИПТУ

— Вы всячески стремились избежать военного конфликта с Западом. Были ли вы против военной помощи Насеру?

— Нет, мы помогали. Я ведь до этого был у Насера. Там оказалась торричеллиева пустота — всех наших повышибали. Осталась только корреспондентка «Правды», умница, бывший секретарь ЦК комсомола... Настолько были не то что обостренные, а просто нелепые отношения с Египтом.

Я пробыл там порядочное время. Был у Насера дома, на обеде. В Каире был у начальника вооруженных сил, подарил ему шахматы из малахита, такие, как в Екатерининской гостиной. А Насеру я подарил картину советского художника. Скромные подарки. И они мне подарили. — Дмитрий Трофимович указывает на большое серебряное блюдо. — Это от Насера. Там и надпись есть.

Весь короткий период, пока я был министром, я исходил из того, что не давал себя подкупать и сам не подкупал. Хрущев и Булганин, например, поехали в Англию и подарили английской королеве мантию из горностаев — все газеты западные тут же написали: «Это подкуп!»

Насер мне говорит: «Мы безоружны перед надвигающейся опасностью». Обстановка была такая, что я даже шифровку не посылал в Москву с просьбой разрешить пригласить его к нам для обсуждения вопросов о поставке оружия. Сказал ему: «Приглашаем вас в Советский Союз». Он попросил оружие. И мы дали. Хорошее стрелковое оружие давали, танки, самолеты. То, что им было нужно. Причем на выгодных условиях. Получали от них хлопок, зерно.

— Оружие посылали через Чехословакию?

— Нет, это уже потом. Когда нам стало трудновато, наши союзники тоже стали помогать, подражая нам. И в Египте к нам уже стало другое отношение после нашей помощи.

— Насер просил помочь со строительством Асуанской плотины?

— Он говорил об этом при первой же встрече со мной. В самых общих чертах. Я ему говорю: посмотрите на свою страну, сколько нищеты! В данный момент строить Асуанскую плотину... Давайте немножко оттянем. И, когда уезжал, я ему посоветовал не торопиться с этим делом, потому что знал, что это полностью на нас ляжет. И все оборудование. Это ведь гигантская река, а не ручеек. И он согласился, по-хорошему согласился.

Потом, когда он приехал в Москву, мы договорились. Я считал, что здесь надо соглашаться. Это была мечта всей его жизни: «Я мечтаю, чтоб у нас была такая же мощная ГЭС, как у вас».

— Но, наверное, Асуанскую плотину решили строить, когда поняли, что канал останется за Египтом?

— Но мы действительно хотели помочь Насеру.

НАСЕР

— Что он за человек был?

— Вы знаете, очень интересный человек, — оживает Шепилов. — Он и его друзья — из средних разночинных семей. Отец его жил в Александрии, пригласил меня на обед, и мы пересекли всю эту пустыню почти в 60-градусную жару. Магазин у него там...

— Ходили разговоры, что Насер прежде был фашистом, что у него висит портрет Гитлера, и, дескать, как же Шепилов будет с ним разговаривать?

— Нет, никогда он фашистом не был, но у него была такая похлебка в голове, особенно при первых наших встречах. Я спрашиваю: «Какова ваша цель, к чему вы стремитесь?»

«Мы хотим построить умеренный социализм», — отвечает. «А что это такое?» — спрашиваю снова. «Это социализм без капиталистов, без империалистов и без коммунистов», — говорит он.

Я замечаю: «Такого социализма не бывает».

Долго-долго беседовали мы с ним. Помню, он сказал: «Мистер Шепилов, вы, я слышал, книжку написали, учебник политической экономии. Нет ли ее у вас на английском языке?» Ответил, что есть, переведена на 25 языков. «Я вам соберу всех своих министров — финансов, строительства и так далее, — пообещал Насер, — проведите с ними одно-два занятия, как строить социализм».

— Я ему говорю: «Это вопрос сложный!» — смеется Шепилов. — Но все время в эти годы у него шла эволюция влево, в нашу сторону. И с ним можно было говорить и иметь дело. И потом пошли наши крупные совместные мероприятия, кредиты...

— Хрущев ему присвоил звание Героя Советского Союза...

— Это да. Но Насер ему дал — это не все знают — «Золотой Нил», очень «дорогой» орден.

— Одно время говорили, что он агент американского империализма, и к нему была определенная настороженность...

— Нет, нет. Просто у него эклектическая похлебка была в голове, и никакой концепции не было.

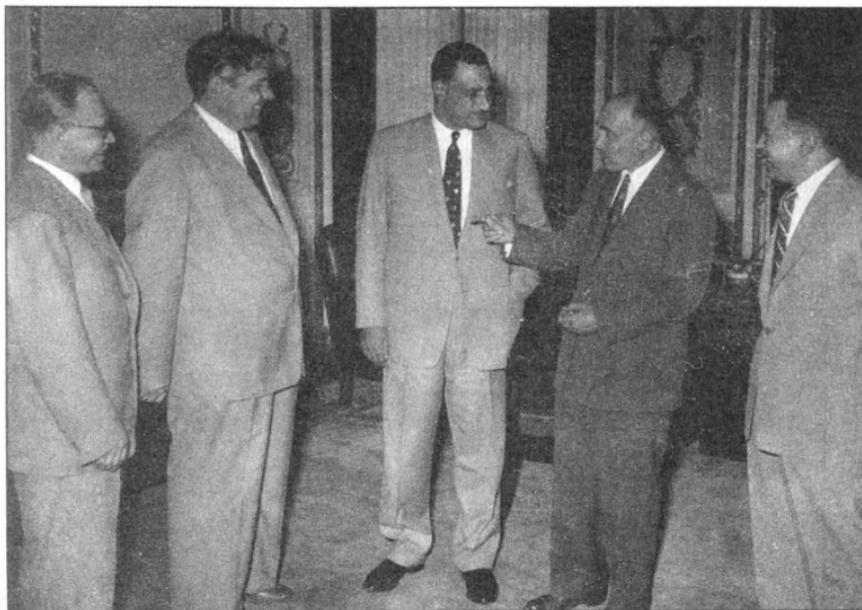

Встреча министра иностранных дел СССР Д.Т.Шепилова с президентом Египта Гамалем Абделем Насером. 1956 год

От автора. Я перечитал написанное и решил уточнить у Шепилова некоторые вопросы, позвонил ему.

— Мучаюсь с глазами, — сказал Дмитрий Трофимович.
— Нужно очки менять...

— А я хотел приехать к вам, но вижу, что вам сейчас не до этого. Хочу вас спросить, как все-таки принималось решение по суэцкому вопросу, как вел себя Хрушев?

Еще одна встреча министра иностранных дел СССР Д.Т.Шепилова с президентом Египта Гамалем Абделем Насером. 1956 год

— На это очень сложно ответить. У вас есть мои две книжки?

— Вы мне одну подарили — «Суэцкий вопрос».

— Есть еще второе, дополненное издание. Вы что, по суэцкому вопросу работаете?

— Пишу статью.

— Я посмотрю на полке для вас книгу...

— А было заседание Президиума ЦК?

— По суэцкому вопросу? — спрашивает Шепилов. — Президиум ЦК всегда по всем важным вопросам собирался. Несколько раз обсуждали и суэцкий. Наша установка была — оставить канал за Египтом. Главная же работа была в Лондоне. Противник-то у меня был Джон Фостер Даллес — классик империалистического разбоя. Потом все перешло в Совет Безопасности, так что это была большая работа. Союзники у меня — Индия, Индонезия и другие. С ними тоже были свои сложности...

*Шепилов и его дочь Виктория с сотрудниками посольства Сирии.
1956 год*

Это очень интересная была проблема. Есть над чем подумать... Я выбрал время и проехал вдоль канала. Там были встречи, я заходил в некоторые усадьбы, особняки или дворцы, как хотите, владельцев Суэцкого канала. Это тоже было очень интересно... В общем, тема стоящая. Напишите, ради бога.

— А как вы можете охарактеризовать роль Министерства иностранных дел в этом вопросе?

— Я тогда министром был, — смеется Шепилов.

— Потому я вас и спрашиваю. Наверное, эта роль была ведущей, хотя в то время ее трудно было оторвать от ЦК КПСС, его Президиума...

— Да, да. Но это еще была пора, когда Хрущев говорил: «Да что вы спрашиваете? Действуйте сами!»

— Но на Президиуме ЦК Хрущев давал вам какие-нибудь указания?

— Конечно. И суэцкий вопрос обсуждали. Это горячее было дело. Там же все-таки война была, там же начали с войны. И вместе с тем — уловите — арабский мир пошел с нами! Это довольно сложно.

...18 августа 1995 года он ушел от нас, этот удивительный человек.

Игорь Реформатский

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Дмитрий Трофимович Шепилов, член-корреспондент Академии наук, известный ученый-экономист, во время войны был начальником политотдела, а затем в звании гвардии генерал-майора — и членом военного совета нашей 24-й армии, ставшей после Сталинградской битвы 4-й гвардейской. На фронте я не единожды слышал его интересные, эмоциональные выступления на армейских митингах и различных активах. Конечно, в те времена между нами пролегла «дистанция огромного размера», однако спустя много лет после войны, когда мы все стали седыми ветеранами, мне довелось познакомиться с ним ближе, более того, у нас сложились товарищеские отношения. Да с годами и разница в возрасте постепенно сглаживается — все мы становимся людьми немолодыми, и поскольку круг наших прежних друзей и знакомых неумолимо суживается, то невольно укрепляются связи с теми, естественно, представляющими известный интерес, знакомыми людьми, с которыми ранее они были гораздо менее прочные. И,

конечно, фронтовое прошлое играет в этом немалую роль: война, отложившая на каждом из нас, ее участников, свой неизгладимый отпечаток, с одной стороны, уравнивает нас, а с другой — своей общей причастностью к ней сводит в единое братство. Ну, разумеется, в этом сближении не последнее значение имеют духовная близость, общность интересов, единомыслие.

Вот так и сложились наши отношения с Дмитрием Трофимовичем. Мне очень приятно, что я, бывший журналист из дивизионной газеты, а потом радиохимик, вузовский преподаватель, вернувшийся, став пенсионером, к журналистике, сумел чем-то заинтересовать отставного генерала, человека, занимавшего в свое время весьма высокие посты, пережившего и взлеты, и падения, но не утратившего оптимизма, любви к науке, веру в справедливость и уважение к Человеку.

Летом 1994 года Дмитрий Трофимович позвонил мне из госпиталя, где он в то время находился на обследовании, и попросил, если я смогу, привезти ему бумагу и ручку, а то его запасы кончились. Домочадцы же его по разным причинам не могли этого сделать в ближайшие дни, а без дела он даже на больничной койке оставаться не мог.

Был теплый солнечный день, и мы пошли в парк, окружавший госпиталь, сели на скамейку и завели беседу. Сначала, как водится, поговорили о том, что творится в нашем беспокойном мире, посетовали на жизненные трудности, потом разговор перешел на последние телепередачи. Незадолго до этого Волкогонов говорил о Ленине, Коминтерне, что очень раздосадовало Шепилова.

— Ну, можно ли так говорить о Ленине, — возмущался Шепилов. — Ведь Ленин помимо всего прочего был великий ученый! Скромница. Всс, что мы знаем о Ленине, он с грязью смешал. В центре у него оказались чемоданы, набитые бриллиантами, которые всем раздавали. Это же черт знает что!

Вот с этого, собственно, и начался наш длинный, очень интересный разговор. Дмитрий Трофимович стал вспоминать

о своих встречах с известными людьми, делиться сохранившимися впечатлениями, давая при этом краткие, острые, образные комментарии в отношении этих лиц и событий.

Высокий, с седыми, немного волнистыми волосами, даже в байковой больничной пижаме с палкой в руке он и сейчас выглядел импозантно. Одновременно в нем чувствовались настоящая генеральская выправка и умение опытного дипломата держаться с достоинством. Его красивый, немного рокочущий баритон по-прежнему звучал чисто, речь лилась по-профессорски плавно, лишь изредка прерываясь, когда одна мысль набегала на другую. Однако пауза длилась недолго — профессиональная дисциплина возвращала беседу в прежнее русло. Дмитрий Трофимович не позволял себе нарушать строгий порядок речи, к которому его приучила за долгие годы жизни педагогическая, военная и государственная работа. Четкость мысли, ясность и образность выражений, отсутствие ненужных слов всегда отличали язык Шепилова.

Кое-что из услышанного в тот день мне удалось записать, и я решил попробовать воспроизвести это с минимальными, чисто редакционными поправками, никоим образом не нарушая стиль и эмоциональную окраску рассказанного. Слова очевидца, переданные, как говорится, «из первых рук», думаю, могут заинтересовать не только меня одного. Итак, из рассказов самого Шепилова.

О ТРОЦКОМ

С Троцким мне довелось встречаться несколько раз. Я слушал его и в большой аудитории, и на похоронах Ногина. Два или три раза в такой обстановке, когда слушателей было совсем мало. Когда вышла книжка «Новый быт», ее обсуждали в клубе Гознака. Помню, была сравнительно небольшая комната. Я оказался прямо около Троцкого. Он критиковал эту книжку, говорил: «Что автор пишет? Если мы сделали что-то не так, значит, мы плохо сделали Октябрьскую революцию?»

Говорил он без акцента, чуть-чуть, может быть, был, но не еврейский, а, как говорят, интеллигентский. И потом он любил запоминающиеся формулы. Однажды был спор — я тоже слышал — между Троцким и Бухариным относительно оценки Есенина. Троцкий безоговорочно признавал его крупным поэтом, Бухарин же считал его кулацким идеологом, все задавал вопросы Троцкому: в чем причина, что возобладало, почему он покончил с собой? Троцкий сформулировал это в нескольких словах: «Есенин — интимен, нежен, лиричен. Революция — публична, эпична, катастрофична». Это было в 1925 году, я отлично помню тот спор.

Или, например, к молодежи обращается — это уже на одном собрании было: «Грызите молодыми зубами гранит науки». Немного вычурно, но он это все время повторял, я тоже сам слышал. Не знаю, перенял ли у кого-нибудь это Троцкий, но не думаю. Это была его манера формулировать так кратко и очень сильно, чтобы надолго запоминалось своей необычностью.

Я никогда не был троцкистом, но, справедливости ради, должен сказать, что это был оратор выдающийся.

А вот Анатолий Васильевич Луначарский — у меня его книжка сохранилась, «Силуэты» называется, где он характеризует всех, — так тот даст очень высокую оценку Троцкому. Правда, с некоторой иронией, в смысле, что не должен был столь актерствовать. Ведь Троцкий, выступая, всегда смотрел в упор на слушателей, всегда больше думал о том, как сказанное им будет выглядеть в зеркале истории. Луначарский отличался от него. Блестящий тоже был оратор, но такой, знаете ли, литературно-художественный. Он не мог поднять массы, его просто слушали, сидя с открытыми ртами.

СТО СОРОК МИНУТ НАЕДИНЕ СО СТАЛИНЫМ

Сталина я видел много раз. Разумеется, слышал и его выступления. И была однажды беседа со мной, с глазу на глаз, когда он мне поручил учебник писать. Два часа двадцать минут шла беседа! И он ни разу не сел, ни разу. Эта беседа

была на «Ближней даче», в Кунцево, где он жил. Когдаходишь, у него там приемная такая была, раздевалка, и прямо дверь вела в столовую и гостиную. Слева — кабинет с большим письменным столом. Весь был завален — рукописи, газеты, книги в хаотическом состоянии, и кругом полки с книгами. Полки не полированные, хуже моих — у меня и стекла есть. Гостиная небольшая: торшер, два кресла и тоже кругом книги, книги...

А дело было так. Я был в театре. Мне утром позвонил Соловьев-Седой и говорит, что сегодня премьера его новой оперетты. «Я вас очень прошу, приходите, послушайте». Пришел я. Первое действие прошло благополучно. Второе действие — и только свет потушили, сзади шепотом: «Товарищ Шепилов, срочно выйдите, вас вызывают к телефону». Я вышел, дают мне трубку. Голос Поскребышева: «Позвони хозяину». Отвечаю: «Я в Театре оперетты, рядом с Моссоветом, — а этот театр был там, где сейчас Театр сатиры, — сейчас оттуда ему по вертушке позвоню». «Какая вертушка, он знает, где ты. Ему должно все это. Звони, он ждет у телефона». Я позвонил.

— Сталин.

Я говорю:

— Шепилов докладывает.

— Вы в театре?

— В театре, — отвечаю ему.

— Что-нибудь интересное?

— Вот, слушаю оперетту.

— Потолковать бы нужно. Вам не жалко оставить театр и ко мне приехать?

— Нет, — говорю, — не жалко.

— Ну, приезжайте. Позвоните, скажите Поскребышеву, он все организует.

Когда приехали, Сталин вышел в своем всегдашнем костюме, с карманами. Незадолго до смерти он всех потряс — коричневым, шоколадного цвета вельвет. Тоже с карманами, тот же покрой. Наши тыловики все изобретали: один костюм, другой — маршалский, потом — генералиссимусский. А

тут он заказал себе вельветовый, так что они все были удручены, обошли их. Только вместо сапог чулки у него были надеты и тапочки. Ну и, как всегда, с трубкой.

— Давайте пройдем сюда, здесь будет спокойней.

Мы зашли в маленькую комнату, заставленную книгами. Я сел в кресло, вытащил блокнот.

— Бросьте, не записывайте. Слушайте. Давайте подумаем.

И вот Сталин начал с того, что мы, мол, думаем сейчас проводить очень крупные мероприятия в народном хозяйстве. Это дело всенародное, но осуществить его можно только тогда, когда будешь знать экономические законы, понимать их. Не «комсомольские штучки», а эти законы должен знать весь народ. Я, говорит, поручил Леонтьеву (это был известный экономист) написать учебник, он подготовил несколько вариантов — не годятся. Вот, смотрите. И начал критиковать учебник Леонтьева.

— Вот, первоначальное накопление капитала. Зарождение капитализма. Смотрите, что он пишет. Даже термина «индустриальный период развития» нет. А Маркс как?

Подошел к полке и, видимо, даже не искал особенно. Вытаскивает такой толстый том. Я сразу вижу: Скворцов-Степанов. Старое издание, без переплета даже. Я-то знаю, скажи мне ночью — это XXIV глава первого тома «Капитала». Это общеизвестно. Но я все-таки полез в оглавление, нашел страницу. Он посмотрел туда сам.

— Смотрите, как у Маркса. — процитировал Маркса. — А Ленин как ставил вопрос? — И ушел.

Я сообразил, что основная библиотека у него была в той, левой комнате. Возвращается оттуда и несет толстую такую книгу. Я понял, что это «Развитие капитализма в России». Самый толстый том, помню. Прочитировал Ленина. Но — «не получается».

— А учебник нам нужен. Нашему народу нужен. Народ должен знать это, нельзя иначе перестраивать дело. Это нужно нашей партии, французской партии, итальянской партии. Всем нужно. Вот думаем поручить это вам. Возьметесь?

— Если справлюсь...

Ведь Леонтьев был грамотным экономистом. По его книжкам мы учились, но чего-то у него не получалось. Сумею ли?

— Ничего, ничего. Справитесь.

— Что ж, — говорю, — если нужно, постараюсь сделать.

— Помощь какая-нибудь нужна?

— Да, лучше бы, конечно. Одному писать это... А какой срок?

— Срок — год.

А это ведь вся история человечества, начиная с первобытнообщинного строя и до наших дней.

— К тому же срок такой...

— А кого вы предлагаете?

— Я бы не отстранял Леонтьева. Вы говорите, что у него есть несколько вариантов, — их надо оставить, использовать. Потом — академика Островитянова, Гатовского.

— Ну-ну, давайте свою фракцию.

Сталин же иначе не мог. Сразу — фракция, в случае чего. Нравы были такие. Берия. Ему написали о создании организации большевиков в Закавказье, а потом тех, кто писал, расстреляли, чтобы следов не осталось. Поэтому я сказал, что сейчас не готов на этот вопрос полностью ответить.

— Хорошо. Давайте до Политбюро подумайте, — попытожил Сталин.

Потом, на Политбюро, он сказал: «Вот, поручаем эту работу группе Шепилова. Надо их всем обеспечить и строго изолировать. В субботу вечером уезжать на «родительский день», а в понедельник быть на месте. И писать, писать. Через год положить учебник мне на стол».

Сталин повторил многое из того, о чем мы говорили у него на даче. Видимо, со мной у него какая-то репетиция была. Хотел, наверное, отработать то, что потом довольно подробно повторил членам Политбюро, рассказывая, что нужно, как нужно, чего нет у Леонтьева, и так далее.

Нам дали особняк, где раньше жила любовница Максима Горького, кажется, Горки-2, бывшее имение Мамонтова. Особняк мраморный, роскошный. К нам и человека из ЦК приставили, чтобы он заботился о нашем питании, транспорте и прочее.

Кабинет Горького с кроватью, где он умер, эту комнату мы не трогали, оставили. Напротив был кабинет Максима, сына его.

Мы писали усердно, точно по расписанию. С самого начала выработали режим. Иначе и нельзя было.

На Политбюро Сталин еще сказал (кстати, с моей подсказки):

— Я думаю, что для написания такого учебника, который вберет всю историю человечества, одного философа нужно добавить. Я бы, если не возражаете, предложил Юдина.

Павла Федоровича Юдина я хорошо знал, дружил с ним. Мы в одном доме с ним жили, хотя и в разных подъездах. Позднее он в Китае нашим послом был. Самостоятельных глав в учебнике у него не было, но он просматривал материал, делал, где нужно, вставки, советовал. Словом, весь год с нами проработал.

Вот так мы писали и каждую главу отправляли Сталину. Он нас вызывал, и мы обсуждали написанное. Иногда он сажал нас в калошу. И это удивительно, как в одном человеке такое могло сочетаться. Тиран, палач, столько миллионов людей загубил, столько крови пролил, и вдруг — ценитель и знаток искусства, литературы, истории. Порой он высказывался на сей счет так, что поистине удивлял нас.

Помню, как мы вдвоем с Юдиным были у Сталина по какому-то вопросу, не связанному с учебником. Он сказал:

— Нам, старым коммунистам, помогло то, что мы много времени проводили в тюрьмах, ссылках — и там много читали, учились.

И еще я помню: когда мы обсуждали главу учебника «Торговый капитал». Сталин делал замечания и вдруг говорит:

— Слушайте, а почему ничего нет о кхотах?

Мы молчим.

— Кхоты. Кхэты...

Мы опять молчим.

— Такое племя было. Как и финикийцы, они плавали по Средиземному морю, торговали. Ну, как можно писать главу о торговом капитале и не упомянуть о кхэтах?

Как мы потом сообразили, речь шла о хеттах — народе, жившем в XVIII — начале XII веков до нашей эры и соперничавшем с Египтом в борьбе за господство в Передней Азии...

РЕДАКТОР-ДИРИЖЕР

И еще один поворот в моей судьбе был, связанный со Сталиным. Мы сидим за городом, работаем над учебником по политэкономии. Дела идут, четыре главы уже готовы. И вдруг мне сообщают:

— Хозяин вызывает. — Меня одного. Я поехал к нему в Кремль, прошел прямо в кабинет Сталина, из которого можно было сразу пройти в его квартиру. Однако он там ни одного раза не ночевал после самоубийства Аллилуевой, все только на даче. Сталин говорит:

— Вот будет учебник. Мы развернем с ним работу. Сейчас уже к этому готовимся. То, что мы задумали, — дело всенародное. Нам нужно сейчас весь народ к этому привлекать. А как можно управлять народом? Что есть у партии, какое средство? Печать. А печать — это «Правда». Там сидит Поспелов. Не годится он для главного редактора. Он не вперед смотрит, а назад. Поэтому нельзя дальше так терпеть, надо менять главного редактора «Правды». Вот решили вас назначить.

— Но как же, товарищ Сталин, я ведь сижу с учебником, надо еще двенадцать глав написать.

— Ну, и что? Освобождать вас от этого не собираемся. И учебник будете продолжать писать, и «Правду» редактировать.

— Товарищ Сталин, вы ведь и журналист, в «Правде» работали. Знаете, что в «Правде» каждое слово — огонь.

Действительно, «Правда» была на таком положении — уж если она сказала, то ни опровергать, ни спорить. Это как в последней инстанции.

— Вы неправильно понимаете. Поспелов неверно понимал роль главного редактора. Вот вы и будете главным. Раньше этого не было — был ответственный редактор, а теперь — главный. Зачем Поспелов там торчит, я не знаю. Главный редактор должен дирижировать. Понимаете? Ди-ри-жи-ро-вать. Вы, ваши идеи должны создать обстановку. Вы дали указания, а они, ваши сотрудники, должны сидеть, работать. Вы же должны направлять, дирижировать. Пускай к вам приезжают.

— Но как, мы же за городом?

— Оставайтесь там. Если нужно, вызывайте. Дали указание — пусть сидят, работают. И вы работайте сами. Делайте, что вы наметили.

— Но все же, совмещать «Правду» с этой работой?..

— Совмещать, надо совмещать.

Сталин и тут опять удивил меня. Говорит:

— Возьмите себе хорошего заместителя. Вам нравится Поспелов — пожалуйста, берите его, нам не жалко. Нет. В газете главную роль, исполнительскую роль играет секретарь. Нет, лучше два секретаря: пока один готовит сегодняшний номер, второй выпался, встал, побрился, у него хорошее настроение. Позавтракал, гуляет и думает о следующем номере. Поэтому возьмите себе двух хороших секретарей. Я не возражаю, пускай будет заместитель, но генеральный штаб — это они. А вы только дирижировать, управлять должны.

Так я и трудился, сидя на даче. Ко мне приезжали, я уезжал, проводил в редакции летучку, давал указания и снова возвращался писать учебник.

Сразу после смерти Сталина я перебрался в Москву. Тяжело, невероятно тяжело было уезжать из Горок, где

Заседание редколлегии "Правды" ведет ее главный редактор Д. Шепилов.

так хорошо работалось. Я был и автором учебника, и главным редактором главной газеты. Можно было углубить свои знания. Маркс, другие классические труды... В свое время я кончил Институт красной профессуры, занимался философией, политэкономией, и сейчас снова получил возможность заниматься любимым делом. Здесь за городом тишина, покой, никто и ничто не мешает. Можно спокойно работать, и вдруг опять такой поворот... Но делать было нечего, приходилось перестраивать весь режим своей работы.

...Время за беседой шло незаметно. Мы с Дмитрием Трофимовичем то сидели на скамейке в тени больших старых деревьев, то вставали и делали небольшой круг по аллеям парка. Шепилов тяжело опирался на палку.

— Упал я тут, знаете, в холле — не заметил ступеньку. Вот нога и болит. Глаза-то у меня плохие стали. Писать все труднее становится. Никак не могу закончить.

Шепилов давно уже начал писать воспоминания. Он мне как-то показывал 16 папок с рукописью, которую с нетерпением ожидали не только у нас в России. Еще за несколько лет до этого в журнале «Знамя» его книга была обещана читателям, но работа над ней все затягивалась.

— Осталось немного, — говорил мне он, медленно ступая по аллее. — Думаю скоро завершить. Дурацкая привычка: вдруг видишь, что можно лучше сформулировать, вот и переделываешь. Вы же человек пишущий, знаете. Я себе дал слово с самого начала, что буду писать правду. Только правду. Так и пишу.

Оставшись «последним из могикан», он хранил в своей памяти и личных архивах многое из того, о чем никто уже больше не сможет ни вспомнить, ни рассказать.

— У меня раньше была одна знакомая архивистка, — сказал Шепилов. — Очень честная, хорошая, добросовестная одинокая женщина. Ей можно было полностью доверять. Так я ей многие страницы передавал на хранение. Там были такие места, что если бы в свое время они попали к Берии, то я с вами сейчас не разговаривал бы... Старушка эта потом умерла, и все эти страницы вернулись ко мне в целости.

Шепилов помолчал немного. Мы подошли к удобной скамейке и снова сели.

— И журнал, и издательства все время просят, требуют: дайте хоть кусок, хоть главу. Не хочу! Почему кусок? Какой кусок? Какой период? Нет! Книга должна быть отдана на суд читателей целиком. Вся. Но издать ее, как считают, будет стоить миллионов 25 — 30, не меньше. Последнее время почему-то в Канаде заинтересовались моей работой. Пристают: издадим в двадцати странах, гонорар будете получать в валюте. Давайте только рукопись скорей. А ведь там 40 печатных листов. Основные главы у меня готовы, остается лишь доделать конец, а это еще, наверное, две главы будет.

Появилась женщина в белом медицинском халате. Обращаясь к медленно бродившим людям в одинаковых коричневых байковых пижамах, напоминала:

— Довольно гулять. Скоро обед. Собирайтесь.

— Конечно, за границей и быстрее, и лучше сделают, — словно продолжая свою мысль, произнес Шепилов, — но надо, чтобы книга сначала дома вышла. Хотя я еще твердо никому не обещал. Надо сначала закончить. Завершить, — повторил он.

Опираясь на палку, Шепилов медленными шагами шел к госпитальному корпусу. Чувствовалось, что наш разговор и взволновал его — он живо снова переживал все то, о чем мне рассказывал, — и в то же время утомил. Пора было расставаться.

Действительно, кто еще из ныне живущих может поделиться своими впечатлениями о встречах с Троцким и Луначарским, Сталиным и Молотовым, своими воспоминаниями о большом периоде в жизни страны, когда решалась судьба нашего Отечества?

19 апреля 1995 года Дмитрий Трофимович прочитал этот материал и дал свое согласие на его публикацию. 18 августа его не стало. Выступая на гражданской панихиде в Академии наук, академик Абалкин сказал: «Для экономистов старшего поколения имя Дмитрия Трофимовича Шепилова неразрывно связано с выходом первого учебника «Политическая экономия». Оценивать его достоинства и недостатки надо отнюдь не по сегодняшним меркам, а в соответствии с логикой развития науки — с движения от незнания к знанию, от менее полного знания к более целостному и современному. Для своего времени, а это было в самом начале 50-х годов, выход учебника явился крупным научным событием. Его изучение позволило поднять экономическую культуру буквально миллионов граждан. И в этом одна из заслуг Дмитрия Трофимовича Шепилова».

ОН НЕ МОГ ПО-ДРУГОМУ

(Беседа с академиком Леонидом Абалкиным)

— Леонид Иванович, насколько близко вы были знакомы с деятельностью Дмитрия Трофимовича Шепилова, и что особенно запомнилось?

— Особенность моих воспоминаний в том, что я принадлежу, конечно, к совершенно иной формации, чем Дмитрий Трофимович. Когда он стал известен в науке, прежде всего среди ученых-педагогов, занятых проблемами политэкономии, и шла подготовка первого комплексного учебника по политэкономии, я был еще студентом, потом молодым преподавателем. По этой книге я начал вести работу уже со следующим поколением молодежи. Поэтому первое, что я хотел бы сказать, конечно, связано с этим фундаментальным трудом, который появился в начале 50-х годов после нескольких предыдущих попыток.

Зная историю становления этой науки, могу сказать, что примерно с середины тридцатых годов предпринимались попытки создать целостный учебник по политической экономии современного типа, без которого очень трудно представить себе экономическое образование огромной страны, различных слоев ее населения. И вот наконец такой учебник родился, и его создание имело непосредственное отношение к деятельности Дмитрия Трофимовича и как ученого, и как организатора. Ведь в авторском коллективе должен был быть какой-то стержень, какое-то связующее звено, которое бы обеспечило завершение этой кропотливой работы, выход учебника в свет и последующее его общественное признание.

Так что первые мои воспоминания относятся к тому периоду времени, и это не личные воспоминания, а как бы заочные, но отнюдь не менее существенные.

Сейчас, оглядываясь на далекое прошлое с учетом обретенных жизненного опыта и мудрости, я должен подчеркнуть, что мы недооцениваем многого. У нас есть

дурная привычка умалять заслуги, научный вклад наших предшественников. Это очень нехорошая, я бы сказал, черта характера многих современников. Если человек хочет возвыситься как подлинный ученый, или государственный деятель, он должен опираться на весь опыт своих предшественников. Чтобы завоевать уважение, он действительно обязан подняться на достаточно большую нравственную высоту, а это, к сожалению, дано не каждому. Поэтому, понимая, что нельзя современными мерками измерять события полувековой давности, а тем более события, уходящие в глубь веков, следует сказать, что Дмитрий Трофимович относится, разумеется, к числу очень крупных общественных деятелей и ученых своего времени, и это должно быть оценено нами должным образом. Конечно, мы далеко продвинулись вперед в научной области, но, тем не менее, каждое время имело свои закономерности, ступени роста.

Более поздние мои воспоминания о Шепилове — уже как о государственном, политическом деятеле. Я знаю, хотя и не так много, о его деятельности в качестве министра иностранных дел. Очень важно и поучительно сегодня, что он принадлежал к той прекрасной когорте людей (я не хочу выделять его особо), которые всегда отдавали приоритет защите наших национальных интересов, причем умели делать это в сложных условиях мирового противоборства. Так уж устроена жизнь: политическая деятельность — это не только взаимные улыбки на телеэкране, пожатия рук и похлопывания по плечу. Это еще и сложная, достаточно тонкая, мудрая, гибкая линия поведения. Здесь требуются четкое понимание высших приоритетов, национальных ценностей, державных интересов, умение достойно служить своей стране, выверяя каждое свое действие, каждый практический шаг.

Мне кажется, что Шепилов в полной мере проявил эти прекрасные качества, а именно: осознание важности национальных интересов нашего государства (тогда

Советского Союза), способность находить решения в непростых ситуациях. Этому способствовали и черты его индивидуальной личности: умение расположить к себе и проявить, когда нужно, твердость — но без злобы, давления, насилия, а опираясь на мудрость, логику, аргументированность. Именно умение работать с людьми и убеждать их в своей правоте, умение отстаивать свою принципиальную позицию — думаю, это было в нем самым главным.

— *Лично вам с ним все-таки доводилось встречаться?*

— Это уже связано с последним десятилетием в его жизни, когда мы встретились с ним непосредственно, в Институте экономики Академии наук. Он до конца своих дней оставался ветераном нашего института, и мы часто встречались здесь, обсуждали с ним многие вопросы. Несмотря на преклонный возраст Дмитрия Трофимовича, я тоже чувствовал в нем удивительно живой ум, чуткое восприятие ставящихся на обсуждение проблем, умение вычленить какие-то аспекты и нюансы, которые для других оставались незаметными. Хотя Дмитрий Трофимович не так часто и многословно выступал, но мы с ним постоянно обменивались мнениями по каким-то вопросам экономической жизни, достаточно тонким. И я скажу, что этот человек — много проживший, внешне усталый, может быть, не всегда физически крепко себя ощущавший — обладал потрясающе светлым умом. Он совершенно адекватно реагировал на новую постановку вопроса, в нем отсутствовала какая-либо догматическая зашоренность, зачастую присущая людям в его возрасте. Вот этот огромный интеллект, гибкий и восприимчивый к новым идеям, думаю, и дает право отнести его к числу выдающихся представителей отечественной науки и российской интеллигенции XX века. Жаль только, что ему не дали возможности полностью раскрыть свой творческий потенциал при жизни. Это трагедия многих наших людей, но страна, которая рождает таких людей, должна ими гордиться.

На XX съезде КПСС. Слева направо: Д.Шепилов, писатели А.Корнейчук, М.Шолохов, А.Сурков, Мустай Карим.

— В этой связи, Леонид Иванович, я слышал, что у Дмитрия Трофимовича Шепилова уже была своего рода программа широких преобразований в стране, необходимость в которых назрела ко второй половине 50-х годов. В чем она заключалась, какой виделась эта его программа?

— Я затрудняюсь точно об этом сказать. Действительно, необходимость серьезных перемен ощущалась уже в середине и во второй половине 50-х, что связано с большими событиями в политической жизни страны в тот период, включая XX съезд КПСС. Активное участие Шепилова никогда не афишировалось, хотя специалисты знают его существенную роль в подготовке доклада Хрущева на XX съезде и так называемого второго — закрытого — доклада. Поэтому косвенно можно судить о его программе по документам съезда. И там был ряд достаточно радикальных предложений, касающихся и разрыва со старым, и перехода к новым — если пользоваться нынешней терминологией — демократическим преобразованиям в общественной жизни.

Это был период резкого оживления нашей научной и творческой жизни, появления массы новых институтов и журналов экономического профиля. Началось восстановление исторической памяти, выплывали из забвения имена наших лучших мыслителей конца XIX и начала XX веков. Это те реформы, которые начались на первом этапе деятельности Никиты Сергеевича Хрущева. Но они продолжались и в последующем, в том числе по преодолению бедственного положения в сельском хозяйстве.

Но события развернулись так, что вскоре без особых обоснований Дмитрий Трофимович оказался причислен к так называемой «антипартийной группе». Его вынудили уйти из активной политической жизни. И что тоже очень важно: в отличие от многих современных событий (человек, уходящий с политической арены или из команды президента, начинает уже через месяц выступать с заявлениями, трясти грязное белье публично — это мы сегодня видим, к сожалению, часто, и мне даже не хочется называть имена этих людей), тогда внутренний этический принцип очень сильно присутствовал у наших высокопоставленных деятелей. Потому Дмитрий Трофимович тоже считал неэтичным вытаскивать или разоблачать всю эту закулисную политическую борьбу, или начинать бить себя в грудь после, скажем, освобождения Хрущева от должности, доказывая, что он был прав, и так далее. Это просто не принято у людей с высокими моральными качествами, и поэтому Дмитрий Трофимович избегал разговоров на эту тему. Это был у него такой внутренний сдерживающий тормоз.

Повторяю, тут есть важный элемент деликатности. Ну, изображать себя, спустя десятилетия, автором хрущевских идей — это неприлично. В конце концов, первый секретарь (генеральный секретарь или президент) всегда в состоянии привлечь весь интеллект нации, отобрать наиболее важные идеи и потом провозгласить их от своего имени, и никто не вправе сказать, что вот я ему все подсказал да помог.

Но я говорил ему:

— Все-таки, Дмитрий Трофимович, вы как-то должны об этом напомнить. Ведь последующие поколения должны знать правду не только одностороннюю. Тут важно не только изучение архивных документов, но и многое из того, что в документах просто не отражено. Допустим, впечатления живых участников тех событий, их оценки того времени и сегодняшних дней.

— Да, я понимаю, — соглашался Шепилов. — Вот я сейчас работаю над книгой воспоминаний.

Действительно, это была его заветная мечта: закончить книгу, которую начал писать. И он неоднократно возвращался к уже написанным главам. Судя по всему, будучи дотошным в отборе фактов — а ему было свойственно стремление к максимальной достоверности, объективности, он не очень спешил или ему не хватало времени. Вот книга и осталась незавершенной. И я думаю, нравственный долг тех, кто знал Дмитрия Трофимовича Шепилова и кто имеет хоть какую-то возможность для этого — попытаться собрать сохранившиеся материалы, заготовки или рукописи (ибо пока неясно, что все-таки осталось) и сделать их достоянием общественности.

— Тут напрашивается такой вопрос: поскольку у Дмитрия Трофимовича Шепилова, члена-корреспондента Академии наук, имелись, как я слышал, десятки научных трудов, и пока неизвестно, найдутся его рукописи воспоминаний или нет, возможно ли, независимо от этого, издание тех его научных работ, что сохранились?

— Возможно и это. Хотя надо провести большую предварительную работу. Речь тут, естественно, должна идти не о количестве, а о том, насколько эти работы актуальны сегодня. Думаю, что среди ученых-экономистов найдутся приверженцы, последователи Шепилова, которые сумеют собрать, отфильтровать его научные труды и подготовят к печати. Что касается помощи с моей стороны, то за этим дело не станет. Но подчеркиваю: такая публикация все равно

не представит личность Дмитрия Трофимовича в той мере, в какой можно было ожидать от книги его воспоминаний.

— *Леонид Иванович, я хотел бы вернуться еще в 1957 год. Как ученый, государственный и общественный деятель, вы не могли не вникать пристально в те события, что происходили летом того года. На ваш взгляд, в чем, может быть, была роковая ошибка Шепилова и как на самом деле все обстояло? Ведь одно дело — публикации, другое — информация от живых свидетелей. Вы ведь, если даже и не были участником тех событий, все же наверняка интересовались происходящим, не ограничиваясь только официальной версией?*

— Если вернуться в то время, надо сказать, что мы находились в четком информационном пространстве, когда шла однозначная официальная информация и поддержка определенной линии была естественной реакцией на те сообщения. Причем, здесь надо отделить положение Дмитрия Трофимовича от постановки вопроса в целом. Дело в том, что при всей сложности и противоречивости характера Никиты Сергеевича Хрущева, нельзя забывать, что все-таки перелом начался с него: разрыв с прошлым, с тоталитарной системой, с культом личности, с массовыми репрессиями. Его популярность в те годы — 1956 и 1957 — была очень высока среди наших граждан. Я помню те времена, когда люди начали возвращаться после десяти или двадцати лет пребывания в лагерях и как они хорошо отзывались о Хрущеве.

Могут сказать, что тогда было очень много и анекдотов о Никите Сергеевиче. Помню, однако, как крайне негативно воспринимался любой анекдот человеком, вернувшимся из лагерей и реабилитированным впоследствии. Эти люди не могли даже шутить, и для них Хрущев был освободителем, своего рода кумиром. И поэтому, когда группа высокопоставленных лиц, во многом, как сегодня очевидно, причастных к преступным действиям сталинского режима, выступила против Хрущева, то в массовом сознании она, действительно, была антипартийной и, если хотите.

антинародной. Это на самом деле так, несмотря на все противоречивые поступки самого Хрущева, его непоследовательность и взбалмошность натуры, склонность ко всяческим пертурбациям. Тем не менее, по-крупному почти все было за него. И все и тогда не хотели возврата к старому.

Но Дмитрий Трофимович тоже был близким к Хрущеву человеком, собственно, одним их авторов его исторического доклада. Конечно же, Шепилов своим интеллектом как бы подпитывал Никиту Сергеевича и потому сыграл немалую роль в этом обновлении общества — был на стороне тех, кто боролся с остатками старого режима.

В чем заключалась его трагедия? Может быть, сказалась повышенная интеллигентность. Выступая на стороне Хрущева, он, естественно, был против того, чтобы тот начал расправляться со своими противниками старыми методами: выгонять из партии, исключать, отторгать и так далее. Он говорил: «Если мы хотим идти к новому, то должны быть терпимы, более человечны.» Однако он как бы выступал и в защиту этой «антипартийной» группы людей — но не с точки зрения отстаивания их позиций, а с пониманием и уважением принципов гражданственности. В том смысле, что за их добрые или плохие дела каждому нужно воздавать по заслугам, причем делать это, как теперь говорится, в цивилизованной форме, уважительно. И вот этот его принципиальный подход и был воспринят Хрущевым как какое-то предательство: «А, и ты — с ними?!» Поэтому, с одной стороны, Дмитрий Трофимович пал жертвой своей высокой интеллигентности, с другой — из-за вспыльчивости, жестокости, противоречивости характера самого Никиты Сергеевича Хрущева.

— *Все-таки политика вообще игра тонкая. А в большой политике, видимо, даже обладая исключительной честностью и имея огромное желание оставаться таким — в истории немало тому примеров, — нужно еще и особое умение вести эту игру? Ради большого дела.*

— Это сложный, философский вопрос. О нем продолжают дискутировать по сей день. Вот вы обращались и к моему опыту участия, правда, недолгого, в политической жизни и в структурах государственной власти — в составе правительства. Прошло уже немало времени с тех пор, но, постоянно встречаясь, скажем, с Николаем Ивановичем Рыжковым, мы продолжаем с ним спорить на эту философскую тему: допустимо ли в политике ради определенных, достаточно важных целей идти на сделку со своей совестью? Да даже ради высоких идеалов? Где-то это сделка с совестью, где-то перешагнуть некие моральные барьеры. А почему, дескать, когда там-то и там-то начали кричать против Рыжкова, поливать грязью не гнушаясь ложью, почему нельзя в ответ действовать такими же методами? И на этот вопрос до сих пор нет ответа.

Повторяю, это большой философский вопрос. Я придерживаюсь более радикальных позиций, но хочу сказать, что никогда, ни при каких условиях, никакие политические цели и интересы, даже самые высокие, не могут оправдать морального предательства, сделки с совестью. Могу утверждать, что такое понимание восходит к истокам российской культуры, духовности, включая «слезу ребенка» Достоевского. И оно должно так восприниматься. Иначе, начав где-то с небольшого — допустим, я промолчу о чем-то, спрячусь в кусты, пойду на сделку с совестью — потом трудно будет остановиться. Можно перевероршить всю историю и найти немало примеров того, как иные деятели, сделав сначала первый шаг в этом направлении, потом опускались на дно, когда ради неких политических символов, реальных или мнимых, приносили в жертву свои убеждения, моральные принципы и многое другое.

Вопрос сложный, но я в большей степени считаю, что Дмитрий Трофимович был прав, когда он не промолчал.

— *По-другому он не мог поступить?*

— С моей точки зрения, не мог и не должен был поступать иначе, будучи, повторяю, истинным представи-

телем отечественной науки и российской интеллигенции. В противном случае, он бы был другим человеком. И кто знает, как сложился бы тогда его дальнейший путь и сохранилась бы сегодня память о нем, как о честном человеке. Он же проявил честность и элемент жертвенности во имя, так сказать, чистоты духа, верности своим убеждениям. Ну, что же, многие люди большой духовной культуры стали жертвами. К сожалению, не единицы.

— *Леонид Иванович, вы ведь с Дмитрием Трофимовичем работали в последнее время и, видимо, даже в одной партийной ячейке состояли после его восстановления в партии. Как вы считаете, за что Шепилова исключили даже из рядов КПСС, — помимо того, что он был причислен к антипартийной группе? Может, он допустил какое-либо серьезное нарушение устава или программы партии?*

— Никакого нарушения не было. Если, конечно, не считать несогласие в чем-то с первым лицом в партии, который сам грубо нарушил уставные требования. Ведь тогда, в 1957 году, речь шла не о том, что Шепилов оспаривал какое-то решение, принятое коллективно. Нет, он высказал свое мнение до принятия решения, в процессе его обсуждения, что полностью соответствовало уставу партии и того времени, и последующих лет: полная свобода обмена мнениями до принятия любых решений.

— *Вы говорили, что, встречаясь с Дмитрием Трофимовичем, затрагивали разные темы. А вот каким было его отношение к преобразованиям в стране, начиная с 1985 года и особенно в последнее время?*

— В принципе он поддерживал те начинания, которые пошли у нас с 85-го. Но если уж быть совершенно объективным, то надо сказать, что началось это несколько раньше, с приходом к власти Юрия Владимировича Андропова, которого мы тоже неоправданно забываем. Остро ощущая необходимость назревших преобразований, Андропов успел сделать многое за остававшиеся ему месяцы жизни. Начал формировать команду, привлек к

руководящей работе и Горбачева, и Рыжкова, в последующем лидеров перестройки.

Затем уже, с учетом того, что мы знаем о жизни и здоровье Андропова и Черненко, перестроечные процессы главным образом связаны с именем Горбачева, его замыслами. Во всяком случае, те первоначальные замыслы Дмитрий Трофимович разделял, поддерживал. Здесь мы с ним были единомышленны в оценках. Он приветствовал эти перемены, как достаточно прогрессивные, перспективные. Но они потом захлебнулись — и это уже другая история.

Что же касается перехода к преобразованиям либерального толка, то он, как достаточно осторожный человек, критически воспринимал многое из того, что затевалось. И здесь мы с ним находили общее понимание, ибо я вовсе не по каким-то конъюнктурным соображениям с 1992 года и дальше говорил о том, что мы пошли не тем путем, что выбранный курс обвальная либерализация, приватизации экономики не продуман, несостоятелен в научном плане и неизбежно приведет лишь к разрушительным последствиям, что и подтвердилось полностью ходом нынешнего развития событий.

И здесь тоже, я думаю, мои с Дмитрием Трофимовичем взгляды сходились. В силу, может быть, возраста и состояния здоровья, он так активно не высказывался в негативном плане. Однако в личном контакте мы чувствовали, что мозги у каждого из нас настроены «на одну волну» — мы мыслим одинаково, хотя, естественно, какое-то своеобразие представлений о том, что происходит, имелось. Но если бы сверили по камертону тональность наших оценок, то они у нас в принципе совпадали.

Беседу вел Михаил Ложников

ГЛАВНЫЙ ПРАВДИСТ

Аскольд Макаров

МНЕ ХОЧЕТСЯ СНЯТЬ ШЛЯПУ...

При упоминании имени Дмитрия Трофимовича Шепилова мне действительно хочется, в знак почтения и памяти о нем, снять шляпу и поклониться. Читателям, быть может, покажется странным, но вольно или невольно именно он сыграл значительную роль в творческой судьбе многих артистов Государственного академического театра оперы и балета имени С.М.Кирова тогдашнего Ленинграда.

Начну с моего знакомства с ним. Это произошло в 1954 году в чешском городе Карловы-Вары, в санатории «Империал», который тогда был в распоряжении Минздрава СССР, и лечились в нем многие советские граждане. В их числе был и я. Мне посчастливилось там же познакомиться со многими интереснейшими людьми. И вдруг появляется человек с удивительно впечатляющей внешностью. Я попросил меня представить — это и был главный редактор газеты «Правда».

Карловы-Вары — красивейшее место, и основное времяпрепровождение там — это прогулки в горы и по разным достопримечательностям, сопровождаемые, если можно, интересными беседами на различные темы. Надо сказать, что Шепилов был чрезвычайно интересным собеседником. Не было предмета разговора, о котором он не был бы осведомлен.

И вот однажды я рассказал ему о тяжелой обстановке в Кировском театре, о сложностях молодых артистов балета. Шепилов меня внимательно выслушал и сказал: «А вы напишите нам статью об этом в «Правду». По возвращении в Ленинград мы — то есть Зубковский, Шатилов и я —

У входа в санаторий «Империл», Карловы-Вары (Чехословакия), 1954 год. Слева направо: А.Макаров, Д.Шенилов, председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков и его жена Клавдия Андреевна, отдыхающая в санатории (фамилия не установлена), композитор Арам Хачатурян с супругой.

подготовили статью, озаглавленную «Что мешает росту молодежи». И отправили ее в «Правду».

Надо сказать, что руководителем балета был Константин Михайлович Сергеев. Хороший танцовщик, он основные партии танцевал сам, не доверяя и затирая молодых исполнителей, считая, видимо, балет своей вотчиной. Всех нас он держал в страхе и повиновении. Но по поводу нашей статьи случился грандиозный скандал.

Дело было так. Позднее я приехал в Москву и только переступил порог кабинета главного редактора «Правды», как Дмитрий Трофимович бросил мне обвинение — почему мы отозвали свою статью, почему отказались от публикации? Я ему прямо ответил, что мы вовсе не отказывались, и ждем не дождемся ее выхода.

Уже в Ленинграде я узнал, что произошло на самом деле.

Газета «Правда» была органом ЦК партии, и без тщательной проверки изложенных фактов статьи не публиковались. Из ЦК сразу позвонили тогдашнему первому секретарю обкома Козлову. Он вызвал Сергеева и сообщил о нашей статье. Оправдываясь, тот заверил, что все исправит, но что статья клеветническая — в общем, просил не публиковать ее. И — все в театре оставалось по-прежнему. Однако после моего разговора с Шепиловым в Москве статья вышла-таки, и это произвело впечатление взорвавшейся бомбы.

Читали ее у нас все — кто украдкой в туалете, кто открыто выражая свое мнение. Министерство культуры и ЦК партии настаивали, чтобы состоялось обсуждение статьи на общем собрании. Оно и состоялось. Первым хотел взять слово Сергеев, но заместитель министра культуры Кеменев весьма тактично предложил сначала заслушать коллектив. Собрание проходило бурно, откровенно. Очевидно, мы сумели выразить в статье то, что уже давно накопело в душах людей, но они боялись об этом прямо говорить.

Результаты были потрясающие. Директором был назначен Федор Васильевич Лопухов — человек, пользовавшийся у нас большим авторитетом. Открылась наконец дорога молодым талантливым исполнителям. Художественным же руководителем был назначен тогда еще совсем молодой Юрий Николаевич Григорович — и он блестяще поставил потом балет «Спартак». Федор Васильевич доверил Якобсону поставить балет «Каменный цветок», Сергееву — спектакль «Тропою грома».

Воспрянула балетная молодежь. Это был подлинный расцвет работы нашего театра. За все тридцать лет моей работы в нем я не припомню такого творческого подъема. Каждый спектакль становился крупным событием в театральной жизни не только Ленинграда, но и в стране и за рубежом.

Пал «железный занавес» после смерти Сталина. Популярность Григоровича стала такой, что Чулаки (директор ГАБТа) забрал его к себе. Стали широко известны имена М.Семенова, В.Семенова, Кожуховой, Гельцер, Корень, Ермолаева и, конечно, Г.С.Улановой. И их тоже вскоре взяли в Большой театр, где благодаря Григоровичу выросли другие артисты с мировым именем: Васильев с Максимовой, Бессмертнова, Лиела.

«Вырос» тем временем и Шепилов. В 1957 году он приезжал в Ленинград вместе с Тито. По просьбе Дмитрия Трофимовича, впервые для членов правительства в спектакле «Спящая красавица» ведущие партии исполнили молодые артисты. Спектакль он похвалил — и это тоже способствовало их дальнейшей карьере.

А мы с Дмитрием Трофимовичем подружились. Приезжая в Москву, я звонил, и мы встречались, когда он сам был в столице. Бывал и на его казенной даче, дома, хорошо знал жену Марьяну Михайловну, дочь Викторию. Знал, как радовался Дмитрий Трофимович появлению внука Димы.

В годы его ссылки в Киргизию мы случайно встретились в Сочи. Некоторые тогда сторонились встреч с ним, но мне хотелось, чтобы нас видели вместе все. Мы сидели на скамейках, обедали вместе в ресторане «Горка». Очень долго и хорошо беседовали.

Встречались и после возвращения его в Москву, где Дмитрий Трофимович работал в госархиве. Я был в его маленьких двух комнатках на Кутузовском — и всегда ощущал теплоту его приема. Приезжая на гастроли, я всегда звал на спектакль, и он откликался охотно, благодарил, а иногда и давал ценные советы.

Меня очень огорчала данная ему Хрущевым кличка — «примкнувший». Шепилову я очень благодарен за то, что он помог мне поступить в Академию общественных наук, написать реферат. И делал это с такой бескорыстностью, такой охотой.

Из всех знакомых мне людей — самой яркой, эрудированной, умной, доброжелательной личностью был именно Дмитрий Трофимович. Я счастлив, что был с ним знаком.

Эмма Рыжова

ПОКА МЫ ПОМНИМ — ЧЕЛОВЕК ЖИВ

«Шпилов Д.Т., пятидесяти лет, поступил в 7-й специализированный корпус больницы имени С.И.Боткина летом 1957 года по поводу болезни 12-перстной кишки в стадии обострения. Состояние больного было крайне подавленное. Только что перенес большую психическую травму. Кроме язвы 12-перстной кишки, при обследовании уже в больнице была диагностирована желчно-каменная болезнь».

Очень много причин мешало тогда скорому выздоровлению больного. Дмитрий Трофимович находился в одноместной палате на втором этаже, окна выходили во двор. Снаружи по громкоговорителю то и дело передавалась речь Хрущева об «антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шпилова». Последнего Хрущев называл не иначе, как «политической проституткой».

Мало того, за окном часто появлялась неизвестная женщина, и в палату доносились ее слова: «Дмитрий Трофимович, вас отравят, вас уничтожат в больнице». Все это травмировало Шпилова. Он плохо спал, случались головные боли, а иногда и боли в области сердца.

В это же время в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На первом этаже больничного корпуса были госпитализированы заболевшие участники форума. А были среди них и журналисты, которые, узнав, что рядом находится человек с громким именем, бесцеремонно

охотились за Шепиловым, и медперсоналу приходилось отражать их атаки.

После двухмесячного лечения мне с трудом удалось направить Дмитрия Трофимовича в реабилитационное отделение одного из подмосковных санаториев, язва зарубцевалась. Но оттуда его немедленно выслали в Киргизию.

А спустя полтора года была проведена операция по удалению желчного пузыря у Шепилова. И сделал ее в возглавляемом им институте знаменитый хирург А.А.Вишневецкий, лично знавший Дмитрия Трофимовича.

Я же, спустя даже сорок лет, как сейчас помню те дни, когда в нашей больнице лечился этот удивительный человек. Впрочем, не я одна, а весь наш медицинский персонал проникся искренним уважением к Шепилову. Красивый, умный, добрый, он всех притягивал к себе, и при этом поражали его удивительная скромность, обходительность. А мое знакомство с ним вылилось в хорошую дружбу.

В палату Дмитрия Трофимовича я часто приносила книги. Мы вместе их прочитывали, а потом делились впечатлениями. У него всегда было свое, нестандартное толкование о любом прочитанном произведении.

Конечно же, не могли мы не обратиться к книгам получивших в то время широкую популярность Фейхтвангера, Ремарка. Анализируя их, Дмитрий Трофимович говорил, что в героях этих романов верно отражены и общественный строй, и время, когда они жили.

Я испытывала настоящее счастье, бывая с ним в театрах и на концертах. Радость же была вдвойне, когда он, истинный знаток, помогал понять смысл увиденного и услышанного на сцене.

Помню, с Дмитрием Трофимовичем я впервые смотрела балет Хачатуряна «Спартак» в Большом театре. После мы долго говорили о просмотренном спектакле. Глубоко в душу запали мне его высказывания, раскрывшие саму суть этой балетной постановки.

«Музыка «Спартака», — сказал Дмитрий Трофимович, — это что-то необычайно значительное, волнующее, глубокое, прекрасное. Используя всю палитру музыкальных красок, композитор мастерски изображает сложнейшие исторические события в ходе бурной смены одной социально-экономической формации другой, столкновения самых противоречивых чувств и страстей. Музыка передает победоносное ликование и глубокую скорбь, свет и мрак; давящую тяжесть римских легионов и неукротимую мощь восставших; благородство духа и сатанинское коварство; неумную страсть и глубокую нежность; беспредельный героизм борцов за свободу и низменное пресмыкательство предателя; отвратительную похоть растленных патрициев и светозарную любовь вождя угнетенных; испепеляющую вакханалию чувств и рассудительные действия; фантастическую роскошь властителей и безмерную нищету массы рабов; самоустремление во имя великих идеалов свободы и презренное корыстолюбие; тяжкие страдания и сладость победы.

Вся гамма волшебных музыкальных средств использована для того, чтобы обрисовать Рим с его глубочайшими противоречиями и классовым антагонизмом. Рим периода разложения и упадка, когда восстание рабов являлось грозным предзнаменованием неизбежной гибели рабовладельческого строя, до конца исчерпавшего заложенные в нем возможности прогрессивного развития.

Я думаю, что музыка «Спартака» займет свое достойное место в сокровищнице музыкальной культуры и будет принята на вооружение в нашем художественно-идейном арсенале».

Эта запись сделана мною в мае 1958 года.

Мы вместе слушали концерты симфонической музыки в Большом зале Московской консерватории, и опять я удивлялась глубокому знанию музыки Щепиловым. Обожал он и оперу, сам неплохо пел романсы и арии. Голос у него был красивый — бархатистый баритон, речь хорошо модулирована.

Как-то Дмитрий Трофимович признался:

— Я хотел бы быть кремирован и чтобы пепел разбросали у подъезда Большого театра.

А еще мне запомнилось совместное посещение дома Толстого. Это тоже произвело на меня большое впечатление. И здесь он чувствовал себя как дома. Он знал практически всех, кто когда-то бывал в этом доме: музыкантов, которые играли на пианино, художников, подаривших писателю свои живописные произведения.

Уже будучи в преклонном возрасте, Дмитрий Трофимович все делал сам по хозяйству. Нелегко было ему в жизни, тяжелейшие испытания пришлось пережить, но он, если видел и чувствовал, что близкий ему человек, друг нуждается в его помощи, всегда спешил на выручку, несмотря ни на что.

Я благодарна судьбе за то, что был у меня такой интереснейший пациент, за многолетнюю дружбу с ним. Пока мы помним человека, он живет с нами.

Лидия Никифорова-Русинова

«ВСЕ ПРЕКРАСНО, НО ЗАЧЕМ ЭТОТ ВЫСТРЕЛ?»

Когда в мир иной ушли дорогие нам люди, хочется заново вспомнить то, что им было присуще при жизни: встречи и разлуки, даже штрихи, которые иногда бывают поважнее рассказов...

Я никогда не видела Дмитрия Трофимовича в жизни, но на юность моего поколения выпала печально знаменитая фраза «...и примкнувший к ним Шепилов». Припоминается лицо «примкнувшего» в газетах той поры: на трибуне Мавзолея на фоне сытых, одинаково ондатровых физиономий выделялось красивое, интеллигентное лицо. По поводу этого лица всеми произносилось уважительно: «Доктор наук». И он действительно был доктором

экономических наук и самым образованным среди тогдашних руководителей страны.

Потом эта фамилия надолго исчезла из памяти, осталось только определение «примкнувший». И вдруг имя Шепилова опять возвратилось — по крайней мере, в нашем доме его стали произносить довольно часто и только уважительно. Мой друг и будущий муж Иван Николаевич Русинов (народный артист, чтец) вернулся с гастролей и рассказал о своей встрече с Дмитрием Трофимовичем, а вскоре между ними установилась тесная дружба.

А познакомились они на гастролях Ивана Николаевича, проходивших в Кисловодске, где в то время подлечивал свое здоровье «примкнувший». Дмитрий Трофимович был творческой натурой, сам цел, понимал прекрасное. И он попросил своего большого друга, Тамару Петровну Толчанову, которая тогда заведовала концертным отделом филармонии в Кисловодске, представить его известному артисту.

И вот очередной концерт. Иван Николаевич читал «Героя нашего времени» Лермонтова. Это его любимая программа, и он всегда исполнял ее с огромным подъемом. Все шло хорошо... Но вдруг в тот момент, когда идет рассказ о начавшейся дуэли Печорина с Грушницким, раздался выстрел. Русинов весь содрогнулся внутренне, недоумевая, но не выдал своей растерянности и продолжал читать как ни в чем ни бывало.

Уже после концерта Тамара Петровна подвела Дмитрия Трофимовича к Ивану Николаевичу, и Шепилов произнес очень добрые, лестные слова о прослушанной программе и ее исполнении. Завязался оживленный разговор между ними, и неожиданно Шепилов спросил:

— Иван Николаевич, все прекрасно, но зачем этот выстрел?

Сначала Русинов опешил, а потом расхохотался — выстрел-то, оказывается, был не дуэльный, а просто по случайному совпадению обстоятельств в это время лопнула

электрическая лампочка, да так «художественно», что зрители, в том числе и Дмитрий Трофимович, приняли этот звук за импровизированный выстрел.

Уже позже, когда я стала женой Ивана Николаевича и мы с ним жили на Полянке, его общение с Шепиловым стало еще более душевным, хотя оба из-за нездоровья пользовались лишь телефоном. Обмен мнениями шел не только на литературно-художественные темы, но и политические. Дмитрий Трофимович к тому времени написал большую часть книги своих интереснейших воспоминаний, и это была, пожалуй, его лебединая песня. Он часто зачитывал отдельные куски из будущей книги, на расстоянии проверяя написанное по абсолютно адекватной реакции Ивана Николаевича. Оба они, прошедшие суровую школу политических репрессий, с полуслова понимали друг друга и по телефону.

А на Полянке между тем стали проводиться Русиновские вечера — прямо у нас на квартире. Иван Николаевич, несмотря на тяжелый физический недуг, был полон творческой энергии, но не имел уже к тому времени возможности выступать в концертных залах. И он жаждал общения с людьми, понимавшими его и к которым сам он имел душевное расположение. И вот по средам «У Русинова на Полянке» (так назывались эти вечера) стали собираться творческие люди — артисты, писатели, журналисты. Разбирали какую-нибудь литературную новинку, еще не ставшую достоянием широкой аудитории, или Иван Николаевич сам много и охотно читал из своего богатого репертуара. За чашкой чая завязывались длительные, интересные беседы. Отдельные моменты этих вечеров были записаны для радио.

А Ивана Николаевича уже захватила идея устроить такую же «встречу» с мемуарами Шепилова. Самому Дмитрию Трофимовичу тоже понравилась эта мысль. Они чаще стали общаться по телефону, уже в деталях обсуждая программу предстоящего вечера. Но очередной среде «У Русинова на Полянке» не суждено было осуществиться: 14 июля 1994 года Ивана Николаевича не стало.

Дмитрию Трофимовичу я позвонила сама, как могла, сообщила о случившемся горе, давась слезами. И в ответ услышала:

— Я очень любил Ивана Николаевича, дружбой его дорожил. Прекрасный артист был и очень красивый мужчина... — Помолчав некоторое время, Шепилов добавил: — Это огромная потеря для нас всех.

И говорил мне Дмитрий Трофимович удивительно ласковые слова, пытаюсь успокоить (а я уже плакала навзрыд), благодарил за то, что я неотлучно находилась рядом с мужем в самые трудные дни его жизни.

— Жаль, что я вас очно так и не видел. А хотелось бы увидеть женщину, которую так любил Иван Николаевич, — сказал Дмитрий Трофимович, завершая тот наш с ним телефонный разговор.

Теперь их нет уже обоих. Осталось только самое несовершенное и в то же время самое совершенное — память.

Вера Дехтеренко

«ОПАЛЬНАЯ» ЛИЧНОСТЬ

«Я все это говорю к тому, что при всех условиях надо дышать полной грудью, не терять перспективы, понимать непреложные законы жизни, не склонять головы, не доходить до состояния унылого тления...» (Из письма Д.Т.Шепилова автору. Август 1970 года, Кисловодск)

Познакомилась я с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым в 1960 году, когда он, отверженный и незаслуженно опозоренный на всю страну и весь мир, вернувшись из Фрунзе, куда по сути был сослан, стал трудиться в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. Он поступил в наш научно-издательский

отдел исторических документов. Мы работали, можно сказать, бок о бок до его ухода на пенсию в 1982 году.

Меня с ним вплоть до последних дней его жизни связывала тесная дружба. Не прерывались и его связи с архивным управлением. В дни празднования 50-летия Победы, за три месяца до ухода Дмитрия Трофимовича из жизни, на торжественном вечере в Колонном зале ему вручили юбилейное издание книги «Москва военная, 1941 — 1945. Мемуары и архивные документы», как ветерану-архивисту, бывшему фронтовику, участнику Московского ополчения, в котором он начал свой боевой путь.

Приход Шепилова к нам был, конечно, большим событием. Его личность, необычная судьба вызывали интерес у всех без исключения и некоторую, можно сказать, растерянность у начальства. Почему-то было приказано привести в порядок рабочие места в отделе; посадили его в отдельный кабинет с заместителем начальника отдела В.А.Кондратьевым; нам же строго наказали не проявлять любопытства, не заходить в кабинет к нему, а общаться с ним в общей рабочей комнате. В этих условиях Дмитрий Трофимович проявлял чуткость и деликатность, не желая ставить всех в неловкое положение и навлечь на нас немилость, что могло и произойти.

Именно в ГАУ его постигла, как он считал, самая большая кара — исключение из партии. Именно в нашей первичной организации рассматривался этот вопрос в 1962 году — причем с нарушением устава: сам он отсутствовал в связи с тяжелым заболеванием. В решении об исключении было неуклюже сформулировано: «За активную антипартийную фракционную раскольническую деятельность».

Несмотря на то, что членов партии перед этим «обработали», охотников выступить с осуждением Шепилова нашлось немного. Практически таких добровольцев вообще не было. Но раз «партия велела» — исключили, даже не поняв, в чем же заключалось его «раскольничество».

Шепилов во дворе дома брата Александра Трофимовича. Ташкент, 1960 год

Шепилов с племянником Юрием в доме брата Михаила Трофимовича. Москва

Я не была тогда членом партии и рада, что не принимала участия в столь позорном мероприятии. Но видела, как чувствовали себя, пряча глаза, возвращавшиеся с собрания. А потом начальство трусливо делегировало одного рядового сотрудника, члена партии — не партсекретаря отдела или главка — проинформировать об этом парализованного Дмитрия Трофимовича.

Да, в первые годы работы с нами он был для общества «одиозной» и «опасной» фигурой. Но со временем атмосфера менялась (я не имею в виду свержение Хрущева), и его круг общения и служебные обязанности расширялись. В 1976 году Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил Дмитрия Трофимовича Шепилова в партии, но это прошло менее заметно для коллектива. От нашего отдела потребовалась только характеристика с описанием всех видов его работы — без объяснения, куда и зачем. Мы лишь были в растерянности: можно ли указывать, например, рецензирование рукописей сугубо партийных изданий (ведь он исключен из партии, а главк доверял ему такую работу!). Но набрались смелости и написали все как есть.

После в Ленинском райкоме партии в учетной карточке была записана дата вступления в КПСС — 1926 год. В графе партийных взысканий — прочерк. Стало быть, партийный стаж его не прерывался. Сам Дмитрий Трофимович говорил мне об этом с недоуменной улыбкой, а потом грустно добавил: «Вот так просто был вычеркнут четырнадцать лет».

В тот момент я одна из немногих знала каждый шаг этой процедуры, понимала его состояние и смею утверждать, что события тех дней он пережил не менее тяжело, чем пленум 1957 года и потом — исключение из партии. Но не было удовлетворения от «торжества справедливости», а лишь зыбкая надежда на более эффективное использование его знаний и опыта. Но и она не оправдалась.

Возвращаясь к первым годам его работы в нашем главке, хочу сказать от имени большинства коллег: мы быстро поняли, что Дмитрий Трофимович Шепилов — талантливая личность, человек обширных знаний и эрудиции, аналитического мышления, с политической и житейской мудростью, сильно развитым чувством благородства и доброты. Многолетнее общение с ним всех нас обогатило духовно и многим доставило радость. Но нас никогда не покидало чувство горечи от того, что сфера и диапазон его деятельности совершенно не соответствовали заложенным в нем возможностям. И он сам страдал от такого ощущения. В одном из писем из Кисловодска в 1970 году он писал: *«Ничто не может поколебать моих символов веры. Это все — грязная пена на великом потоке жизни. Я лишен возможности теперь участвовать в преобразовании и благоустройстве нашего общества в соответствии со своими силами, знаниями. Ну, что ж, я с удовольствием делаю посильные для меня добрые дела окружающим меня людям».*

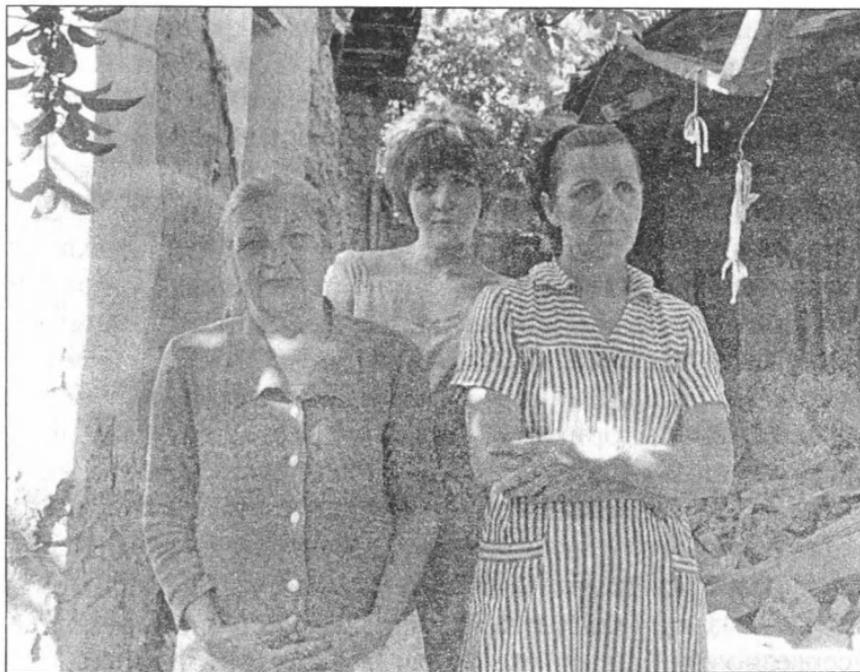
И спокойнее становилось на душе, когда знаешь, что эти окружавшие его люди — будь то коллеги по главку, работники нашей поликлиники или ветераны, ученые или деятели культуры — высоко ценили его и тоже заботились о нем, вопреки созданной ему «сверху» репутации. Мне думается, что именно в этот, быть может, самый нелегкий период его жизни он по-настоящему прочувствовал истинную цену своего обаяния и влияния на окружающих.

Наш отдел координировал научно-исследовательскую деятельность архивов страны, а также вел практическую работу по публикации исторических источников. Дмитрий Трофимович занимался в основном рецензированием составленных архивными учреждениями сборников документов. Как правило, это были фундаментальные многотомные серии, они готовились под началом представительных редколлегий, куда входили руководители научных институтов, Министерства иностранных дел СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главархива СССР и других учреждений. Среди них —

Шепилов с супругой Марьяной Михайловной и племянником Юрием Михайловичем. Железноводск, 1957 год

«Документы внешней политики СССР», «Внешняя политика России», «Биографическая хроника жизни и деятельности В.И.Ленина». Рецензии Шепилова шли за подписью начальника Главархива, как члена редколлегии, и вместе с рецензиями других авторов формировали мнение о качестве рукописи и решали ее судьбу.

Сестра Шепилова Клавдия Трофимовна с дочерью Валентиной и внучкой Аллой после землетрясения. Ташкент

Работа эта была непростая. В условиях преимущественно политического подхода к отбору документов трудно было создавать истинно научные издания, рассчитанные на долгосрочное пользование. А задача такая все-таки ставилась, и поэтому роль рецензента была велика. Несмотря на отсутствие указания на авторство Шепилова, автор был всем известен, мнение его ценилось очень высоко и учитывалось при доработке издания. Его рецензии — это образец основательности суждений, убедительной аргументированности, и в то же время — деликатности, такта в изложении критических замечаний.

Отдельно хочется сказать о его стиле письма, который я назвала бы стилем личности. На фоне сложившегося в те времена, особенно в административной и партийной сфере, стандартного языка работы Дмитрия Трофимовича резко

выделялись: четкость мысли, лаконизм, выразительность и культура языка.

Работал Дмитрий Трофимович по строго сложившимся правилам. Сначала знакомился с рукописью в целом, делал первые пометки. Потом весь обкладывался справочниками, научной литературой. Творческий процесс происходил на прогулке и даже в часы бессонницы, во время очередного чтения рукописи. По «правдинской» привычке он любил читать и размышлять, полностью отключившись от окружающего мира, то есть, от служебных и неслужебных разговоров, за знаменитой антикварной конторкой русского археолога и историка права Самоквасова, которую наши хозяйственники заботливо подогнали под его рост. Это был самый длительный этап процесса. А писал он быстро, с отточенными формулировками, так как все складывалось в ходе предварительной подготовки. Отдавался работе целиком — пока не заканчивал очередную рукопись, ничем другим серьезно заниматься уже не мог.

Что еще нас удивляло в нем, так это аналогичное отношение к любой порученной ему работе. На наши подшучивания он недоуменно смотрел на нас и говорил: «Какое имеет значение, для кого и для чего готовлю я документ? В любом случае я отвечаю за каждую мысль, за каждое слово, за каждую цифру; за любой фразой стоит гораздо больший материал. Иначе не привык работать и не умею». Так и не научили мы его «халтурить». А на вопрос о том, как было там, «наверху», он отвечал: «Мне готовили уже фактический материал, в то время я не имел возможности все перепроверять, но был строг в этом отношении к исполнителям. Однако анализировал и писал окончательный текст только сам».

Часто спрашивают, а как он, опозоренный с высоких трибун, жил и общался с людьми, коллегами. Он ведь жил среди нас, с клеймом «политической проститутки», имеющим «счет в швейцарском банке» (это тогда-то!), «досье на товарищей по партии» и тому подобное. На наших глазах

он прожил последнюю, не самую счастливую (а может быть, все же и счастливую?) пору жизни — достойно и красиво, потому что был человеком большой силы воли и безграничного духовного богатства.

По характеру работы мне часто приходилось в 60 — 70-е годы летать в командировку в Киргизию, где Дмитрий Трофимович ранее отбывал свою «ссылку», работая директором республиканского Института экономики. И несмотря на опасность былого общения с ним, там у него остались верные друзья, с которыми и я познакомилась по его рекомендации. Один из них, Сушанло (в 50-е годы просто сотрудник, а в мою бытность — уже крупный ученый), рассказывал мне, как Дмитрий Трофимович по вечерам часто бывал на вокзале и долго с тоской смотрел вслед уходящему в Москву поезду, а они, его младшие коллеги, сопровождали его туда и обратно — но незаметно, опасаясь за его состояние. По приезде я спросила у самого Дмитрия Трофимовича, так ли все это было? «А как вы думаете? — отвечал он мне. — Конечно, я понимал, что в другие времена мог оказаться в ином месте, но все равно мне было нестерпимо больно. Это было так несправедливо и так мерзко! Жить становилось просто нестерпимо... Всякие мысли лезли в голову, но я, наконец, осознал главное. Можно отнять многое у человека — карьеру, общественное положение, достаток, не дай Бог — семью. Однако существуют непреходящие ценности, которые отнять у меня никто не может. Это солнце, трава, птицы, Чайковский и Рахманинов, Лев Толстой и Есенин, возможность еще хоть что-нибудь доброе сделать людям». Таким критерием он и руководствовался все годы. И многим из нас, впадавшим в уныние под влиянием всевозможных обстоятельств, внушил эту главную мысль.

Дмитрий Трофимович вообще близко к сердцу принимал беды, случавшиеся с окружающими его людьми. Скольким из них он помог, пользуясь дружбой с А.А.Вишневым, С.В.Михалковым и другими «сильными мира сего»! Одних

устроивал в больницу или помогал получить высококвалифицированную консультацию, другим доставал лекарства и прочий необходимый для лечения дефицит. Сколько людей он буквально ошастливил, «выбивая» билеты в театры даже тогда, когда на иные спектакли, казалось, невозможно попасть. Кому-то помог устроиться на соответствующую его уровню и специальности работу. А скольким женщинам — по поводу и без — доставлял радость красивыми словами и цветами! Помню еще, как он потратил немало времени, организуя встречу одной школьницы, пишущей стихи, с Юлией Друниной.

А моему сыну он помог избавиться от одной неизлечимой, как считалось, глазной болезни. Я узнала о гомеопате из Тбилиси, а Дмитрий Трофимович попросил своих грузинских друзей (семью Ванишвили), с которыми познакомился в Кисловодске, уже после своего «падения», переправлять мне регулярно с поездом Тбилиси — Москва трехлитровые банки с лекарством. Это длилось более года и потребовало немалых усилий с их стороны. Но они обожали Дмитрия Трофимовича со свойственной грузинам «шекспировской» страстью и готовы были мир перевернуть ради него. А сын мой полностью выздоровел. Благодаря Шепилову и я познакомилась с этой замечательной грузинской семьей.

Иногда друзья пытались убедить его в том, что, дескать, не следует откликаться на все просьбы, но у него была «патологическая» потребность помочь и порадовать людей, и, надо сказать, подчас это стоило ему уйму времени и напряжения. Но он с радостью это делал и только изредка сетовал, что не удастся подольше сидеть за собственным письменным столом. «А ведь я обязан о многом поведать людям», — повторял он. Только выйдя окончательно на пенсию, но уже не имея прежних сил, он приступил к более-менее систематической работе над своей будущей книгой, так и не успев дописать ее, к великому сожалению.

За любимым письменным столом

Шенилов был образованным и всесторонне одаренным человеком. Имел юридическое и экономическое образование. Блестяще знал музыку и художественную литературу. Обладая абсолютным слухом и памятью, Дмитрий Трофимович мог почти профессионально воспроизвести многие оперные арии и стихотворения. В силу своей романтической природы он просто не мог не петь, отдыхая где-нибудь, скажем, в Подмосковье, в особенно любимых им местах на берегу Москвы-реки в районе Усова, где часто бывал с друзьями. Мне самой довелось слышать, как Дмитрий Трофимович в полный голос исполнял свой любимый романс Чайковского «День ли царит...» (от него же узнала, что стихи написаны Ликой Мизиновой на подаренной ею Чехову фотографии). Читал он и Есенина: «Голубая кофта, синие глаза...». А за «кофтой» следовали другие стихотворения любимого поэта.

Еще в июне 1983 года он писал из Красногорска: «...но иногда останавлиюсь, посмотрю на себя со стороны и прихожу к выводу, что я теперь (после 65 лет напряженной

работы: Средняя Азия, Москва, Якутия, Смоленск, Сибирь — политотдел; война — от Московской, Сталинградской, Курской битв до Вены; молниеносные, до предела спрессованные дела и перелеты в 3-х десятках стран мира и даже, казалось бы, в тишайшем ГПУ с его тысячеязычными томами для меня) живу какой-то призрачной жизнью. А моя, как Вы знаете, заветная мечта, хотя это было бы сверхнапряженным и титаническим трудом: сидеть за письменным столом и 26 часов в сутки писать — писать то, что я хочу и обязан сказать людям, — остается мечтой».

Он не был ханжой. В те времена он любил и пел своим бархатистым, хорошо поставленным голосом старинные русские и цыганские романсы. Часто ходил на концерты Галины Каревой, что официально не считалось тогда признаком хорошего вкуса. Но он с удовольствием слушал ее и лично высказывал ей свое восхищение.

У Дмитрия Трофимовича имелись пластинки с песнями Вертинского, и сам пел их, трогательно грассируя под оригинал. Он вообще талантливо имитировал. Когда же рассказывал о своих встречах со Сталиным, у нас мурашки пробегали по коже — очень похоже воспроизводил сталинский акцент и мягкую, но несущую в себе угрозу, походку. Он умело заикался, когда с любовью цитировал Сергея Владимировича Михалкова, с которым часто общался, как и с его женой Натальей Петровной Кончаловской.

Мне выпало счастье много раз бывать с Дмитрием Трофимовичем в консерватории и театрах. Довелось стать и свидетельницей его обстоятельных бесед на темы искусства, причем, как если бы он был профессионалом на этом поприще, с Игорем Моисеевым, Аскольдом Макаровым, Марисом Лиепой. В Вахтанговском театре он вообще был своим человеком: его всегда зазывали за кулисы и пытали относительно удач и неудач спектаклей.

А как близко к сердцу Дмитрий Трофимович принимал судьбу любимого Художественного театра! Не пропускал

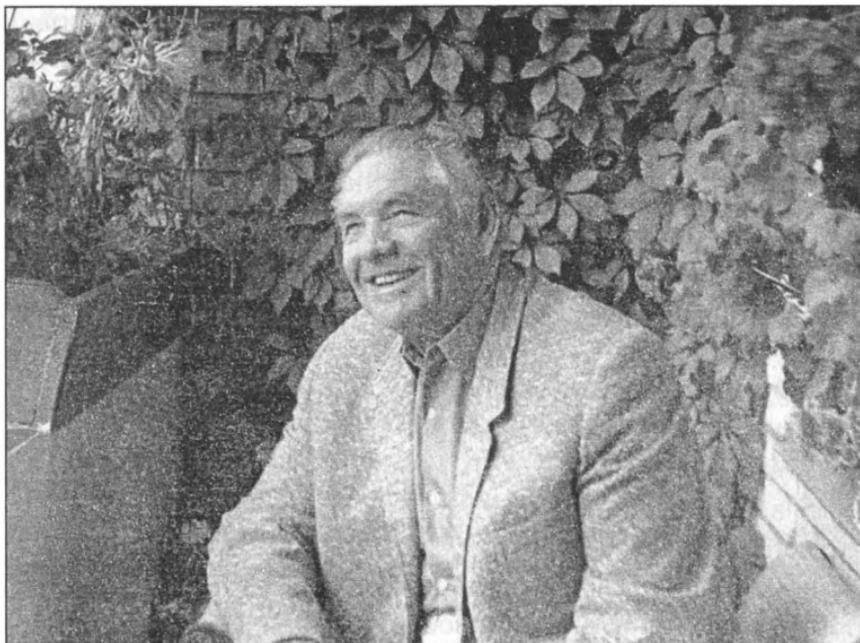
возможности пообщаться с его актерами. А Иван Семенович Козловский при встрече требовал, как в былые времена, исполнить дуэтом «Нелюдимо наше море» и, к большому смущению Дмитрия Трофимовича, позволял себе шуточки такого рода: «Пошел бы по моей стезе, ничего бы с тобой не случилось».

Те, кто был истинно культурным человеком, по-настоящему любил искусство и умел ценить интеллект в другом человеке, не отступились от Шепилова даже тогда, когда он оказался опальным. Дмитрий Трофимович с благодарностью вспоминал, как Хачатурян пригласил его на свою премьеру, когда еще Шепилов был во Фрунзе. Непозволительный шаг! Дмитрий Трофимович прилетел и был в Большом театре. Узнав об этом, Хрущев пришел в бешенство.

Кстати, образованность и интеллигентность Шепилова вообще были предметом и восхищения, и зависти Хрущева. Дмитрий Трофимович вспоминал о своих отношениях с Никитой Сергеевичем: «Тебе-то хорошо, — говорил он мне, — ты десять академий закончил, а я, куда ни поеду учиться, меня тут же — на партийную работу». — И это действительно так было», — добавлял Дмитрий Трофимович от себя.

Еще один эпизод из моих встреч с Шепиловым. Однажды я в очередной раз улетала во Фрунзе. Дмитрий Трофимович жил недалеко от аэровокзала и пришел меня провожать. И когда уже я ехала в аэрофлотовском автобусе, ко мне подсел мужчина и спросил, не Шепилов ли был моим провожающим. Получив подтверждение, пожалел, что не решился к нему подойти и напомнить одну историю. Уже приехав в аэропорт «Домодедово», целых шесть часов мы сидели там и все говорили о Шепилове. Спутником же моим оказался обаятельный и интересный собеседник К.Малдабасанов, директор Киргизского театра оперы и балета, композитор, лауреат премии Ленинского комсомола.

В то время, когда Дмитрий Трофимович жил во Фрунзе, Малдабасанов был студентом консерватории и подрабатывал

*Цветы — одна из забот Дмитрия Трофимовича по дому.
Москва, 1980 год*

на жизнь, выступая в составе студенческого квартета, на концерт которого Шепилов однажды попал. Ему так понравилось выступление, что он зашел за кулисы и выразил исполнителям свое восхищение. И они пожелали сыграть еще — просто для него.

Чувствовалось, что для моего спутника это были приятные воспоминания. Сам факт и обстоятельства появления опальной личности в Киргизии вызывали интерес, и лично Шепилов — скрытую симпатию к нему. Активное общение, кроме чисто делового, не поощрялось, о чем с некоторым опозданием было указано «свыше». Но студенты были горды и с радостью отправились к нему домой, где их досыта накормили, после чего и состоялся концерт — импровизированный и в домашней обстановке.

Ребята играли, а он просил еще. И они играли — играли всю ночь.

Уже вернувшись из командировки, я рассказала Дмитрию Трофимовичу о случайном попутчике и его воспоминаниях. Он очень расстроился, что не удалось снова пообщаться с Малдабасановым, и сам пустился в воспоминания о том ночном концерте. Он помнил все в деталях. А я, слышавшая эти два воспоминания об одном и том же, поняла: там, в столице Киргизии, были взаимная симпатия и восхищение между «опальным» и этими ребятами.

Шепилов, по моим наблюдениям, был совершенно лишен житейского практицизма. И уж совсем не понимал приобретений «впрок». Когда после войны выделяли участки земли под дачи в поселке высшего комсостава, чего, естественно, другие не упустили, он отказался, поскольку, мол, пользовался государственной дачей, да и по природе своей был урбанист. Когда он лишился своих высоких должностей, то тут же, в середине лета дочь его с крошечным сыном выселили с дачи. И пока внук Дима рос, они уже снимали частную дачу. Сам Дмитрий Трофимович в отпуск ездил в санаторий, а в выходные дни отправлялся на прогулки по Подмоскovieю.

Машины у него тоже никогда не было, но он и не сожалел об этом. Вообще я никогда не слышала от него, что ему чего-то не хватает в материальном плане. Единственное, чего ему хотелось, так это светлой квартиры с изолированными комнатами. Так продолжалось многие годы его «опалы».

Наблюдая в течение тридцати лет быт его семьи и видя, что осталось после ухода из жизни Дмитрия Трофимовича, понимаешь нелепость разговоров о якобы имевшихся у него счетах в иностранных банках. Он даже пенсию в последние годы из-за неразберихи в собесах получал заниженную. Когда мы объясняли ему, что надо пойти и напомнить о себе, он неизменно отвечал, что просить ничего не будет. И только благодаря хлопотам его близкого друга, Тamarы Петровны Толчановой, справедливость в этом была восстановлена.

Когда Шепилов пришел работать к нам, в Главархив, это был красивый мужчина в расцвете сил — всего 55 лет. Он был красив не лубочной, а мужественной красотой: высокий рост, изрядно тронутые сединой волнистые волосы, крупные черты лица и внимательный, удивительно мягкий взгляд карих глаз, в какой-то степени не вписывавшийся в общий облик великана. Житейская мудрость и печать пережитых бед еще больше его украшали. К тому же он был настоящий эстет — и в работе, и в быту, и в общении с людьми. Его обаяние было безграничным. Ему во всем отказали партия и власть, но простые люди, проникаясь к нему симпатией, в большинстве своем охотно шли ему навстречу.

Он любил все красивое, и красота была его органической потребностью, определяла его жизненный тонус и работоспособность. Дмитрий Трофимович изысканно и элегантно одевался. Даже в больничной палате оставался в собственной сшитой пижаме, которая была не только удобна, но и украшала его. По этой же причине он не любил, когда его навешали без предупреждения даже близкие, не говоря уже о нас, коллегах.

Квартира Шепиловых была обставлена без всякой роскоши, но все в ней было на своем месте и сияло чистотой (блестело, как он говорил), к чему сам хозяин прилагал немалые усилия. Сам любил выполнять малярные работы в квартире, подбирая краски, когда они были еще дефицитом.

Предметом его особой гордости был огромный стеллаж с книгами и такой же внушительный письменный стол, обитый сукном, который сопровождал его всю жизнь и много раз реставрировался. Вот за ним и мечтал он проводить как можно больше времени.

А писал он очень много. Потребность писать — записывать свои впечатления, размышления о событиях, людях тоже была ему присуща органически. Он делал дневниковые записи, выписки из книг и газет. Описывал

всевозможные встречи, свои впечатления о спектаклях, прочитанных книгах. Иногда эти записи выливались в письма друзьям и знакомым.

Мне довелось читать несколько писем Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу после прослушивания его произведений, письмо к Юлии Борисовой (Шепилов был потрясен ее игрой в одном из спектаклей — кажется, в «Цезаре и Клеопатре»), другие его эпистолярные послания. В них и благодарность, и оценки, и размышления по большому спектру проблем.

Не изменял он этой своей привычке и в других условиях: на отдыхе и даже в больнице. Первое, что делал, водворившись в «казенный» дом, — просил оборудовать хоть какой-нибудь столик для работы.

Письма его заслуживают особого разговора. У меня хранится несколько писем Дмитрия Трофимовича, написанных с Северного Кавказа или из Москвы, когда я отдыхала где-нибудь за пределами столицы. Это хроника событий личного, местного, международного масштаба — и масса поэтических описаний. Он и сочинять-то начинал их в пути, в самолете, продолжая одно и то же письмо несколько дней, доводя его иногда до 20 — 30 страниц, звездочками обозначая очередной сюжет.

Вот одно из таких его писем мне — из Кисловодска, которое он писал на протяжении лета 1968 года:

«...Встаю в 5 часов утра и выхожу на Красное Солнышко. Места здесь волшебные. Ультрамариновое небо. Воздух напоен ароматом цветов, диких трав и свежего сена. В небесах ликующе заливаются жаворонки. Все дышит первозданной чистотой. Все улыбается. Все блещет. Идешь по тропам вверх и невольно думаешь: «Боже, как хорош мир! И как легко жилось бы всем людям на земле, если бы перевелись среди людей паучьи отродья во всех их разновидностях...»

...А по ночам здесь небо густое, как фиолетовый бархат. А по небу рассыпаны мириады звезд-алмазов. И благословенная

тишина. Только стрекочат цикады. Стоять на балконе и внимать этой благословенной тишине. Так и чудится в такую феерическую ночь, будто здесь, именно здесь — Печальный Демон, дух изгнания...

Я теперь во власти Лермонтова. Вы представляете себе, Верочка, Вы, умная головушка, что он начал писать своего Демона, когда ему было 15 лет (!!), и закончил в 19 лет. Потом дважды коренным образом переработал поэму. Откуда же у, собственно, юноши такая зрелость мысли, такой критицизм и бунтарство, такое кипение страстей! (Далее Д.Т. цитирует многие лермонтовские строфы.) Какая силища!..

...Радио принесло известие о коренном повороте дел в Чехословакии. На душе тревожно...».

А вот фрагменты из другого письма, за август 1969 года:

«За бортом 40 градусов мороза. Обещают нас домчать за 1 час 35 минут. Голубой воздушный океан, а внизу белоснежные горы перистых облаков. Сейчас подседа ко мне стюардесса. Окончила десятилетку. Летает всего 3 месяца, а получает (вместе с наградными за превышение часов налета) 150 рублей в месяц. Учится на курсах иностранных языков, мечтает по окончании курсов перейти на заграничье.

А вот Машук, Бештау и Змейка. Здравствуй, Кавказ, чудесный мой Кавказ — здравствуй!..

...Был в городской санаторной библиотеке. Набрал всяких книг, в том числе о Мопассане. И теперь так хорошо сидеть и писать под уютной настольной лампой...

Ведающая вопросами приема отдыхающих медсестра сообщила мне жуткую цифру: за первое полугодие 1969 г. в санатории «Советский шахтер» лечилось по путевкам 2700 человек, из них шахтеров — 316 человек...

...Вы интересуетесь личными судьбами выдающихся деятелей культуры. Так вот. Прочитайте в № 1 «Недели» за 28.07 — 3.08 статью о личной трагедии А.Н. Островского и известной русской актрисы 40 — 50-х годов прошлого века Любови Павловны Косицкой. Здесь не менее сложный и мучительный комплекс отношений, чем в круге А.П. Чехов — Лика Мизинова — Книппер — Авилова и др. Поистине вечен вопрос пушкинского Германа: «Кто прав, кто счастлив здесь, друзья?..»

...К счастью, в столовой со мной за столиком сидят две настоящие горнячки, работающие в шахтах. Я из них вытягиваю факты из шахтерской жизни. Да каждый раз, когда я иду к источнику на водопой (3 раза в день), ко мне тоже подстраивается кто-нибудь из шахтеров, металлургов, строителей, учителей из самых различных районов страны. Представляете, как обогащаются мои познания нынешней действительности...

...Судя по всему, начался новый (м.б. последний) тур наступления на журнал «Новый мир» и А.Твардовского. Советую почитать «Огонек» № 3 за июль 1969 г., статью Д.Иванова в газете «Советская Россия», Стрельникова в «Литературной газете» за 6.08 (критика Н.М. и В.Каверина)...

...В «Литературной газете» за 13 августа снова помещена ругательная статья о «Новом мире» за подписью В.Гаврилов...

...У меня все идет хорошо. Больше всего исцеляет самое добросердечное отношение людей, всех без исключения...»

Эпистолярное наследие Дмитрия Трофимовича Шепилова очень большое. И это тоже выделяет его в ряд истинно интеллигентных, высоко интеллектуальных людей.

В силу новых условий жизни и ускоренных ее ритмов, к сожалению, традиция эпистолярных занятий, неотъемлемая от образа русского интеллигента, постепенно утрачивается. Мне думается, что эпистолярное наследие Дмитрия Трофимовича представляет собой ценный источник о нашей эпохе. И оно очень отчетливо воссоздает облик умного, образованного человека, патриота своего Отечества, к сожалению, не востребованного им, Отечеством, в должной степени.

Я счастлива, что судьба подарила мне долгие годы общения с этим человеком, и я горжусь дружбой с ним.

Юлия Дзагурова

ИРОНИЯ СУДЬБЫ: Я — НАЧАЛЬНИЦА

Мне довелось знать Дмитрия Трофимовича Шепилова более тридцати лет, и из них двенадцать работала рядом с ним, в научно-издательском отделе Главного архивного управления. По иронии судьбы я числилась какое-то время руководителем группы по подготовке внешне-политических изданий. И он всегда иронизировал: «Какие будут приказания?». Конечно, мое руководство группой носило условный характер, и со временем было отменено.

Формально Шепилов работал, подчиняясь только руководителю главка, фактически — лишь собственной совести, своему «я». Он поднимал перед руководством Главархива вопросы о необходимости осуществить новые научные, документальные разработки по истории дружественных связей народов СССР с народами зарубежных стран (Азии, Африки, Латинской Америки и т. д.), обозначал ряд других публикаций. Отдельные его предложения после соответствующих рассмотрений

принимались и проводились в жизнь. А мы, сотрудники отдела, учились у него работать с документами.

Шепилов блестяще выступал с лекциями, докладами по международной тематике, экономике, о событиях дня. На эти встречи потоком устремлялись сотрудники и других отделов. Дмитрий Трофимович тщательно готовился к этим выступлениям, независимо от того, сколько соберется слушателей. И речь его отличалась ясностью, логичностью, емкостью. Несмотря на свою популярность, он всегда держался очень просто и доброжелательно, но с чувством глубокого достоинства. Все сотрудники стремились пообщаться, посоветоваться с Дмитрием Трофимовичем по тому или иному вопросу, и он охотно откликнулся. Особенно любил общаться с молодыми архивистами А.Пшеничным, А.Капланом, И.Кудрявцевым, Я.Силаевой. Более дружеские отношения у Шепилова сложились с В.Дехтеренко, Н.Михайловой, К.Мироновой, Т.Павловой, Л.Шалагиновой, И.Поповым.

В человеке Дмитрий Трофимович больше всего ценил ум, пытливость, стремление к знаниям, принципиальность. Всегда стремился помочь сослуживцам, их близким. Сослуживцы платили ему тем же.

Мы знали, как заботливо относится он к семье — жене, дочери, внуку. Был очень привязан к внуку, особенно когда тот остался без отца.

Знали мы и о тесных связях Дмитрия Трофимовича с однополчанами. В дни торжеств и праздников, скажем, очередной годовщины Победы или Дня Советской Армии, он приходил в отдел в своей генеральской форме, с орденами и медалями на груди. Делился своими воспоминаниями о Великой Отечественной войне. Рассказывал о боях под Сталинградом, о том, как освобождали столицу Австрии Вену. Гордился своими боевыми товарищами.

А мы гордились тем, что рядом с нами работает такой удивительный человек, скромный, доступный.

Знали мы и о страстной любви Шепилова к музыке, литературе, о его дружбе с видными деятелями искусства. Ему часто звонили по телефону, приглашая в театры, на концерты, выставки.

Сам он обладал прекрасным голосом. Однажды Дмитрий Трофимович принес записи русских романсов и песен в своем исполнении, даже оперных арий. А в дуэте пел он с Козловским, Казанцевой. В обеденный перерыв мы с наслаждением слушали эти записи.

В день 75-летия Дмитрия Трофимовича, 5 ноября 1980 года, наш коллектив собрался, чтобы тепло поздравить его с юбилеем. Естественно, был накрыт праздничный, пусть и скромный, стол. Главное же, какая добрая, дружественная атмосфера царил за столом! Столько теплых, душевных слов было сказано в адрес «виновника». И сам он не остался в «долгу». Мои же чувства к нему невольно вылились в рифмованные строчки:

Позвольте Вам сказать сегодня,
Что Вы величия полны,
Подобно морю-океану,
Что в глубине хранит дары.

Хранит сокровища и тайны,
И можно ль людям их узнать?
Дары души и сердца думы
Кто, право, может разгадать?

Во всем: во взгляде, жесте, слове —
Блестит сила, свет ума,
И каждый день, как откровенье,
Нам Ваша яркая душа!

ДРУЖБА ДЛИННОЮ В СОРОК ЛЕТ

Время бежит своим чередом, а мне до сих пор трудно спокойно говорить о Дмитрие Трофимовиче, так как не улеглась в душе боль потери этого человека, ушедшего из жизни в августе 1995 года. Говорить же о нем можно часами.

Природа щедро наградила его умом, прекрасной внешностью, обаянием, даром речи и, наконец, добрым сердцем.

Вспоминаются слова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» — кажется, так писал Антон Павлович Чехов. Всеми этими качествами природа сполна наградила Дмитрия Трофимовича, а судьба послала ему немало горьких переживаний, невзгод, испытаний, которые он стойко прошел, не покривив и не почерствав душой, не оскудев умом.

Познакомились мы с ним в 1954 году в санатории «Империал», принадлежавшем тогда Министерству здравоохранения СССР и находившемся в чехословацком городе Карловы Вары, где я, приехав из Кисловодска, была заведующей по культмассовой работе. Дмитрий Трофимович вместе с женой Марьяной Михайловной находился там на лечении.

Хорошо помню день — это было 5 ноября. На его имя пришла телеграмма, его поздравляли с днем рождения. Я взялась передать телеграмму. Дмитрий Трофимович сидел за столом в своей палате и что-то читал. Вручая телеграмму, я присоединилась к поздравлениям и тут же ушла. Но сразу меня поразили его внешность, статность, строгость, внушительность, и я мысленно назвала его — «Царь царей».

Вечером в клубе санатория демонстрировался очередной кинофильм, а я находилась в своем небольшом кабинете и писала объявление на следующий день.

Шепилову 50 лет

Раздался стук, и после моего «Войдите» я увидела в дверях Шепилова. Меня удивил его приход. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Я вам не помешал? — наконец услышала я его голос.

— Слушаю вас. Присаживайтесь. — Он сел.

— Скажите, не вам ли я обязан тем, что о моем дне рождения узнал весь санаторий?

— Почему вы так думаете? — вопросом на вопрос ответила я.

— За обедом только на моем столе стояли цветы, торт и бутылка вина.

— Нет, не я тому причина. В санатории так заведено: всем, у кого день рождения, устраивают такой обед с подарками.

Он помолчал, а потом улыбнулся и сказал:

— А я ведь пришел, чтобы на вас обрушить свой гнев. Простите.

Помолчали.

— Вы чем-то заняты, и я вам мешаю?

— Что вы, ничуть.

И вдруг я увидела его добрые, теплые, внимательные карие глаза, от него словно излучалась теплота души. Тогда я еще не знала, кто он.

Дмитрий Трофимович первым начал разговор. Я доверительно и откровенно отвечала на его многочисленные вопросы. Он тоже рассказывал что-то о себе.

В клубе давно закончился кинофильм, а мы все сидели и говорили—говорили, как два старых знакомых, встретившихся после длительной разлуки. Тот разговор и стал началом нашей сорокалетней дружбы. Хотя тогда я и предположить не могла, что судьба преподнесла мне такой дорогой подарок.

Каждый день утром Марьяна Михайловна и Дмитрий Трофимович встречали меня у входа в санаторий, когда я бежала на работу. Это было так приятно.

Удивительно, как Дмитрий Трофимович умел разгадывать настроение. Однажды он спросил, какие возникли проблемы. И я сказала: «Наш кинопрокат в Праге, — я имела в виду советский, — отказывает нам в просмотре поступающих новых фильмов». Сказала так просто, но буквально через неделю раздался звонок из кинопроката: «Пришел новый фильм. Вам выделен один день, приезжайте». Я сказала Дмитрию Трофимовичу: «Вы — волшебник. Нам дают новую кинокартину». А он ответил: «А вы почаще обращайтесь к волшебнику. Он тружеников любит».

Отдыхал Дмитрий Трофимович активно, сочетая лечение и работу. А когда уезжал, спросил, соскучилась ли я по Родине. Я ответила: «Да некогда скучать. Вот разве что по черному хлебу». Спустя месяц приезжает на лечение генерал Соколов-Соколенок и в первый же день разыскивает меня. Оказывается, Дмитрий Трофимович послал с ним буханку московского бородинского хлеба и банку красной икры. Это был для нас настоящий пир. В маленькой записочке он сообщил свой адрес и просил известить, если в чем-то нужна помощь.

По окончании командировки я вернулась из Чехословакии в Кисловодск, где меня назначили заместителем заведующего культотделом Кисловодского курортного управления. Это было в ноябре 1955 года.

По радио услышала о назначении Дмитрия Трофимовича министром иностранных дел СССР. Я очень порадовалась за него: ведь в правительстве он был самый молодой, умный, образованный, всесторонне эрудированный, обаятельный — а такие данные играют немаловажную роль на дипломатической службе. Вскоре стало известно, что Шепилов приезжает к нам на лечение, в правительственный санаторий «Красные камни».

Встреча с Дмитрием Трофимовичем произошла совсем случайно. После работы мы с приятельницей пошли в театр. Перед началом спектакля вдруг вижу его знакомую представительную фигуру, рядом с Марьяной Михайловной, в окружении целой свиты местной партийной элиты и, конечно, охраны. Случайно встретились глазами с Марьяной Михайловной, и он что-то тихо сказала мужу. Он моментально повернул голову в мою сторону, замедлил шаг, и я поняла: избежать встречи не удастся. Меня же очень смущала моя не «парадная» форма одежды.

Когда мы с приятельницей приблизились к свите, Дмитрий Трофимович шутливо сказал: «Что же вы, Тamarочка, пытаетесь уклониться от встречи, ай-ай-ай! Мы о вас уже говорили и даже хотели объявить розыск». При

всех расцеловал меня в обе щеки. Я так смутилась, что не знала, как себя и вести. К счастью, дали третий звонок. «Не пропадите. Ждем вас в «Красных камнях», — сказал Дмитрий Трофимович, тепло простившись со мной после спектакля.

В небольшом провинциальном городе этот эпизод, разумеется, моментально стал достоянием многих. Меня спрашивали: «Как, ты знакома с Шепиловым? Расскажи о нем». Я была молода, и, честно скажу, мне это льстило, ведь быть знакомой с таким человеком — большое счастье.

Приглашением я воспользовалась, но заявила в санаторий не одна, а с камерным квартетом Кисловодской государственной филармонии, который дал там шефский концерт. Дмитрию Трофимовичу понравилась игра музыкантов и вся программа.

За время его отдыха мы несколько раз вместе были на прогулке в парке, хотя всегда в сопровождении свиты и охраны. Уезжая, Дмитрий Трофимович сказал: «Надеюсь, теперь вы будете давать о себе весточку. Обещаете?» Я пообещала.

Через какое-то время мне предложили перейти на работу в филармонию. Я волновалась, справлюсь ли, и решила посоветоваться с Дмитрием Трофимовичем. Вот его ответ:

«Земной Вам поклон, дорогая Тamarочка, и пожелания всего самого радостного и счастливого.»

Очень мне понравилось сделанное Вам предложение о работе в музыкальной сфере.

Всю свою сознательную жизнь я испытывал неизъяснимое блаженство при проникновении в волшебный мир музыки. Даже в битвах за Москву, даже в замороженных окопах Сталинграда, в период ночных затиший, после боя старался я поймать на радиоволне захватывающие ум и сердце звуки музыки. И какую бурю дум и чувств, сколько радостей и гордости за мой народ, сколько твердости и решимости, грусти и глубочайших раздумий вызывали в моей душе

героические художественные образы Третьей симфонии Бетховена или неодолимое стремление к большому человеческому счастью Четвертой симфонии Чайковского. Исполнин Мусоргский! А Верди! А концерты и романсы Рахманинова — эти алмазные россыпи камерной музыки. А «Лебединое озеро» и Шестая Чайковского — эта потрясающая по своей глубине и силе философия жизни, скристаллизованная в звуках художественных образов!

А русские песни! Какая в них богатейшая гамма многообразных чувств: удали, юмора, грусти, мечтаний, надежд, ожиданий, радости и скорби! Я могу слушать русские песни многими часами с настоящим наслаждением. Конечно, я говорю о подлинно народных песнях, а не о мещанских подделках под них, пошлых, надрывных скулениях, «жесточких романсах», которые так засоряют мозги и души наших людей, особенно молодежи, если мы вовремя и добротнo не удовлетворяем их эстетические запросы.

Конечно, какое-то время будет уходить у Вас на всякие административные хлопоты, но это неизбежно почти на всякой работе. Зато каждый раз они с лихвой будут окупаться результатами. Поэтому я был бы рад за Вас, если бы такой замысел о работе осуществился. А справитесь Вы с делом великолепно...

Буду ждать от Вас сообщения, что вопрос о Вашей работе решился в соответствии с Вашими желаниями.

Всего Вам доброго. Д.Ш.»

Именно это письмо окончательно убедило меня дать согласие перейти на работу в Кисловодскую филармонию на должность заведующего музыкальным лекторием.

Лето 1957 года. Политическая жизнь страны закипела страстями. Пресса извещала о Постановлении июньского Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе. В неприглядных выражениях склонялось имя Шепилова. Проводились закрытые партийные собрания, зачитывалось «закрытое

письмо», голосовали, выносились «свои» решения, вернее, одобрение решения пленума.

Во мне боролись два чувства: вера в партию и глубочайшее уважение к Шепилову. На слушании постановления и закрытого письма я пыталась услышать конкретные факты, брошенные в адрес Молотова, Маленкова, Кагановича и особенно Дмитрия Трофимовича. Но фактов в отношении Шепилова не было, одни только общие формулировки. Зато выводы в постановлении и принятые меры были категоричными: «Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что тт. Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним т.Шепилов, став на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии и выработанное Лениным решение X съезда партии «О единстве партии». И еще «...снять с поста секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т.Шепилова».

Когда по окончании нашего партсобрании зачитали слова «Одобрить решения Пленума...», мой мозг лихорадочно, напряженно твердил: «А все-таки Шепилов не может быть врагом партии и народа!».

При словах «Голосуем, прошу поднять руки» все сидящие, оглядываясь друг на друга, вяло, но поднимали руки. Я же сидела и не могла поднять руки. Не могла, одна из всех не подняла. Взоры устремились на меня. Я встала и молча вышла из зала.

Вскоре меня вызвали в горком партии. Секретарь по идеологии с удивлением спросил: «Правда, что ты не голосовала за правильность решения Пленума?» Я ответила: «Да. — Мне вспоминалась встреча с Дмитрием Трофимовичем в театре, где все сопровождавшие подобострастно смотрели ему в лицо, ловя каждое его слово, а теперь они же единодушно осуждали. А прошло ведь не более полугода. — Я не уверена, что Шепилов против партии, против советской власти, против своего

народа. Не верю, вот и не подняла руки. Время покажет, кто прав, а кто виноват».

Позже участники партсобраний подходили ко мне и спрашивали: «Тебе ничего не было за то, что ты не голосовала? Тебя оставили в партии? Мы где-то с тобой согласны, но побоялись».

В то время Дмитрия Трофимовича еще не исключили из партии. А за меня заступились всеми уважаемые директор Курортного управления Востроилов и главврач управления Бахматова.

Я написала Дмитрию Трофимовичу письмо, не сказав о закрытом собрании, но ответа не получила. Я еще не знала, что для Шепилова начался зловещий период.

Вскоре после решения пленума его, действуя по методу «с глаз долой», распорядились выслать на работу в Киргизию. Вот текст выписки из распоряжения № 552427, навязанного «свыше» руководству Академии наук:

«г. Москва 2 ноября 1957 года

В соответствии с просьбой АН Киргизской ССР командировать члена-корреспондента АН СССР Д.Т.Шепилова в распоряжение Президиума АН Киргизской ССР для использования на работе в качестве директора Института экономики.

Разрешить проезд в г. Фрунзе самолетом за счет сметы Совета по координации.

(п.п.) Вице-президент Академии наук СССР

академик К.В.Островитянов

Главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР

академик А.В.Топчиев».

Приезжали потом в Кисловодск из Москвы мои знакомые и говорили: Дмитрий Трофимович уехал в Киргизию, Марьяна Михайловна осталась в Москве, чтобы не потерять московской прописки и квартиры. Дмитрия

Трофимовича отважилась сопровождать в Киргизию и быть там с ним, в свои семьдесят шесть лет, домработница по казенной даче, уважавшая его Ольга Александровна Изгорова. Командировка же не будет долгосрочной, думали родные.

Дмитрий Трофимович уехал с таким же настроением. Киргизские ученые радушно приняли его, и он окунулся в работу. Вот отрывки из его письма Галине Михайловне Паушкиной (сводной сестре Марьяны Михайловны):

«Дорогая Галя! Посылаю тебе некоторые свои весенние размышления. Может быть, тебе интересно будет прочесть. До скорого свидания. Д. Шепилов.

...Эти дни побывал в горах Тянь-Шаня, на озере Иссык-Куль, в местах, исхоженных Пржевальским. Только я, конечно, побывал там не в качестве путешественника: знакомился с шахтерами, заводами, МТС, колхозами, совхозами, а больше и жаднее всего — с людьми.

Если можно вообще говорить о каких-то типичных чертах нации, то киргизы не могут не вызывать к себе чувства самой горячей симпатии и любви: радушные и гостеприимные до самозабвения (даже со случайно заблудшим путником в горах киргиз поделится всем, что у него есть, без остатка), честные и скромные до застенчивости, сердечные и доброжелательные, смелые (ах, какие лихие наездники!) и терпеливые.

Теперь, после тысячелетних исторических мытарств (в XIII веке завоевание Семиречья монголами, в XVII веке нашествие на Семиречье калмыков, в XIX веке завоевание киргизов Кокандским ханством и т. д.) они вышли на широкую и светлую дорогу прогресса. Пожелаем же им, благородным сынам небесных гор, счастливого пути!.. Я как ученый и рядовой коммунист готов помочь им всячески в строительстве новой жизни всем тем, чем я располагаю, и делаю это с радостью и охотой...

...Велика и прославлена моя родная страна. Всей силой души, каждой каплей крови моей люблю я свою Родину, Отчизну мою милую — чистую и ласковую, как слово «мать»,

красивую, как невеста в подвенечном уборе, гордую, могучую и суровую, как вершина Тянь-Шаня...

...Мне бесконечно близки и дороги самоотверженность и героизм сынов Великого Китая, создающих новую жизнь,.. борьба наследников парижских коммунаров против колониалистских карателей в Алжире, за великую и свободную социалистическую Францию.

При всем этом я — русский и советский человек. И я бесконечно горжусь этим, и нет для меня ничего прекраснее и дороже своей Родины...

Я горд тем, что с 12 лет и до наших дней пронес через всю жизнь свой трудовой груз, внес свою, пусть маленькую, лепту в великое дело созидания и, как мне кажется, не запятнал себя ничем, за что мог бы получить упрек от моего великого, благородного и великодушного народа».

Но, как писала мне позже в письме Галина Михайловна, «еще не до конца испил свою горькую чашу Митя».

Без всяких оснований и причин Дмитрия Трофимовича с должности директора переводят в заместители. За ним устанавливается слежка и его ставят в условия ссыльного. Еще одно незаслуженное унижение — и психологический удар. Здоровье его резко ухудшается. Высокогорный климат влияет на работу сердечно-сосудистой системы. Открылась язва двенадцатиперстной кишки и желчно-проточных путей. Никакое лекарственное лечение не приносит положительных результатов. Киргизские врачи советуют проконсультиться в Москве.

С разрешением «сверху», имея на руках бюллетень, Дмитрий Трофимович выезжает в Москву. Комиссия московского ВТЭКа определяет ему инвалидность на один год, чтобы подготовиться к предстоящей хирургической операции.

Выписка из приказа по Академии наук Киргизской ССР от 13 июля 1959 года за № 113:

«...8. Шепилова Д.Т. по состоянию здоровья и необходимости длительного лечения освободить от занимаемой должности заместителя директора по научной работе Института экономики АН Киргизской ССР на срок от 17 июня 1959 г. по 17 июня 1960 г.

Основание: Заявление Д.Т.Шепилова и нотариальная копия справки ВТЭК от 17 июня 1959 г., серия 4а № 0011811».

Врачи рекомендовали Дмитрию Трофимовичу поехать на водолечение в Железноводск, а после этого — в Кисловодск. С большими трудностями Шепилов приобрел в Москве за полную стоимость две путевки в Кисловодск со 2 сентября 1959 года и с помощью своей бывшей слушательницы Академии общественных наук И.С.Жаровой (в то время занимавшей должность председателя Ессентукского горисполкома) — путевки в Железноводск с 3 августа 1959 года.

Находясь на лечении в Железноводске, Шепилов получает телеграмму-уведомление о выселении его из квартиры по адресу: Ленинский проспект, дом 13, кв. 10, где он проживает.

В ответ на уведомление Дмитрий Трофимович посылает две телеграммы. Одну — в адрес Академии наук СССР, президенту Несмеянову. Привожу текст телеграммы:

«Письмом секретаря Академии наук мне предложено освободить занимаемую в Москве квартиру. Сообщаю: решением ВТЭК Ленинского района Москвы 17 июня я переведен инвалидом второй группы. Квартиру в городе Фрунзе давно сдал. Получаю пенсию в Ленинском районе Москвы, жена работает в Москве, нахожусь на санаторном лечении в Железноводске, позже предстоит хирургическая операция в Москве. Выезжать мне некуда. Предупреждение письмом секретаря об освобождении квартиры считаю незаконным. Прошу телеграфировать санаторий XX съезда, должен ли я прервать лечение, выехать в Москву. Шепилов».

Вторая телеграмма: «Москва. Кремль. Хрущеву Никите Сергеевичу. Москва. ЦК КПСС. Секретарю Брежневу. Копия Совет Министров Союза. Микояну.» Содержание ее в основном то же, что и в первой, но с дополнением: «Прошу дать указание прекратить беззаконие в отношении меня. Дмитрий Шепилов».

Не получив ответа ни на одну из телеграмм, Дмитрий Трофимович и Марьяна Михайловна переезжают на лечение в Кисловодск. Но тут Шепилову пришлось обращаться с просьбой к главному врачу санатория им. Орджоникидзе, чтобы он разрешил приехать раньше срока путевки, поскольку в Железноводске путевка заканчивалась 28 августа, а в Кисловодске начиналась со 2 сентября. Главный врач Хомутов, имея на то право, разрешил.

Первого сентября, возвращаясь с работы, я случайно в центре города встретилась с Марьяной Михайловной и Дмитрием Трофимовичем. Обрадовалась встрече, но, увидев их встревоженность, поинтересовалась причиной. Дмитрий Трофимович подал мне телеграмму. Читаю: «Кисловодск. Санаторий Орджоникидзе. Шепилову. Немедленно вылетайте. Выселяют квартиры. Вещи выбрасывают на улицу. Галя».

— Не может быть! — усомнилась я. — Ученого, генерала, орденосца — и выселяют, выбрасывают вещи. Это ошибка.

Дмитрий Трофимович ответил:

— Я тоже думал, что ошибка, но сейчас зашел к Ольге Севастьяновне Бодровой (зам. председателя Кисловодского горисполкома, прошла всю войну вместе с Дмитрием Трофимовичем в 4-й гвардейской армии), позвонил по «вертушке», соединился с бывшим на месте Микояном, который мне ответил: «Я ничего не знаю, ты мне не звонил, но лучше выезжай», — и положил трубку.

Мы быстро простились, и они вылетели в Москву.

В скором времени я узнаю, что за разрешение воспользоваться «вертушкой» Бодрову увольняют с работы, и они с мужем уезжают из Кисловодска. Главврача Хомутова тоже незаконно отстраняют от работы за разрешение принять в санатории раньше срока.

После возвращения Дмитрия Трофимовича из Кисловодска я длительное время не получала от него весточки. Волновалась, и мои тревоги вылились в строчки, адресованные ему, но так и не отправленные:

От Вас не пришло мне письмо.
В чем дело? Ужели забыта?
Болезнь ли в молчании скрыта,
А может быть, письма мои
Вам не приносят отрады?
А может, на Вашем пути,
Как скалы, большие преграды?
А может быть... Нет, не хочу —
Избавьте от мысли коварной.
Черкните же, я Вас прошу.
Я буду Вам так благодарна.

Молчание было вызвано очень тяжелым моральным состоянием Дмитрия Трофимовича. Я тогда об этом не знала, но чувствовала, как трудно ему там, в Москве.

А Дмитрий Трофимович, прилетев в столицу, увидел своими глазами, как вещи выбрасывают в коридор в присутствии понятых, дворников и милиции. Разбросаны посуда, мебель и самое дорогое для Дмитрия Трофимовича — книги. Растерянная дочь Виктория уговаривала знакомых, соседей приютить временно вещи. Некоторые тайком помогали, а другие из-за боязни быть замешанными проходили мимо, опустив глаза.

Трудно передать словами состояние Дмитрия Трофимовича. Вот он сидит на ступеньках лестницы и веревкой связывает стопочки книг, которые занимали все четыре стенки его кабинета. Он всегда знал, где находится та или иная книга — художественная, научная,

экономическая, философская, политическая, где какое собрание сочинений классической литературы. Теперь же все смешалось на полу в коридоре, более семи тысяч книг.

Представьте, после глубокого потрясения на пленуме, после ссылки в Киргизию — изломана вся жизнь, потеряно то, чему посвятил себя. Бессонные ночи над научными трудами, тяжелые будни и радостные дни побед на фронте, честная битва за лучшее будущее своего народа — и все разбито, поругано, отнято, даже квартира. Казалось, рушится вся жизнь, смысл самой жизни. и некому жаловаться, не у кого просить защиты и справедливости. Все это делается с санкции самого Хрущева — убить морально.

— Когда я сидел на лестнице в коридоре, перевязывая веревкой книги, меня охватила такая тоска и безысходность, а прямо в центре головного мозга была одна мысль, неотступно, настойчиво, — рассказывал мне однажды Дмитрий Трофимович. — Вот — веревка, крепкая веревка, она выдержит тело, не оборвется. Зацепить за перила лестницы, сделать петлю на шею — и все решится само собой. Я уже стал измерять длину веревки, как вдруг чьи-то руки легли мне на плечи. Крепкие, сильные руки. «Что задумал, Дмитрий Трофимович? Не то задумал. Дайка мне веревку, так лучше будет». Я крепко уцепился за веревку, но ее выхватили из моих рук. Опомнившись, поднял глаза — рядом сидела уборщица на нашей площадке, помогала мне собирать книги. Это ее ровный, спокойный голос спас мне жизнь. «Все наладится у вас, все будет хорошо. Попомните меня, — продолжала она. — Давайте, я лучше буду завязывать, а вы в стопочки складывайте». Я машинально собирал книги, ставил к стенке в коридоре. Потом поздно вечером приехал зять, Евгений Аркадьевич Косырев, и увез к себе книги...

Все эти потрясения не прошли бесследно. У Дмитрия Трофимовича были сильные головные боли, бессонница. Восемь месяцев он и Марьяна Михайловна скитались, ночуя

когда в гостинице, когда у знакомых. Сколько было написано писем, прошений — и все без ответа. Он понял: доказывать что-то бесполезно.

Тогда Марьяна Михайловна, подкараулив Нину Петровну Хрушеву, умолила ее поговорить с Никитой Сергеевичем, попросить предоставить ей жилье. И им — вернее ей — предоставили две небольшие комнаты (9 и 12 кв. метров) на Кутузовском проспекте, дом 40. Квартирка на четвертом этаже, а на первом располагалась столовая комбината питания. Огромная выхлопная труба из кухни выходила прямо на окна комнат. Гарь, запахи, дым... Невозможно было открыть окна, даже солнце в квартире не появлялось, и днем приходилось включать электрический свет. Комната, где жил Дмитрий Трофимович, была проходная. Тут стояли его кровать, письменный стол, буфет, диванчик. В 9-метровой комнате — спальня и бельевые шкафы Марьяны Михайловны. Книги лежали в общем с соседями коридоре. Я это видела своими глазами. Так жили они до 1973 года.

А еще в 1960 году, получив прописку, Дмитрий Трофимович ходатайствует о направлении его на работу, так как на одну пенсию не проживешь. Ему дают направление в Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Вот как спустя двадцать лет рассказывал Дмитрий Трофимович о своем поступлении в Архивное управление на одной из встреч с его сотрудниками:

«Седьмое сентября 1960 года. Когда я пришел сюда, почему-то Владимир Федорович был страшно перепуган. Он как-то потирал нервно руки, не знал, то ли сесть, то ли встать. Я, например, приехал из Киргизии и был бесконечно рад, счастлив, потому что — не знаю, можно ли с другим городом сравнить Москву! Я ее беспредельно люблю. Знаете, даже аромат асфальта, политого вечером, мне казался таким сладким, таким приятным.

Когда у меня в ЦК спросили: «Что бы вы хотели?» — я сказал, что я хотел. Я ушел на фронт из Академии

наук, я — научный работник, и хотел бы вернуться в академию. Может быть, я «заработал» себе право уже не вести никакой организационной работы, однако мог бы работать научным сотрудником. Вот как была сформулирована моя просьба.

И добавил, что, если моя просьба будет удовлетворена, прошу допустить меня к архивам и к государственной статистике, потому что у меня есть две начатые капитальные книги по проблемам экономической теории, которые я хотел бы завершить.

Может быть, это послужило основанием. Но когда мне назвали Архивное управление, я не знал, что это такое, но бесконечно был рад и счастлив.

Когда я пришел в кабинет Белова, я, наверное, сиял от счастья. Я улыбался. Хотелось видеть, что и он счастливый человек: у него архивы, материалы. А он все судорожно дергался, не зная, что и сказать. И сказал примерно так:

— Вы знаете, что... — потом сделал паузу. — Понимаете, вы — особый человек. Как мне быть? Например, жалованье. Я ничего не могу сделать, я могу вот предложить только 180 рублей и прибавку, как профессору.

— Блестяще! — говорю ему. — Лучшего и желать не надо.

— Но я не могу предоставить вам кабинет...

— Мне никакого кабинета не нужно. Буду, наверное, с документами иметь дело, с тем, что вы мне поручите.

А он все судорожно двигал руками и говорил вроде того, что не пересмотрю ли я свою позицию...»

Из этого рассказа Дмитрия Трофимовича видно, какое чувство радости охватило его, что он вновь занят делом. Что не выброшен совсем из этой жизни. Что у него есть крыша над головой и работа.

В одном из писем Марьяна Михайловна мне сообщила, что Дмитрий Трофимович плохо себя чувствует, часто и сильно простуживается, поскольку квартира сырая и темная. Я забеспокоилась и послала из Кисловодска трехлитровую

банку пчелиного горного меда. Ох, и досталось же мне за это от Дмитрия Трофимовича! Но мед был кстати перед операцией. В 1961 году профессор А.А.Вишневецкий, известнейший хирург и добрый знакомый Дмитрия Трофимовича, сделал ему удачно операцию.

Когда Дмитрий Трофимович лежал на излечении, его заочно исключили из партии. И опять над ним навис дамоклов меч. Опять нервные стрессы, опять неопределенность, опять угроза жизни. И вновь — борьба за жизнь.

1962 год. Нахожусь на рабочем месте. Звонит телефон, а в трубке слышу такой знакомый голос: «Я в Кисловодске, санаторий «Россия», палата 50. Может, навестите на досуге старичка?» В обеденный перерыв я помчалась в санаторий. Нашла палату, постучала, вошла. За столом сидят и дуются в домино трое мужчин. Палата на 4 человек. Спрашиваю, прибыл ли кто-нибудь сегодня в их палату.

— Да, прибыл, такой красивый мужчина. Сказал, Шепилов. Это кто, не тот ли самый Шепилов?

— Да, тот самый, — ответила я.

— Ой, а мы-то его приглашали выпить за новоселье. Но он поблагодарил и ушел.

«Ничего себе компаньоны собрались», — подумала я и отправилась к главному врачу санатория Лаурсабу Никифоровичу Шерашенидзе — прекрасному, умному человеку, бывшему фронтовику. Тот очень помог Дмитрию Трофимовичу, хотя и знал о фактах произвола властей в отношении Хомутова и Бодровой. Дмитрия Трофимовича перевели в отдельную маленькую палату, где он и пробыл до конца срока путевки. Вот каким глубоким уважением пользовался Дмитрий Трофимович у честных людей, особенно среди интеллигенции.

С того же года мне навсегда запомнился еще один эпизод.

На Кавказских Минеральных Водах гастролировал Московский государственный симфонический оркестр. Его выступления в Кисловодске проходили в Музыкальной раковине парка «Площадка Роз». Дмитрий Трофимович не

пропускал ни одного выступления. Я не помню всей программы этого оркестра, но помню, что дирижировал им Янсонс.

В один из вечеров мы пришли перед самым началом концерта и сели на два свободных крайних места в четвертом ряду. Акустика в этой раковине превосходная, а Ленинградский оркестр, как выразился Дмитрий Трофимович, играл «божественно». Зал был полон, даже стояли в конце у выхода.

И вдруг вижу: дирижер повернулся в нашу сторону и низко поклонился. Потом весь оркестр овацией приветствовал Дмитрия Трофимовича. Почувствовав такое внимание, он встал, благодарно аплодируя музыкантам. Многие в зале узнали его и тоже присоединились к овации оркестра.

И как достойно вел себя Дмитрий Трофимович! Он поклонился оркестру, залу, и мы прошли за кулисы. Тут Янсонс и музыканты сердечно обнимали Дмитрия Трофимовича, наговорили столько добрых, подбадривающих слов, что хватило бы на сто человек.

После концерта оркестр почти всем составом провожал Дмитрия Трофимовича в санаторий, а многие слушатели шли и наблюдали издали. В последующие дни во время прогулок по парку с Дмитрием Трофимовичем здоровались незнакомые ему люди и желали самого доброго...

Сближает горе, но сближает и радость.

Дмитрий Трофимович в моей семье стал дорогим человеком. О моей маме он говорил: «Мудра от природы, добра от щедрости сердца». Я запомнила его слова — лучше не скажешь! А как была рада, что самочувствие Дмитрия Трофимовича улучшается, настроение — превосходное. После отъезда он стал чаще мне писать. Я отвечала по мере возможности.

Наступил 1964 год. Дмитрий Трофимович по-прежнему живет в тесной темной комнате с той же выхлопной трубой — и работает, работает, работает. Не сгибается под бременем перенесенных унижений. Мне кажется, в моральном плане

ему очень помогало доброжелательное отношение со стороны окружавших людей и сослуживцев, которые чувствовали, что с такой эрудицией, умом, знаниями он мог бы принести обществу куда как больше пользы на другой должности. Об этом уже открыто говорили ему после ухода Хрущева со своего поста.

Стали ходить слухи (они дошли и до Кисловодска), что Шепилова возвращают на прежнее место. По другим слухам, его назначают то ли министром культуры СССР, то ли директором Большого театра. Говорили, что обстановка изменилась и нельзя «сидеть сложа руки». Так говорили близкие и жена. Многие верили, что все у него наконец-то будет хорошо, и радовались за него.

И Дмитрий Трофимович решил написать письмо. Прилагаю подлинный текст этого письма (орфография и пунктуация в нем сохранены):

«В Президиум ЦК КПСС

В соответствии с Уставом партии, я, как подобает коммунисту, принял к безоговорочному исполнению и руководству решения июньского Пленума ЦК 1957 года, а также определенные в отношении меня организационные меры и меры наказания. Я добросовестно трудился на порученной мне работе.

Тем не менее, на протяжении последующих лет Н.Хрущев, злоупотребляя своим положением, продолжал обрушивать на меня дополнительно одну репрессию за другой. Я мог бы привести здесь не менее двух десятков фактов невероятного произвола, насилий и беззаконий, которые учинялись в отношении меня и моей семьи. Упомяну лишь некоторые:

— В марте 1959 г. Академии наук СССР предписано было лишить меня звания члена-корреспондента, как «выступившего против интересов народа», т.е. по существу по зловещей формуле 1937 г. — «враг народа», которая не требовала никаких доказательств и которая свела в могилы тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей — цвет

нашей партии и народа. Лишение было проведено заочно и с грубыми нарушениями Устава Академии.

— В сентябре 1959 г., при подготовке меня к хирургической операции (удаление желчного пузыря), я был, под угрозой со стороны прокуратуры, отозван из санатория и в административном порядке, с участием коменданта, дворников, истопников и др., выселен с семьей на улицу из своей квартиры, в которой прожил 21 год. Выселение состоялось под тем заведомо фальсифицированным предлогом, что я, якобы, имел вторую квартиру в Киргизии, хотя я документально доказал прокуратуре, что использовавшиеся мной 2 комнаты в г. Фрунзе я освободил и сдал за много месяцев до моего принудительного выселения.

— В октябре 1959 г. на городском партийном активе г. Фрунзе первый секретарь ЦК Киргизии со ссылкой на «указания Москвы» объявил меня, тогда члена партии, советского профессора и генерала, «политическим ссыльным». Вслед за тем, в Горкоме партии меня обязали не выходить никуда за пределы городской черты.

— Утром 22 ноября 1961 г., т.е. через 4 с половиной года после Пленума ЦК 1957 г. и без малейшего повода к тому, начальнику Архивного управления и секретарю парторганизации приказано было «сегодня провести исключение Шепилова из партии». Остались без внимания многочисленные вопросы и недоумения на партгруппах: законно ли рассматривать дело заочно в период моей тяжелой болезни и чем вызван неожиданный возврат к вопросу, решенному Пленумом ЦК в 1957 г.? Исключение было проведено в тот же вечер заочно, с грубым нарушением Устава партии. Формулировка исключения: «За участие в антипартийной группировке, фракционные антипартийные действия исключить Шепилова из членов КПСС».

Октябрьский Пленум ЦК 1964 г. во всей широте поставил задачи утвердить на деле во всех сферах нашей

государственной и общественной жизни ленинские принципы коллективизма, разумного руководства и управления, законности и социалистической морали, против всякого волюнтаризма, произвола, личных вкусов и прихотей.

Прошу Президиум ЦК поручить тщательно проверить все инкриминируемое мне и восстановить меня в рядах Коммунистической партии.

(Подпись)

7 декабря 1964 г.

Шепилов Д.Т., ученый археограф

Главного архивного управления

при Совете Министров СССР

служ. тел. Г 5-00-19, доб. 4-73

дом. тел. АГ 8-30-12».

Написал он это письмо и стал ждать ответа...

Кстати, после исключения Шепилова из партии осложнилась обстановка и у меня на работе. Директор филармонии Ещенко стал придирчиво относиться ко мне и неоднократно говорил: «Я претензий к вашей работе не имею, но прошу вас подать заявление об уходе. Мне все труднее становится защищать вас». «От кого?», — спрашивала я. Он отмалчивался.

Работала я в то время заведующей концертным отделом Кисловодской государственной филармонии. Объем работы был огромный: филармония имела симфонический оркестр, 3 эстрадных коллектива по 20 человек, музыкальный лекторий, артистов-чтецов, вокалистов-солистов, квартет камерной музыки. Всех нужно было обеспечить нормой концертных выступлений, зарплатой. Плюс доход филармонии. К тому же ежегодно приезжали на гастроли иногородние и зарубежные коллективы, солисты, театры, что тоже отнимало уйму времени. Мы работали на износ, ведь филармония обслуживала 4 курортных города на Кавминводах со 150 санаториями и соседние районы

Шепилов в парке Кисловодска. 1966 год

Ставропольского края. А в штате концертного отдела было всего 3 человека. Я страшно уставала.

Когда в 1966 году Дмитрий Трофимович приехал, он убедился, в какой обстановке мне приходится работать, когда даже времени нет пообедать. И он ежедневно стал приходить ровно в час дня, чтобы отводить в ближайшее кафе. Буквально кормил меня, как ребенка. Сидит около,

пока я все не съем. Как дорога мне была его забота! А уезжая, сказал: «Надо перебраться в столицу, где у меня есть друзья». И благодаря невероятным усилиям с его стороны, в 1969 году я переехала в Москву.

А в том же 1966 году, когда я еще жила в Кисловодске, он писал (цитирую кусочек письма):

«Дорогой мой друг! Что-то так тягостно мне эти дни. Казалось бы, никакой причины к этому нет. Все остается так, как было, без всяких изменений. А на душе — метель.

Работаю целые дни, как одержимый, без передышки. Затем иду домой пешком часа полтора. А вечером дома снова работаю. А когда очень устану, сажусь за пианино и, как семилетний школьник, зубрю, зубрю этюды, песни и упражнения. Так и идут дни. По воскресеньям в волшебном сосновом бору в Раздорах хожу на лыжах. Это великое наслаждение, хоть и не надолго. Прерывает ход всяких мучительных и часто ненужных размышлений. Ну, да Вы не тревожьтесь. Я ведь трехжильный. Справлюсь со всем...»

Настал 1970 год. У Дмитрия Трофимовича состоялась встреча с министром обороны СССР А.А.Гречко, с которым ранее был знаком. Андрей Антонович заинтересовался, как живет «генерал Шепилов». А узнав, заявил: «Генералу не положено жить в таких условиях. Напишите мне и Брежневу». Шепилов пишет два обстоятельных письма — сначала Гречко, а на следующий год — Брежневу.

В письме к министру обороны речь в основном шла о пенсии. Цитирую выдержку из него:

«Постановлением Совета Министров СССР № 535 от 15 июня 1955 г. я был прикомандирован к ЦК КПСС с оставлением в кадрах Советской Армии, а в 1957 г. приказом Министра обороны СССР № 01618 от 6 июля был переведен в запас. Срок службы в Советской Армии мне начислен 21 год 8 месяцев 24 дня. Мой оклад составлял 806 рублей (в старых деньгах).

Я был бы глубоко благодарен партии, Правительству и Вам, глубокоуважаемый Андрей Антонович, если бы было сочтено возможным установить мне положенную законом воинскую пенсию и необходимое медицинское обслуживание.

14 мая 1970 года. Гвардии генерал-майор запаса Д.Шепилов».

Это ходатайство пошло по инстанциям и где-то надолго застряло.

В 1971 году в письме к Брежневу Шепилов пишет, излагая свой жизненный путь: фронт, незаконные поступки по отношению к нему и наказания со стороны Хрущева, сложившаяся семейная обстановка. И опять молчание было ответом ему.

А между тем в семье Дмитрия Трофимовича действительно складывается непростая обстановка. Вдобавок ко всему, скоропостижно скончался зять, и на попечении Дмитрия Трофимовича остается шестнадцатилетний внук Дима. Всю заботу о нем берет на себя дед.

И только в 1973 году Дмитрий Трофимович получает извещение о предоставлении ему 2-комнатной квартиры на улице Супруна. Когда мы с ним осматривали квартиру (он почему-то пригласил меня), я увидела сияние его глаз. Квартира солнечная, в новом 12-этажном доме, на 10-м этаже, два лифта. Он был доволен и рад — как никогда за последние годы.

...Живя уже в Москве, я часто бывала в доме Дмитрия Трофимовича на Кутузовском, а потом вот на улице Супруна. Мы вместе ходили на концерты, а потом на прогулки. Излюбленное место прогулок было на Раздорах, мимо деревни Жуковки, где снимала комнатку Галина Михайловна Паушкина. После прогулки — с кем бы ни были — мы заходили к ней пить чай с бубликами.

Прогулки с Дмитрием Трофимовичем были одно наслаждение. Он очень много рассказывал, и твоя голова наполнялась интереснейшими событиями в мире

литературы, музыки, искусства, науки, политики. К тому же прекрасные живописные места Подмосковья, свежий воздух, интересное общение давали заряд энергии, хорошего настроения. Об одной из таких прогулок мне и хочется поведать.

Это было ранней весной 1973 года. Мы выехали за город (мы — это Дмитрий Трофимович, Марьяна Михайловна, я, моя подруга Марина Кузьминична Лобода с мужем Германом Васильевичем и ее братом Анатолием). Когда вышли из электрички в Ильинском, Дмитрий Трофимович поднял вверх руки и, будто молясь, вздохнул глубоко грудью, произнес:

— Благодать! Как прекрасна жизнь!

Эти благословенные места Дмитрию Трофимовичу и мне были очень хорошо знакомы. Раньше он показывал дачу Шостаковича, куда его неоднократно приглашал Дмитрий Дмитриевич на прослушивание созданного им нового произведения.

И когда мы теперь стали подходить к даче за высоким деревянным забором, открылась калитка. Сначала из нее вышел мужчина в кепке, вслед за ним — В.М.Молотов и еще один молодой мужчина. Помню, Вячеслав Михайлович был одет в черное драповое пальто и серую шляпу. Лицо выглядело довольно моложавым для его возраста, но абсолютно седые волосы и брови.

Выходя из калитки, они о чем-то между собой говорили. Но, увидев Шепилова, Молотов прервал разговор и со словами «Дмитрий Трофимович!» быстро подошел к нему. Он не скрывал радости встречи, положил обе руки на грудь Шепилова и готов был его обнять. «Зайдемте ко мне, я так рад нашей встрече», — заговорил Молотов.

Дмитрий Трофимович поддерживал Вячеслава Михайловича под локти. Мы, стесняясь, отошли в сторонку, но их разговор хорошо слышали. Молотов все жаловался, что с ним поступили незаконно, но он не думает смириться.

*На прогулке в подмосковной деревне Жуковка, 8 марта 1973 года:
(слева направо) Марьяна Михайловна, Дмитрий Трофимович,
Тамара Петровна Толчанова, Марина Кузьминична Лобода,
Анатолий Шатько.*

Прогулка в Подмосковье

Уговаривал Шепилова писать в ЦК партии Брежневу, в Политбюро ЦК. И опять уговаривал сейчас же зайти к нему, но Дмитрий Трофимович посетовал, что он не один, и показал на нас. Тут Вячеслав Михайлович повернулся в нашу сторону, не то здороваясь с нами, не то извиняясь. Затем пригласил Дмитрия Трофимовича в следующий раз обязательно навестить его:

— Что ж мы, как чужие! Дмитрий Трофимович, как же так? Столько лет не виделись...

На все вопросы Шепилов отвечал уклончиво, дипломатично, не обижая Молотова, но и не обещая зайти.

Эта случайная встреча свидетельствует о том, что все минувшие годы они не общались. Оба корректно распростились. Дмитрий Трофимович подошел к нам, а Вячеслав Михайлович в сопровождении двух мужчин направился в противоположную сторону.

Позже Феликс Чуев, выпустивший книгу о Молотове, мне говорил, что тот весьма тепло отзывался о Шепилове, считал его порядочным и умным человеком.

Мы пошли дальше. Дмитрий Трофимович был немного задумчив. О чем он думал? Жаль, что Герман Васильевич постеснялся тогда запечатлеть неожиданную встречу двух бывших министров иностранных дел СССР, а заснял на пленку лишь нашу прогулку.

Возвращаясь, сидя рядом в электричке с Дмитрием Трофимовичем, я сказала:

— Быть может, Вячеслав Михайлович и прав: надо написать Брежневу или в ЦК о восстановлении в партии.

Марьяна Михайловна меня сразу поддержала. Шепилов же отмолчался. Но позднее он написал еще одно письмо Л.И. Брежневу, на которое тоже не было никакого ответа...

И все же в жизни, очевидно, многое устроено так, как у природы: похолодание сменяется потеплением. В 1976 году на одно из писем в ЦК, написанных Дмитрием Трофимовичем, приходит наконец ответ — приглашение

на собеседование в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, к его председателю А.Я.Пельше.

Я сопровождала Дмитрия Трофимовича на Старую площадь. По дороге говорил о чем-то, но и волновался: каково будет решение?

Был февраль. Дмитрий Трофимович вошел в подъезд, я осталась снаружи здания и тоже волновалась, в который раз мысленно перебирая в памяти, сколько же пришлось пережить Дмитрию Трофимовичу за минувшие два десятилетия.

Пробыл Дмитрий Трофимович у Пельше не более 40 минут. Вместо радости на его лице увидела озабоченность.

— Что сказал Пельше? — тормошила я его.

— Он обнадежил, что вопрос будет решен положительно.

— Так что же вы тревожитесь?

— Четырнадцать лет назад я был исключен из партии, незаконно, незаслуженно. Сейчас, беседуя со мной, даже не извинились. Как у них все просто! К тому же, если сейчас восстановят, где взять столько денег, чтобы уплатить партвзносы за этот срок?

— Не волнуйтесь, что-нибудь придумаем, зайдем. Это же возвращение в жизнь, это восстановление поруганной чести, это признание партией своей ошибки.

— Слишком запоздалое. Мне семьдесят лет.

Через несколько дней Дмитрий Трофимович позвонил и сообщил об установлении ему стажа в партии с 1926 года, и что взносы платить не надо.

...Вспомнилось, как в ноябре 1980 года сотрудники архива отмечали 75-летие со дня рождения Дмитрия Трофимовича. Все проходило в такой теплой, душевной обстановке. Вера Владимировна Дехтеренко, близкий друг Шепилова, записала его юбилей на пленку. Прозвучало много сердечных выступлений. Хотелось бы частично повторить сказанное мною тогда:

— Сегодня мне хочется по-русски поклониться вам и сказать: живите долго-долго, пока вам хочется жить. Будьте всегда бодры, как сейчас. Пусть над вашим домом всегда будет голубое небо, а на душе радость. Пусть окружают вас добрые друзья, которые не изменяли вам и не изменят во всех случаях жизни.

А вот ответные слова Дмитрия Трофимовича:

— Дорогие товарищи! Мои милые, хорошие друзья!

Нужно ли говорить, как я взволнован и какое огромное впечатление произвел на меня этот день. И адрес, с такой любовью подготовленный, и альбом, сделанный с не меньшей любовью, трогающий очень, и слова, которые сегодня произнесены, — все это очень впечатляет и очень волнует. Это стоит многого.

Я хочу вам сказать, что то тепло, та сердечность и та искренность, с которыми все это сегодня и подготовлено, и сказано, я, конечно, не забуду до конца дней моих, до последнего издыхания. Спасибо, дорогие друзья.

Здесь меня спрашивали, а как я сам себя чувствую сейчас? Наверное, это не совсем скромно и, может быть, даже вызывающе, но я хочу вам сказать совершенно искренне: в этом году исполнилось, именно в октябре, 60 лет, как я вступил в комсомол. И вот я перебираю сейчас в памяти эти дни. Чем тогда я жил? Какой был круг моих интересов: узкий, большой, маленький, тлеющий ли, яркий? И как сейчас? И вы знаете, я должен прийти и прихожу к выводу, что круг интересов, желанья, надежды, даже перспективы, планы все те же самые, что и 60 лет назад, как это ни странно, потому что, наверное, действительно правда, что самое прекрасное — это сама жизнь. И как бы ни были трудны иные периоды, которые переживает каждый из нас, как бы ни было много сложностей, противоречий, но в жизни столько красивого, столько прекрасного!

И такие дела большие — если брать в историческом плане — раскрываются перед человечеством, что хочется жить, творить, до последнего издыхания своего вносить

свою лепту, делать возможно больше, в возможно больших областях. Ведь разносторонность интересов — это, думаю, присуще каждому человеку.

И вообще ту жизнь, которую я прожил, можно было прожить по-другому. Но в общем каждый внес в общее дело ту лепту, которую он мог внести. Внес и я какую-то свою маленькую лепту.

Вы мне сказали от доброго сердца, искренних чувств многое даже из того, что я и не заслуживаю. Поэтому земной вам поклон и искренняя благодарность, потому что то тепло, тот свет, та искренность, которые излучали слова каждого, — они впечатляют и они придадут еще много-много сил мне.

Я сейчас живу и работаю с сознанием того, что все еще впереди. Вот, собственно говоря, все. Спасибо вам еще раз. Доброго, красивого праздника!

Вчитайтесь внимательно в его слова: «И вообще ту жизнь, которую я прожил, можно было прожить по-другому». Да, по-другому, если бы не его откровенное заявление на июньском Пленуме ЦК, что неграмотный человек не может руководить государством. Умолчал бы — и, благополучно заискивая и унижаясь, мог быть у власти, как это сделали другие. Но он поступил иначе...

Ох, как безжалостно бежит время, делая свое дело, приближая сознание к тому, что наступает старость — потеря сил и надежд на будущее.

Еще с 1962 года Дмитрий Трофимович приступил к созданию книги. Я знала, как урывками, скрывая от всех, по ночам он садился за свой любимый письменный стол и писал воспоминания. «Надо написать правду: что сделано и что не мог сделать», — говорил он мне.

Спустя 20 лет Шепилов подал заявление об увольнении с работы в связи с уходом на пенсию. Но связи как с коллективом архива, так и с ополченцами, боевыми

В Архангельском под Москвой. Лето 1983 года

товарищами не терял. Активно участвовал в работе Совета ветеранов 4-й гвардейской армии, они создали Музей боевой славы, который и по сей день ведет активную работу с молодежью. Душой музея теперь стала Лира Михайловна Сашенко.

Продолжал Дмитрий Трофимович и работать над книгой. При любой возможности посещал концерты, театры. Несколько раз по моим приглашениям бывал на творческих встречах, в том числе с писателями В.Распутиным и В.Астафьевым. Однако с возрастом возникли сложности со здоровьем, в частности, предвиделась операция по удалению катаракты. Шепилов переживал, что трудно будет заканчивать книгу. К тому же много времени уходило на домашние дела: он сам занимался уборкой своей комнаты, ходил за продуктами, в прачечную. На мое предложение помочь

Дмитрий Трофимович ответил: «Да ничего, есть ведь повседневные дела, которые должен решать только сам».

В 1994 году скоропостижно умерла жена, с которой было прожито вместе более шестидесяти лет. Он как-то растерялся, и одиночество его угнетало. Дочь с мужем перебрались жить в квартиру Дмитрия Трофимовича.

Шепилов никогда не имел ни своей дачи, ни машины. Летом обычно старался уехать в санаторий или ложился «на профилактику» в госпиталь. Я знала, что и в 1995 году он собирался поступить подобным образом.

20 июня раздается звонок. Дмитрий Трофимович сообщил, что находится в неврологическом отделении госпиталя им. Мандриха, что в Сокольниках. «Устроился превосходно. Один в палате с балконом, телефоном, удобствами. Словом, блаженствую, — сказал он. — Надеюсь, навестите? Я еще позвоню вам на днях».

Прошло три дня, а звонка нет. Звоню сама. Трубку взяла медсестра. Оказывается, Шепилов сильно ушибся и не сможет говорить по телефону. Еду в госпиталь. Дмитрий Трофимович лежит в кровати. Увидев меня, заулыбался. В шутовском тоне говорит: «Угораздило ночью упасть с кровати. Выпил снотворное и не рассчитал, что не дома. Упал, очень ушиб шейные позвонки и бедро. Не могу вот пошевелить правой рукой, да спина очень болит». На столе много разных болеутоляющих и снотворных лекарств.

— Что, все эти таблетки сразу пьете?

— Горстями, — с горечью отвечает он, — а боль так и не проходит.

В последующие дни Дмитрий Трофимович с трудом, но вставал, чтобы посидеть в кресле около стола. Пища в госпитале была невкусной, и он с удовольствием ел что-то приготовленное дома. Но боли у него не прекращались. На мой вопрос, был ли сделан рентген, сестра ответила: «Да, переломов нет, только ушибы».

Еще через неделю у Дмитрия Трофимовича поднялась температура, появился сильный кашель. Я обратилась к лечащему врачу Ольге Петровне Фроловой, предположив, что у него воспаление легких.

— А вы что, врач? — поинтересовалась она.

— Но и не врачу ясно, что простужены легкие. Надо что-то делать.

— Мы делаем все, что нужно.

Однако с каждым днем состояние Шепилова все ухудшалось. Пришлось разыскать находившуюся в деревне дочь Викторию Дмитриевну. Стали мы приходить к Дмитрию Трофимовичу через день. В середине июля, когда его состояние стало совсем тяжелым, дочери предложили забрать отца домой. Виктория Дмитриевна растерялась: она одна не сможет ему поменять белье, даже поднять его, да и на «скорую помощь» нельзя надеяться.

Понимая свое положение и, видимо, утратив надежду на выздоровление, Дмитрий Трофимович сказал мне:

— Я всегда верил в вас, дорогой друг, и не ошибся. Вот и сейчас прошу вас выполнить одну мою просьбу. Неужели я уйду из жизни, не оставив о себе добрую память у людей?

— А что бы вы хотели? — спросила я.

Дмитрий Трофимович чуть задумался и продолжал:

— Я хотел бы все-таки, чтобы вышла моя книга «Так сложилась жизнь». Есть много записей, написанных моей рукой. Хотелось бы, чтобы была скромная мемориальная доска на доме, где я жил. И, хотя, может, это невозможно... На Новодевичьем кладбище я заранее предусмотрел шесть мест для захоронения. Поэтому, похоронив меня там, сделайте, если можно, надгробный памятник. Такой, как у Горбатова.

Я сказала: «Дмитрий Трофимович, будем все же думать о жизни. Мы еще вместе ходим в Большой Театр». Добрая улыбка озарила его лицо, и он мягко погладил мою руку —

не хотел меня огорчать. Я тоже знала правду. И в этот момент дала себе клятву сделать все зависящее от меня, чтобы только сбылось последнее желание дорогого для меня человека.

Дмитрий Трофимович попросил меня позвать писателя Владимира Васильевича Карпова, поскольку его очень волновала судьба рукописи почти готовой своей книги. Вскоре Карпов пришел, и Дмитрий Трофимович дал мне и ему доверенность на публикацию. Карпов уже было договорился с кем-то, однако рукописи в доме не оказалось. В папках, где она хранилась, были лишь отдельные отрывки из рукописных глав да некоторые отпечатанные страницы пятого, то есть «слепого», экземпляра. Куда девалась основная часть рукописи, этого при жизни Дмитрия Трофимовича выяснить мне не удалось.

...В больничной палате мы с Дмитрием Трофимовичем вспоминали прошлое, с радостью говорили о встречах в Кисловодске. Но последние его воспоминания носили грустный характер. Однажды, глядя на свои старческие, но все еще по-мужски красивые руки, он поведал о своей последней встрече с Константином Константиновичем Рокоссовским.

Было это в конце июля 1968 года. Узнав, что Константин Константинович тяжело болен и находится в больнице, Дмитрий Трофимович попросил через главного врача больницы навестить его, и маршал дал согласие. Шепилову сообщили, что Рокоссовский уже не встает, состояние его здоровья очень тяжелое. Дмитрий Трофимович приготовился увидеть его лежащим в постели. Но когда он вошел в палату, Константин Константинович, исхудавший до неузнаваемости, сидел в кресле. По обе стороны от него стояли двое мужчин в белых халатах. При виде гостя Рокоссовский попытался приподняться в кресле, опираясь на подлокотники. Двое в халатах помогли ему, и он сделал два-три шага навстречу. Но сил уже не было, и его снова усадили в кресло.

Один из последних снимков Шепилова. Декабрь 1990 года

«Все слова утешения, что я приготовился ему сказать, куда-то улетучились, — вспоминал Дмитрий Трофимович. — Я опустился на колени перед умирающим маршалом и с трудом сдерживал рыдания, клокотавшие у меня в горле. Константин Константинович положил руки мне на плечи, и слезы потекли из его глаз. Задыхаясь, он с трудом проговорил: «Вот видишь, какой. Прости, что так встречаю». Мы оба плакали, так и не сказав ничего друг другу». Через неделю Рокоссовский умер.

Рассказывая, Дмитрий Трофимович волновался, вновь переживая последнюю встречу двух хорошо знавших друг друга людей — и по фронту, и по жизни. Оба прожили нелегкую жизнь, но сохранили честь и достоинство Человека с большой буквы.

Как тяжело видеть, что из жизни уходит дорогой человек, а ты ничем уже не можешь ему помочь! У него с собой была опасная бритва, и никто не решался его побрить. Я купила электробритву и, когда мы его первый раз побрили, сделал теплый компресс лица. Сколько же было радости в его глазах, сколько было высказано мне слов благодарности.

В разговорах со мной он припомнил еще один эпизод из своей жизни. Это случилось в 1982 году. Шепилов отдыхал в санатории в Архангельском. В столовой Дмитрий Трофимович сидел за одним столом с Утесовым. Они часто вместе прогуливались вечерами по аллеям парка. И в тот памятный вечер они гуляли в парке, тихонько напевая дуэтом. Все было как обычно. Разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Утром Дмитрий Трофимович заметил, что на столе в столовой не стоит прибора для Утесова. Он обратился к официантке: «Что, Леонид Осипович уже позавтракал?» «Нет», — ответила официантка уклончиво и ушла. Дмитрий Трофимович пошел на этаж, где жил Утесов, и узнал, что ночью Леонид Осипович скончался...

Состояние здоровья Дмитрия Трофимовича очень резко ухудшалось, он стал задыхаться. Я постоянно умоляла врачей помочь, но мне каждый раз холодно и коротко отвечали: «Возраст».

За неделю до смерти Шепилова перевели в отделение реанимации. Врач показал мне рентгеновские снимки: оба легких были поражены, но слишком поздно спохватились. Дмитрий Трофимович уже не мог говорить, и нам оставалось лишь молча и с грустью смотреть друг другу в глаза. Я чувствовала, что теряю друга, дорогого человека, и ничего не могу сделать.

17 августа я в три часа дня прорвалась в палату. Вокруг Дмитрия Трофимовича стояли несколько человек в белых халатах. Была подключена капельница. Я громко произнесла его имя. На какое-то мгновение он приоткрыл глаза. Мои глаза поймали его взгляд — последний взгляд дорогих карих глаз. Ему сделали укол, но больше он в сознание не приходил, как позже сказал врач. В три часа ночи 18 августа перестало биться сердце Дмитрия Трофимовича.

Гражданская панихида прошла в конференц-зале Академии наук. Прощальное слово сказали академик Абалкин, генерал Тютхяев, директор Архивного управления Пихоя и писатель Карпов.

19 августа 1995 года газета «Правда» от имени своего коллектива опубликовала некролог «Он был и остался правдистом. Памяти Д.Т.Шепилова». Вот его полный текст:

«Закончил земной путь Дмитрий Трофимович Шепилов. Среди самых заметных вех его жизненной биографии — работа главным редактором газеты «Правда» в 1952 — 1956 годах.

Имя его широко известно в стране и в мире, хотя политическая фортуна, кажется, не баловала Дмитрия Трофимовича своим вниманием. Больше того — не благоволила ему. На долгие и не самые славные в нашей истории годы к нему прилепилось хрущевское — «и примкнувший к ним Шепилов». Как бы не сам по себе

государственный человек и политик, крупная личность, секретарь ЦК КПСС в 1955 — 1957 гг., генерал, а некто, самостоятельного значения не имевший, способный лишь дополнить собой группу более весомых политических лидеров (Молотов, Каганович, Маленков и др.), выбравших не тот путь, коим призывал идти страну первый руководитель КПСС.

Меж тем Дмитрий Трофимович был человеком весьма достойного масштаба, и дела его останутся в нашей истории навсегда. Он родился в ноябре 1905-го — почти девяносто лет назад, в Ашхабаде. В его собственноручно заполненной анкете есть любопытная запись об отце: «основное занятие до Октябрьской революции — рабочий-токарь, после Октябрьской революции — рабочий-токарь». Партстаж Д.Т.Шепилова — с октября 1926 г. Окончил два вуза — Московский госуниверситет и Аграрный институт красной профессуры, профессор политэкономии. На вопрос, был ли за границей (включая службу в Красной Армии), следует ответ: да, с Красной Армией в 1944 — 1946 годах в Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Германии, Польше.

Именно после Великой отечественной с должности зам. начальника ГлавПУРККА он в первый раз пришел в «Правду» в качестве члена ее редколлегии. А затем, после перерыва, стал главным редактором.

Имя Д.Т.Шепилова связано с подготовкой XX съезда КПСС, знаменитого секретного доклада Н.С.Хрущева, с огромной по своему значению работой по реабилитации репрессированных по политическим мотивам.

До последних лет своей жизни Дмитрий Трофимович живо интересовался делами «Правды», остро переживал за нее. Он был и оставался правдистом.

Таким он и останется в сердцах всех правдистов, кому довелось работать и встречаться с ним».

СЛОВО О ДРУГЕ

Мое знакомство с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым произошло в Красногорском военном госпитале в 1977 году. Помнится, на прогулки он выходил один — высокий, величественный, недоступный. Наблюдая за ним со стороны, больные говорили шепотом, словно шипели: «Шепилов», а кое-кто добавлял: «Примкнувший».

Я по своей писательской профессии заинтересовался тогда этим человеком, уже много лет пребывавшем в опале: ведь его имя окружала некая завеса таинственности, что-то неизвестное простым смертным...

Вскоре представился случай познакомиться. Шепилова навещала Тамара Петровна — стройная, красивая женщина. Я знал ее, она тогда работала в Бюро пропаганды Союза писателей. Вот она и свела нас.

Тамара Петровна была очень давним и верным другом Дмитрия Трофимовича. Наверное, сказала ему несколько добрых слов обо мне, потому как я сразу почувствовал его радушие и доверительность.

В первой же беседе, на прогулке, Дмитрий Трофимович объяснил, почему он избегает людей:

— Надоели с расспросами, многие лезут в душу, а она болит.

Мне тоже хотелось узнать подробности, почему и как он стал «примкнувшим», но после таких его слов я воздержался. А позднее он сам поведал мне о столь судьбоносном в его жизни происшествии:

«Я не был близок к Молотову, Маленкову и Кагановичу, но встречался, работал вместе — как и с остальными членами Политбюро и ЦК. Когда же Хрущев на пленуме объявил их «антипартийной группой» и потребовал изгнания из партии, я посчитал это несправедливым и заступился за Молотова. Сказал:

— Никита Сергеевич, Молотов — старый большевик, прошел царские тюрьмы и ссылки. Он — старейший партийный руководитель, и мне кажется, что исключение его из партии — наказание слишком строгое.

Хрущев просто взвился от этих моих слов:

— Ах, ты их еще защищаешь! Значит, ты примкнул к этой антипартийной группе.

И тут же потребовал внести в формулировку решения пленума — «и примкнувшего к ним Шепилова». Вот так я и получил такой ярлык.

Хрущев развенчал культ личности Сталина, осудил политические репрессии, а сам любил подхалимаж и допускал самодурство необузданное».

За время пребывания в госпитале мы очень сблизились с Дмитрием Трофимовичем, наверное, еще и потому, что в нашей жизни было много схожего. Молодость его и моя прошла в Ташкенте, оба мы участники Великой Отечественной войны, ну и партийная жизнь, все ее перипетии касались нас обоих в полном объеме.

После госпиталя Дмитрий Трофимович часто звонил мне и приглашал к себе на чашечку чая. Жил он на улице Супруна, недалеко от аэровокзала, что на Ленинградском проспекте. При первом посещении меня удивило, что большой ученый, хоть и бывший, но министр иностранных дел и кандидат в члены Политбюро, живет в скромной двухкомнатной квартире, все стены и коридор которой уставлены шкапами с книгами.

Добрейшая Марьяна Михайловна поила нас отличным чаем, иногда и сама принимала участие в беседах. Но чаще потихоньку удалялась, оставляя нас наедине.

О чем только мы не переговорили за многие годы нашей дружбы!

Слушая его, всегда думал: говорит сама история, надо все это записать. Я советовал Дмитрию Трофимовичу взяться за мемуары, он отмахивался:

— Кому это интересно! Все описано многократно.

Я пытался убедить его, уверяя, что уж он знает такие подробности и детали, которые никому неизвестны.

Однажды, при очередной встрече, он, иронически улыбаясь, сообщил:

— Пишу!

Потом не раз читал мне отдельные места из своих воспоминаний. Я прямо-таки профессионально загорался от этих уникальных рассказов, иногда просил разрешения и записывал их на магнитофон, и теперь с радостью использую эти записи.

С большой любовью вспоминал Дмитрий Трофимович Ташкент и свою юность. Он был не только ученый, но и художник в душе, говорил с лирическими отступлениями, описанием природы, как настоящий поэт.

У Дмитрия Трофимовича был прекрасный баритон, он и пел замечательно. Свою любовь к музыке и к искусству в самом широком смысле сохранил на всю жизнь и глубоко разбирался во всех их тонкостях. Это, в частности, сыграло немалую и весьма полезную роль для всего советского искусства в годы, когда Шепилов работал в ЦК и готовились постановления «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Дмитрий Трофимович говорил:

«В этих постановлениях не обошлось без крайностей, напрасной хулы выдающихся деятелей советской культуры — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Зошенко, Ахматовой. Оценка их творчества переводилась из художественной в политическую, порой им приписывались такие идеологические грехи, о которых они даже не думали».

Дмитрий Трофимович подробно рассказал мне, как появилось постановление об опере Мурадели, и почему ему не удалось отвести несправедливые политические обвинения в адрес композитора:

«Седьмого ноября в Большом театре состоялась премьера «Великой дружбы». Сталин был недоволен, назвал музыку какофонией, а фабулу — искажающей историческую правду. Секретарь ЦК Жданов предложил мне разобраться с положением дел в музыке и подготовить предложения.

Я привлек к работе группу видных музыковедов, композиторов. Мы сделали квалифицированный анализ, и я подготовил соответствующий документ.

Но Жданов посчитал наше мнение «академическим» и с помощниками и консультантами написал свой доклад и — на его основе — известное постановление ЦК об опере «Великая дружба».

Было созвано совещание в ЦК, на котором присутствовали все известные композиторы и деятели музыкальной культуры».

Далее Дмитрий Трофимович изложил содержание доклада Жданова, отметил тяжелое душевное состояние композиторов, которых подвергли несправедливой критике. Не будучи специалистом в музыке, приведу несколько отрывков из воспоминаний Дмитрия Трофимовича, они очень точно излагают суть дела:

«В речи Жданова и в постановлении ясно прослеживались две тенденции.

Одна тенденция — прогрессивная. ЦК предупреждал композиторов против опасности проникновения к нам принципов, форм и творческих приемов современной модернистской буржуазной музыки из Европы и Америки. Музыка уродливой, фальшивой, основанной на атональностях, диссонансах, дисгармонии, на сумбурных невропатических сочетаниях, превращающих музыку в какофонию для удовлетворения извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов. «Надо, — говорил Жданов, — подчеркнуть опасность ликвидации музыки, грозящую ей со стороны формалистического направления, и осудить это направление как геростратову попытку разрушить храм

искусства, созданный великими мастерами музыкальной культуры».

Эти положения в документах ЦК, несомненно, предохранили многих наших композиторов против заражения бактериями модернистской патологии.

Другая тенденция, просочившаяся в постановление ЦК и в речь А.Жданова, — антидемократическая. Здесь большой группе ведущих советских композиторов предъявлены тяжелые политические обвинения. Им инкриминирован отрыв от народа. Они квалифицированы как носители буржуазной идеологии, поборники субъективизма, конструктивизма, крайнего индивидуализма, отсталого, затхлого консерватизма. И они были осуждены как представители антинародного направления, ведущего к ликвидации музыки.

Тем самым всякая творческая полемика на демократических началах здесь исключалась, и композиторам в императивном порядке предписывались такие эстетические и творческие нормы, которые не должны быть предметом свободной демократической дискуссии. Императивность подкреплялась соответствующими организационными мерами.

Такой же политический характер носили и политические обвинения в принятых до этого постановлениях ЦК по литературе, драматургии и кино».

С первой тенденцией из этой цитаты трудно не согласиться даже сегодня (при всей крутости и жесткости второй тенденции), поскольку она наглядно подтверждает правильность опасений, высказанных еще в те далекие годы.

Мне запомнилось сделанное Шепиловым и записанное мною очень точное и меткое описание внешности и переживаний Шостаковича:

«Дмитрий Дмитриевич производил впечатление человека, постоянно находящегося в состоянии душевной

спружиненности, какой-то особой творческой одержимости. Бледный, с туго стянутыми бровями и очень умным, пристальным взглядом серых, резких, экзальтированных глаз, прикрытых толстыми стеклами очков. периодически по лицу и по телу его пробегают конвульсии, будто от прикосновения к электротоку. Кажется, что он разговаривает, совершает какие-то действия, но это лишь видимый фасад. А за этим фасадом непрерывно идет напряженнейшая интеллектуальная работа, огражденная непроницаемым барьером от всякого внешнего проникновения.

Всегда поражала его удивительная скромность, граничащая с какой-то детской застенчивостью. Когда после исполнения, скажем, Седьмой или Тринадцатой симфонии зал буквально сотрясался от оваций, публике было чрезвычайно трудно вынудить Дмитрия Дмитриевича выйти на сцену. И если уклониться от этого оказывалось невозможно, он со страдальческим выражением лица появлялся у рампы, делал несколько отрывистых поклонов, держа руки по швам, и торопливо, словно шатаясь от усталости, удалялся со сцены.

В дни совещания в ЦК мне казалось, что он очень травмирован всем ходом событий, ходит с окровавленной душой...»

Принципиальность и честность едва не сгубили Дмитрия Трофимовича не только на пленуме, осудившем антипартийную группу Молотова. Не раз в наших беседах он возвращался к тому, как пытался разоблачить и развенчать всемогущего многие годы авантюриста в науке Т.Д.Лысенко:

«С Лысенко я познакомился в 1936 году, работая в Отделе науки ЦК. Лысенко тогда делал только еще первые шаги на поприще науки, и аппарат ЦК всячески помогал ему, как новатору, двигаться вперед. Лысенко щедро поощрялся и популяризировался как «практик», как «человек от земли» и противопоставлялся «оторванным от

жизни кабинетным ученым», занимающимся «абстрактными проблемами».

В первый период я тоже старался увидеть в Лысенко «чудо-юдо»: ишь ты, простой агроном, человек «от сохи», а вот самостоятельно и по-новому ставит коренные проблемы биологической науки.

Сам Лысенко из-за своей теоретической малограмотности не мог литературно оформлять приходящие ему в голову новаторские идеи. Нашлись, однако, радетели, которые придавали этим идеям, или порой простым агротехническим приемам, литературное обрамление. Постепенно предположения и домыслы Лысенко стали именоваться ими в широкой печати новыми «открытиями», «биологическими законами», «законами жизни», «мичуринской биологией».

Лысенко уже при жизни провозглашался классиком. Все предшествовавшие ему завоевания генетики, в том числе величайшие открытия и теоретические положения Грегора Менделя и Томаса Моргана, были объявлены Лысенко и его оруженосцами идеализмом и буржуазными выдумками.

Хрущев был круглый невежда. Но он в большинстве случаев, не консультируясь ни с кем и никогда ничего не читая, по наитию квалифицировал, заключал, определял по любому самому сложному вопросу. Он приходил в ярость, когда кто-либо допускал малейшее сомнение в правоте его суждений. И в таких случаях был очень мстителен.

Вся мистификация с Лысенко обусловлена была претенциозностью Хрущева, поддержанного затем, по его же информации, непоколебимым авторитетом Сталина. Этим и объясняется, что молодой агроном, еще не приобщившийся и к сотой доле тех сокровищ, которые накопила биологическая наука, ничего полезного не давший еще сельскому хозяйству, коронуется вдруг в качестве папы «мичуринской биологии».

Лысенко становится академиком и директором Института генетики Академии наук СССР, президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина. Ему трижды присуждается звание лауреата Сталинской премии. По всякому поводу и без ему вручается шесть (!) орденов Ленина и орден Трудового Красного Знамени, Звезда Героя Социалистического Труда. Он становится бессменным депутатом Верховного Совета СССР. И так далее.

С какой-то патологической одержимостью Лысенко ставит под подозрение почти всю армию советских биологов. Сначала, как указывалось, в число идеалистов, антидарвинистов, буржуазных естествоиспытателей попадают Мендель, Морган и вся классическая генетика. Затем в это число начинают зачисляться один выдающийся советский ученый за другим.

Вскоре стараниями Лысенко и других были политически ошельмованы все советские генетики: академики Кольцов, Серебровский, Завадские, профессор Дубинин, профессор Жебрак, десятки и сотни их коллег.

Главным своим критиком Лысенко считал крупнейшего советского ботаника и генетика с мировой известностью, первого президента ВАСХНИЛ Николая Ивановича Вавилова.

Я познакомился с Вавиловым в 1935 году. Ученый с энциклопедическими познаниями, блестящий исследователь и организатор, Вавилов был гордостью советского естествознания. Я многократно был свидетелем на различных сессиях и совещаниях, с каким тактом и терпеливостью старался Николай Иванович вышелушить рациональное из домыслов Лысенко, выступавшего с непревзойденной претенциозностью.

В годы ежовского разгула Вавилов был арестован и погиб в заточении. Погибли и некоторые другие советские генетики и селекционеры. Многие лишились права и возможности работать в своих лабораториях и на кафедрах.

И чем назойливее и шумливее развертывалась кампания против «буржуазной морганистско-мендельянской генетики» и по восхвалению «великих открытий» Лысенко, тем все больше отставала советская биологическая наука от мирового уровня и тем дороже должно было расплачиваться советское общество за это отставание.

Мне, как ученому и коммунисту, очень дороги престиж советской науки и достоинство Советской страны. И я всем существом моим жаждал конца лысенковщины, дискредитировавшей и нашу науку, и мою отчизну. Вот почему я без колебаний поддержал намерение Юрия Жданова (сына А.А.Жданова) выступить с критикой Лысенко на семинаре лекторов.

Программу семинара я доложил Суслову, как начальнику Агитпропа. Доклад Юрия Жданова состоялся. Все изложено было с большим тактом. Критика Лысенко велась в нем в строго научном плане. Доклад был встречен на семинаре с большим сочувствием.

На следующий вечер Андрея Александровича Жданова, Суслова, меня и Юрия Жданова вызвали на заседание Политбюро в кабинет Сталина. Заседание началось с вопроса о докладе на семинаре лекторов. Сталин был хмур. Как я понял из последующего, в руках он держал стенограмму этого доклада:

— Все прочитали доклад Жданова, молодого Жданова?

Голоса:

— Прочитали.

Сталин:

— Это неслыханное дело. Без ведома ЦК на сборе лекторов поставили доклад молодого Жданова. Разделали под орех Лысенко. На каком основании? Кто разрешил?

Все молчали. Мне казалось, что ответ на этот вопрос должен был дать Суслов, как начальник Управления, которому я письменно доложил о всей программе семинара. Но он молчал. Молчание становилось тягостным и невыносимым. Тогда я поднялся со стула и сказал:

Шепилов выступает перед военными на борту крейсера. 1955 год

Шепилов вручает гвардейский знак одному из ветеранов. Рядом — Елена Александровна Тюхтяева, тоже ветеран 4-й гвардейской армии и автор публикуемых в сборнике стихов. Май 1978 года

Генерал-майор в отставке Д.Шепилов выступает на митинге в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве. 5 мая 1984 года

Друзья-ветераны (слева направо) И.Дьяченко, Д.Шепилов, М.Егоров, Я.Старчевский в музее 4-й гвардейской армии. 1985 год

— Я разрешил, товарищ Сталин.

В комнате повисла свинцовая тишина. Сталин круто остановился против меня, и я встретился с его испытующим и тяжелым взглядом.

— На каком основании? Вы что, не знаете, что на Лысенко держится все наше сельское хозяйство?

В какие-то доли секунды у меня в мозгу пронеслись картины прихода ко мне многих ученых, стариков-селекционеров с жалобами на свою затравленность лысенковской камарильей. Я вспомнил делавшиеся мне многочисленные сообщения о дутом характере лысенковских «великих открытий» и «достижений». И я сказал:

— Товарищ Сталин, вам неправдиво докладывают о работах Лысенко. Ко мне приходили наши выдающиеся ученые-селекционеры. Их сортами засеваются десятки миллионов гектаров пшеницы, ржи, клевера, гречихи. Но все они заклеяны Лысенко и его сподвижниками кличками «вейсманисты», «морганисты», «антимичуринцы». Ученые не могли назвать мне ни одного нового сорта, действительно выведенного Лысенко, ни одной действительно крупной научной рекомендации, поднимающей наше земледелие. Я готов нести любое наказание. Но я убедительно прошу поручить специальной комиссии разобраться с работами Лысенко. Без высшей комиссии ЦК никто не осмелится решить это дело правильно.

Я выпалил все это на едином дыхании. Громко. С горячей взволнованностью.

В этом кабинете обычно никто не произносил речей. По самым сложным вопросам здесь все говорилось очень лаконично: «Да», «Нет», «Правильно», «Принять», «Поручить разобраться». В этом кабинете обычно не говорилось громко. Очень тихо, глухим голосом говорил сам Сталин. Другие не выходили из этого тона.

А у меня получился какой-то «крик наболевшей души». Все молчали...

Сталин подошел к своему столу, взял папиросу, вытряс табак из гильзы в трубку.

— Нет, это так оставить нельзя. Надо поручить специальной комиссии ЦК разобраться с делом. Надо примерно наказать виновных. Надо составить развернутое решение ЦК. Собрать ученых и разъяснить им все. Надо поддержать Лысенко и развенчать как следует наших доморощенных морганистов...»

После таких слов Сталина, Дмитрий Трофимович не одну неделю прислушивался по ночам: не подъехал ли «черный воронок» к его дому и не звонят ли в его дверь визитеры с Лубянки. Но — пронесло.

Кстати, Шепилов был высокого мнения об интеллектуальном и образовательном уровне Иосифа Виссарионовича. Он осуждал его диктаторские поступки, репрессии, но, наряду с этим, рассказывал мне и о созидательной работе Сталина. Помню его неоднократные рассказы о том, как Сталин руководил работой ученых при создании учебника по политической экономии.

— Еще задолго до войны Сталин указал на необходимость подготовить добротный учебник политической экономии. Эта работа была поручена члену-корреспонденту Академии наук СССР Л.А.Леонтьеву. На протяжении десятка лет он подготавливал один вариант учебника за другим. Но ни один из них не удовлетворял Сталина, и тот требовал дальнейшего совершенствования текста.

За несколько месяцев до войны Леонтьев подготовил очередной вариант макета. По указанию Сталина создана была комиссия Политбюро ЦК для просмотра текста.

29 января 1941 года Сталин высказал членам комиссии и автору свои замечания по данному проекту учебника.

Дмитрий Трофимович показал мне записи, которые он сделал по ходу заседания комиссии, и конспект всего сказанного Сталиным.

— Я думаю, — сказал Шепилов, — это единственная очень подробная и уникальная запись, характеризующая диапазон знаний и мышления Сталина. Он говорил об общих закономерностях политической экономии. О законе стоимости. О планировании. О заработной плате. И так далее.

Высказывания Сталина по сути дела давали основу для отдельных глав и учебника в целом. Комиссии было поручено на основе дискуссий и указаний Сталина написать новый макет учебника по политэкономии.

Комиссия это поручение выполнила. Но Сталина проект не удовлетворял. Шепилова вызвали на дачу к Сталину. У них состоялась долгая беседа, и Сталин назначил Шепилова руководителем авторского коллектива по созданию учебника. Два часа Сталин давал подробные установки по его содержанию и устранению недостатков и ошибок в ранее представленном макете.

Редактором «Правды» Шепилова назначал тоже сам Сталин. Дмитрий Трофимович не скрывал, что гордился этим назначением. Он сначала отказывался, ссылаясь на сложное и большое поручение, которое уже имел — создание учебника политэкономии. Сталин возразил:

— Никто не собирается освобождать вас от работы над учебником. Зачем это? Работайте и над учебником и в «Правде».

— Боюсь, что это окажется практически невозможным. «Правда» — дело серьезное, нужно отвечать за каждое слово.

— Конечно, серьезное. Но разве быть редактором «Правды» значит торчать в редакции день и ночь? Это совсем не нужно. Редактор должен обеспечить правильную политическую линию в газете, направление, задавать тон. Лично редактировать лишь самое главное и решающее. Остальное должен делать секретариат редакции. Можно иметь не одного секретаря, а двух посменно. Секретариат — душа редакции. А вы дирижируйте...»

В своей работе над трилогией о маршале Жукове я использовал рассказ Шепилова о подготовке доклада

Хрущева на XX съезде «О культе личности Сталина», а также другие очень важные факты из взаимоотношений Жукова и Хрущева, за подлинность которых и я и читатели благодарны Дмитрию Трофимовичу.

С большим теплом и уважением Шепилов вспоминал однополчан по фронтовой жизни. Надеюсь, многих читателей заинтересуют воспоминания ветеранов и сослуживцев Дмитрия Трофимовича, которые рассказывают о том трудном и героическом периоде его биографии. Я тоже не могу не восхищаться всесторонней одаренностью Дмитрия Трофимовича. Ученый, интеллектуал высшей пробы, чуткая натура, понимающая тонкости музыки и других видов искусства, и вдруг — такие успехи в ратных делах, по своей природе жестоких, связанных с кровопролитием и смертями. Но здесь уже помогали ему не только и не столько эрудиция, как чувство гражданского долга, высокое сознание подлинного патриота и горячая любовь к Родине.

Пришел он рядовым на фронт в дивизии народного ополчения. Прошел всю войну, заслужил звание генерал-майора и целый иконостас полководческих орденов!

До последних дней фронтовые друзья не забывали своего доброго и заботливого «комиссара» — не в пример очень многим «ученым мужам», которым Дмитрий Трофимович дал не только путевку в науку, но и поддерживал долгие годы.

Шепилов заканчивал свой жизненный путь в военном госпитале. Самым заботливым и верным ему другом оставалась Тамара Петровна. К тому времени уже не было в живых Марьяны Михайловны. Навещала и заботилась об отце и дочь, Виктория Дмитриевна, сама очень больная и не надолго пережившая отца.

Виктория, Тамара Петровна и я хотели сделать полезное дело и поддержать этим угасавшего Дмитрия Трофимовича, издав к 90-летию его замечательные и во многом поучительные для нас сегодня воспоминания. Но — весьма странным образом исчезли его многочисленные рукописи.

Дочь так и не смогла найти в квартире отца ничего, кроме отдельных черновиков. А ведь были у него отпечатанные на машинке готовые главы. Он сам их мне показывал и зачитывал отрывки. Неужели родственники, друзья так и не найдут их?

Любя и преклоняясь перед талантливейшим государственным деятелем, так много потрудившимся для своего народа человеком, очень близким мне по взглядам на жизнь, литературу, судьбы людей и всего нашего Отечества, я навещал дорогого друга до последнего его дня. А потом и хоронил вместе с его родными и близкими на Новодевичьем кладбище.

Прощаясь с ним, мы говорили:

— Никогда не забудем тебя, дорогой наш Дмитрий Трофимович.

И теперь я еще раз повторяю эти скорбные слова.

ОРДЕНА ПОБЕДЫ

(Стихотворение. Автор Елена Тюхтяева)

*Ордена и медали я с костюма сняла...
И к глазам от печали подступила слеза,
И скатилась тихонько без следов и замет,
Задержалась на ткани — от медалей где след.*

*Очень горько сегодня на душе у меня —
Будто тихо стою у живого огня,
Что на братских могилах бессменно горят,
Где полчانه полвека прошедшего — спят.*

*Дорогие полчане, простите меня,
Я не просто с костюма сняла ордена...
Решено было спрятать, чтоб верней сохранить —
Долго думала прежде, что мне делать, как быть.*

*Вы, наверно, слышали про наши дела,
Что Россию пытаются уж не год и не два,
И что нет государства на карте Земли —
То, что вы отстояли, жизнью, кровью спасли.*

*Ну, и как с орденами? Все с груди их сорвать?
А потом, чтобы бросить или в грязь затоптать?
Страшно, горько об этом сегодня сказать,
Что еще много хуже — иностранцам продать...*

*Но, вы спите спокойно, мы еще не сдались,
Мы уперлись в окопе и с землей слились.
И чем больше доверья ветеранам-бойцам,
Тем труднее в России дышать подлецам.*

*Дорогие полчане, обнадежить могу —
Соберется Россия на горе врагу!
Будем живы мы, нет ли — ведь время идет,
Мы — ядро заложили, от него все пойдет.*

*Это — наша Победа! Чтоб Россию сломать
Очень нужно Победу врагам оболгать.
На Москве попытались из пушек спалить,
«Ледоколом» из лжи — на куски разрубить...*

*Но, Победу нельзя ни сломить, ни убить!
Но Победу нельзя, как Закон, отменить.
Да, Победа бессмертна! И Слава в веках
Так и будет сиять на ее орденах!*

То, что переживала ныне покойная автор этих стихотворных строк, когда их писала в июле 1994 года, перекликалось с чувствами и настроением Дмитрия Трофимовича Шепилова в последние годы его жизни...

Можно согласиться со словами его внука, которыми он начинает свой материал, что со смертью Дмитрия Трофимовича Шепилова (в августе 1995 года) “в России не осталось ни одного живого участника споров, схваток, перемен в высшем политическом руководстве СССР в пятидесятые годы”. В сборник входят статьи и воспоминания более 20 знавших его на разных этапах жизни людей, среди которых близкие родственники и друзья, писатели и журналисты, ученые и историки, а также некоторые выступления и заметки самого Шепилова.

Даже люди старшего поколения, не говоря уж о нынешних, мало что знают об этом незаурядном человеке, который волею судеб оказался в верхнем эшелоне власти в стране в период после смерти Сталина и прихода к руководству Н.С.Хрущева, а затем, судя по убедительным и интересным материалам, собранным в этой книге, был несправедливо отстранен от большой политики, с официально навешенным ярлыком “примкнувшего” к “антипартийной группе” Маленкова — Кагановича — Молотова.

Надеемся, что публикация данного сборника (в нем помещены и многие неизвестные читателю фотографии) заполнит существенный пробел в столь важном и поучительном во многих отношениях периоде советской истории. Думается, немало людей, даже придерживающихся противоположных взглядов на события 50-х годов, связанные со сменой и деятельностью нового руководства страны, с интересом прочтут эту книгу.